

ДЖОРДЖИЯ БРИГГС

ИКОНА

I C
—
O IN

Джорджия Бриггс Икона

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55456836
Икона / Джорджия Бриггс; Фонд Традиция; Москва; 2020
ISBN 978-5-00152-061-0

Аннотация

Это захватывающая история о том, что может случиться с нами в ближайшем будущем. Наступила Эра Толерантности. Рождество заменили безликие Зимние праздники, провозглашён культ личной свободы. Христианство, не одобряющее свободу греха, признано главным врагом нового режима. Христиан безжалостно истребляют. Убита и семья двенадцатилетней Евфросиньи. Девочка спаслась благодаря чуду – икона святителя Николая сохранила её от гибели. Евфросиния – обыкновенная американская школьница, которой не чуждо всё, что интересно ее ровесникам во всём мире. Но, проходя через испытания, она оказывается перед взрослым выбором – вера или смерть. Какой выбор сделает Евфросинья?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	41
Глава третья	76
Глава четвёртая	117
Глава пятая	146
Глава шестая	180
Глава седьмая	211

Джорджия Бриггс

Икона

*И сотворил Бог человека по образу Своему,
по образу Божию сотворил его; мужчину и
женщину сотворил их.*

Бытие 1,27

*Человек – икона Бога... Богочеловек – икона
человека.*

Преподобный Иустин Сербский

Эта книга посвящается Лиле и Тейе

BRIGGS

PEN-AND-INK DRAWINGS BY GEORGIA BRIGGS

ALL RIGHTS RESERVED.

**PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE
ORIGINAL PUBLISHER,**

**ANCIENT FAITH PUBLISHING (FORMERLY
KNOWN AS CONCILIAR PRESS).**

A DIVISION OF ANCIENT FAITH MINISTRIES

P.O. BOX 748

CHESTERTON, IN 46304

Перевод Софии Халберт

www.vsbook.ru Москва, 2020

Chesterton, Indiana 2017

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви

ИС Р20-005-0197

© Georgia Briggs, 2020

© Фонд «Традиция», 2020

Глава первая

3 декабря 0000 года. Эра Толерантности

— Хиллари Мэфьюз, ты не могла бы ненадолго задержаться после занятий?

Я собирала вещи со стола, эти слова заставили меня застыть на месте. Все вокруг галдели, шумели, словом, готовились пойти на обед.

— Хиллари? — повторила мисс Линда.

Я кивнула и застегнула рюкзак. Одноклассники, расталкивая друг друга, помчались кто к шкафчикам, кто в туалет. Я плелась позади всех.

Мисс Линда кажется вполне дружелюбной, но почему-то меня пугает. Она слишком часто смотрит на меня. Думаю, она, скорее всего, знает.

Когда я подошла к учительскому столу, она взяла в руки какую-то бумажку. Фу-ух, отпустило, это всего лишь моя вчерашняя контрольная по испанским глаголам. Я что, получила плохую оценку? Странно. Обычно у меня всё очень даже хорошо с испанским.

— Хиллари, — она заговорила таким мягким, но очень противным голосом, которым взрослые любят говорить с детьми, — ты отлично справилась с заданием. Высший балл.

Но голос у неё какой-то странный. Это совсем не подходящий для «поздравляю-с-прекрасной-оценкой» голос. Я

быстро просмотрела свою работу – ни одной ошибки, оценка «отлично», а потом взгляд остановился на моём собственном имени, написанном мной вверху страницы.

– Хиллари, ты можешь мне объяснить, почему ты так подписала свою работу? – прошептала мисс Линда.

Моим же собственным, прекрасным каллиграфическим почерком, чуть повыше испанских глаголов, было написано: Ефросинья Мэфьюз.

Запершило в горле. О чём я вообще думала? То, что это написала именно я, не вызывает сомнений: я всегда подрисовываю дополнительную загогулинуку внизу буквы «ф».

Я почувствовала неприятную тяжесть в желудке, сердце забилось как бешеное.

– Простите. – Это всё, что я смогла выдавить из себя.

– Не переживай, просто следи за тем, чтобы это впредь не повторялось. – Она взяла контрольную из моих трясущихся рук и положила к другим бумагам, постучала ими по своему столу, превратив их опять в идеально ровную стопку.

– Я больше не буду. – С этими словами я попятилась к двери.

Может быть, это всё, может быть, она забудет?..

– Хиллари, – произнесла она за секунду до того, как я была готова повернуть ручку двери, – ты живёшь с бабушкой и дедушкой, так?

Она всё знает.

– Да, мэм.

– Ричард и Глэдис?

– Да, мэм.

Она даже знает, как их зовут? Интересно, а другие учителья? Они все знают, где я живу? Я пытаюсь не паниковать, но моё дыхание предательски учащается.

Мисс Линда что-то записывает в свой блокнот.

– И они зовут тебя Хиллари?

– Да, мэм.

– Всегда?

– Да, мэм.

Я, кажется, повторяюсь. Я сама слышу, какой испуганный у меня голос.

– Ну, хорошо, хорошо. – Мисс Линда кладёт блокнот в свою коробочку со скрепками и взмахивает ладонью. – Всё-всё, иди обедать, приятного аппетита, до завтра.

Я открываю дверь и быстро выскользываю. Она сказала: «До завтра»! Они все за мной следят. Они все всё знают.

Великая Суббота

Вечер, 18:54, и мы все в своих кроватях. Я, Кейт и моя двоюродная сестра Оливия лежим в белых праздничных платьях, так, чтобы мы могли выпрыгнуть из наших кроватей, быстро сесть в машину и поехать на службу. Все вентиляторы включены, жужжат монотонно, перекрывают шум автомобилей с улицы.

Я просыпаюсь от того, что Хёрши скулит под дверью

спальни. Его слух гораздо острее моего, и я всё ещё не слышу, что что-то не в порядке. Думаю, может быть, ему пора гулять или нужно что-то ещё?

Кейт и Оливия всё ещё спят. Оливия скомкала и спихнула одеяло на моё место. Вздохнув, я встаю, шаркая ногами, следую за клацаньем когтей Хёрши в гостиную. Он бросается к входной двери, быстро дышит, будто ожидает кого-то.

Тёмные силуэты на фоне белых занавесок. Резко поворачивается ручка двери.

Я останавливаюсь.

Я слышу, как скрипят и ломаются ударом снаружи доски двери. Комната родителей в противоположном конце дома.

Я бегу по коридору, мимо моей комнаты, спотыкаюсь о ступеньки в темноте. Быстро поднимаюсь, не обращая внимания на боль в коленке.

– Папа! Кто-то ломится к нам, я боюсь!

Мама трёт глаза спросонья, отец выскакивает из постели, на бегу хватает бейсбольную биту из гардеробной.

Крики.

Сапоги.

Звон стекла.

– Быстро под кровать!

– Кейт и Оливия...

– Быстро под кровать! Держи!

Какой-то твёрдый квадратный предмет оказывается у меня в руке. Пыль от ковра. Семейный альбом. Потерявшийся

носок.

— Алекс!

Выстрел.

Опять звон стекла.

— Пожалуйста, нет... Помилуйте... Господи, помилуй! Богородице...

— Только не их, пожалуйста, не...

Выстрелы.

Вой собаки.

Сапоги.

Тишина.

4 декабря 0000 года. Эра Толерантности

Моя комната в доме бабушки и дедушки очень чистая. И белая. В ней совсем немного игрушек. Раньше их было много, раньше, когда я была маленькой. Когда я только приехала сюда, скучала по ним, но покупать новые игрушки мне совсем не хотелось. Что бы я с ними делала? Сидела бы на полу одна и смотрела на них?

В общем, я чувствую себя неплохо. Хотя и бывает грустновато вечерами, когда хочется обнять мою старую мягкую обезьянку, пока я засыпаю. Я привыкла засыпать лёжа на животе, смотреть на неё, прижимать к себе. В первую ночь я попробовала полежать на животе, но без тёплой обезьянки в руках никак не получалось улечься поудобнее. Так что теперь я сплю на боку, свернувшись калачиком.

В моей комнате – кровать с голубым одеялом и письменный стол из тёмного дерева. Шторы, которые я люблю открывать и закрывать, когда мне скучно. И часы на стене.

Часы. Через неделю после моего приезда я попросила бабушку купить мне часы. Мы съездили в «Уолмарт» за покупками. Я выбрала самые простые: в чёрной рамке, цифры на белом фоне и красная секундная стрелка.

– Тебе не нравятся электронные часы? – удивилась бабушка.

– Нет, мне нравятся эти, – сказала я, схватив коробку с полки. Посмотрела на цену: не очень дорого.

– Точно? В этих часах даже нет встроенного будильника.

– Мне нравятся эти.

Дедушка забил гвоздь в стене, прямо над моей кроватью, и повесил часы. Ночами я лежу тут, свернувшись калачиком, и слушаю громкое тиканье часов. И я не думаю о тишине, по крайней мере, не так много... Кейт посапывает во сне.

Пасха

Я всё ещё лежу под кроватью. Так долго, что описалась, совершенно испортив белое платье. Но я по-прежнему не вылезаю из-под кровати. Я сжимаю тот деревянный предмет, который мама сунула мне в руку. Я даже не знаю, что это такое, но я сжимаю это так крепко, что больно пальцам.

Папин телефон начинает жужжать. Он, скорее всего, упал с тумбочки, потому что я вижу, как он светится на полу,

в нескольких шагах от меня. Буквы складываются в имя «Марк».

Мистер Лиакос. Папин друг и чтец в нашем храме.

Я отпускаю деревянный квадрат, подтягиваю телефон под кровать, поближе. Он всё ещё звонит. Я провожу пальцем по экрану. Шепчу: «Алло».

– Алекс? – пробивается ко мне голос мистера Лиакоса, такой маленький и словно укутанный в мягкий шарф.

Я чувствую, как по моим щекам бегут слёзы.

– Алекс, алло!

Заставляю себя произнести хоть что-то.

– Это Ефросинья.

– Малышка, я могу поговорить с папой?

Слёзы начинают катиться неудержимо. Я уже просто реву в телефон.

– Ефросинья, малыш, а папа рядом? У вас всё в порядке?

– Я боюсь выйти, – плачу, – я боюсь! Я не хочу вылезать отсюда. Я думаю, что я только одна...

– К вам приходили? Деточка, расскажи, что там у вас случилось?

– Были мужчины с ружьями, и мама сказала, чтобы я спряталась под кровать, а папа пошёл, и я слышала выстрелы, и я думаю, что только я... я...

– Так, оставайся на месте. Я скоро буду.

– Хорошо, – проскулила я.

Экран вспыхнул ещё раз, прежде чем телефон отключил-

ся. И я опять осталась в темноте. Я просто лежу и стараюсь ни о чём не думать.

Внезапно я чувствую движение в доме. Кто-то идёт по коридору прямо к спальне. Вижу голубой свет на полу, он перескакивает через какие-то тюки, свёрнутое одеяло, игрушки Хёрши.

— Ефросинья, — до меня доходит голос мистера Лиакоса. Щелчок, и комнату заливает свет. Жёлтое свечение кажется болезненным. Снаружи по-прежнему темно.

Появляются блестящие чёрные туфли мистера Лиакоса. Церковные туфли. Он опускается на колени, чтобы найти меня под кроватью. Я всё ещё боюсь пошевелиться.

— Где ты, малыш?.. Ты как, в порядке?

Я киваю.

— Ты можешь вылезти оттуда? Здесь опасно оставаться, нам нужно уезжать.

Я начинаю выползать из-под кровати, как червячок. Я вся в пыли, платье на мне холодное и мокрое.

Мистер Лиакос подаёт мне руку, помогает встать. Смотрит на предмет, который я всё ещё сжимаю в руке.

— Вот за это сейчас ты только и можешь держаться, — шепчет он. Берёт зелёное одеяло с родительской кровати и закутывает меня в него. Потом приседает передо мной и заглядывает мне прямо в глаза.

— Всё очень плохо, — тихо говорит он, — если хочешь, я понесу тебя на ручках, а ты можешь закрыть глаза, пока мы

не выйдем отсюда.

Я трясу головой. Я вся мокрая. И мне совсем не нравится, когда кто-то чужой, кто-то кроме папы или мамы прикасается ко мне или обнимает.

– Хорошо, – говорит он. – Иди за мной и постараися не сводить глаз с моей спины.

Весь дом в темноте, и я вижу только мутные силуэты предметов, которые выхватывает голубой лучик телефона мистера Лиакоса. Я должна его слушаться и смотреть только перед собой. Но я не слушаюсь. И кое-что я бы всё равно увидела.

Мама лежит, свернувшись, у дверей спальни.

Две маленькие девочки, каждая в своей кроватке – тихие и неподвижные.

Разбитая шкатулка на полу, два венчальных венца разорваны, растоптаны.

Разбитые иконы.

Папа и Хёрши в гостиной, папа лежит лицом вниз, Хёрши – прижавшись к нему, нос в крови.

Я выхожу из дома за мистером Лиакосом в ночь. Вернее, в тот самый момент, когда слабое, розовое свечение появляется на востоке. Это же Пасхальное утро.

Христос Воскресе.

5 декабря 0000 года. Эра Толерантности

Послеобеденное время в библиотеке – моё любимое. Бабушка забирает меня из школы, и мы идём в библиотеку

им. Нолан Мэйхью, в центре города. Она читает новую главу «Страсти в прериях» – истории любви, а я брожу вокруг и рассматриваю книги. Мне нравятся здешние библиотекари. Они всегда помогут, если ты попросишь их об этом, но они не обращают на тебя никакого внимания, если ты просто ходишь сам по себе. По крайней мере, до тех пор, пока ты не начнёшь перетаскивать мягкие кресла-мешки из детской секции в секцию для юношества.

Одна из библиотекарей мне особенно нравится. Её зовут Мими. Я знаю её давно. Раньше на её бейджике было написано «Мэри», это было довольно распространённое имя, но оно должно было исчезнуть одним из первых. И я даже не знаю, выдали ли ей такое имя или она выбрала его сама, по звуанию с её старым.

Вообще, я думаю, что эта смена имён оказалась гораздо большей проблемой, чем ожидали.

Когда они стали перебирать имена, оказалось, что имён из Библии или имён святых гораздо больше, чем думали изначально. И не так много вариантов для замены, уж точно меньше, чем надеялись. В конце концов люди стали использовать фамилии вместо имён, называть детей именами растений, знаменитых людей или географических мест. В моём классе есть ещё одна Хиллари, есть Бостон, Орхидея, три Картера и один мальчик по имени Ширан.

В любом случае Мими тоже хорошо ко мне относится. Она помогает мне с выбором интересной книги, хотя я уже

перечитала почти все книжки с красивыми обложками в детской секции.

Именно она познакомила меня с книгами по истории и нон-фикшен. Раньше меня не интересовали такие книжки, потому что в них не было интересного сюжета. Но сейчас мне необходимо самой узнавать некоторые вещи, о них не спросить у взрослых и не найти в интернете, потому что мой школьный компьютер под контролем. Конечно, поиск информации в книгах занимает гораздо больше времени, но я могу это делать осторожно, точно зная, что никто за мной не подглядывает. И я уже здорово научилась разбираться в индексах книг на полках.

Иногда я думаю о Мими. Мэри было просто очень расстроено странное имя, так что в общем ничего особенного в нём и не было. А ей у неё нет никаких татуировок.

Я слежу за ней, прикрывшись книжкой «Даритель», пока она расставляет книги на полках. Она тихонько напевает что-то, слегка пританцовывает, и её широкая красная юбка покачивается из стороны в сторону. Она поправляет правой рукой свою чёлку, и я вижу блеск золота на её безымянном пальце.

Я переворачиваю страницу и усаживаюсь поудобнее в мягкое кресло-мешке. Я очень хочу не спускать глаз с Мими.

Пасха

Мы с мистером Лиакосом очень долго едем в его зелёном

грузовичке. Я кутаюсь в одеяло. В общем-то не холодно, но ощущение мягкой, тёплой ткани, обнимающей меня, очень приятно. Впервые за последние несколько часов я чувствую себя в безопасности и могу наконец поплакать. Именно это я и делаю. Я сворачиваюсь маленьким клубочком, прислоняясь к двери. На панели – икона Богородицы, она покачивается вместе с нами, когда мы переезжаем железнодорожные пути. Неоновые цифры на часах говорят, что уже 4:55.

Мистер Лиакос очень добр и позволяет мне просто плакать и не говорит, что всё будет хорошо. Всё, что он делает, – это просто слегка сжимает мне плечо.

Мы едем просёлочными дорогами, они вьются среди полей с некошеной травой и тощими ёлками. Спустя какое-то время мистер Лиакос сказал:

- Если честно, я не знаю, куда еду.
- А разве нам не нужно в полицию? – говорю я сквозь слёзы. Мой голос неожиданно кажется тоненьким и совсем детским.

Мистер Лиакос качает головой.

– Это может быть опасно.

Опасно? Опасно обращаться в полицию? Что же происходит? Мне становится ещё страшнее. И я сжимаю деревянный квадрат ещё сильнее.

– Ефросинья, – говорит мистер Лиакос, – ты видела тех людей, которые ворвались в ваш дом?

Я отрицательно качаю головой.

- Я только слышала их.
  - Сегодня ночью было нападение почти на все семьи нашего прихода. Поэтому я звонил твоему папе, хотел убедиться в том, что вы в порядке. Ведь вы живёте далеко от города, дальше всех, я надеялся, что успею вас предупредить, и вы сможете уехать, скрыться.
  - Но почему мы не можем пойти в полицию? – спрашиваю я. И я даже не сразу понимаю, что он говорит: почти все люди, которых я знаю, мертвы.
  - Полиция подожгла церковь.
  - Что?!
- Я даже не могу себе представить, что кто-то может поджечь наш храм Иоанна Богослова. Ведь когда входишь в храм, с его белыми стенами, с его сводчатыми потолками, – ощущаешь покой и красоту, густой запах ладана. И святые смотрят на тебя с икон. Все эти иконы... Неужели они сгорели? Я в ужасе. Два места в мире, о которых я думала, что они не изменятся никогда, – дом и храм – больше не существуют.
- Мистер Лиакос шмыгает носом, и я вижу, что его глаза блестят от слёз. Церковь – это его мир. Он вместе с семьёй бывает на каждой службе.
- А ваша семья как, в порядке? – спрашиваю я.
  - Он просто трясёт головой. Он очень внимательно смотрит на дорогу, и я не уверена, что он сам верит в то, что произошло.
  - Дэниел в Австрии, в университетской поездке, – спу-

стя какое-то время говорит он. Его голос еле слышен. – Он, должно быть, в порядке. Я пока не связывался с ним. И я даже не знаю, что сказать, когда позвоню.

Я представляю себе Дэниела далеко, в чужой стране, как он узнаёт, что его мамы больше нет, и теперь он – единственный ребёнок.

И я теперь единственный ребёнок. Сирота. Чувствую, как сжимается горло и глаза опять наполняются слезами. Какие последние слова я сказала Кейт и Оливии? Я даже не помню.

– Прекратите свинячить в ванной, мне нужно почистить зубы!

Я просто ужасный человек. Прячу лицо в ладони.

Мы всё едем и едем, и я засыпаю в слезах. Когда я просыпаюсь, во рту у меня какой-то очень гадкий привкус, и шея затекла от того, что во сне я опиралась на деревянную панель грузовичка. За окном светло, утро, 7:22. Наша машина останавливается. А, так вот почему я проснулась. Поднимаю голову и неуверенно оглядываюсь. Мы на парковке возле Макдоналдса.

– Нам нужно поесть и сходить в туалет, – говорит мистер Лиакос. – Голодная?

– Да, – отвечаю. И мне и вправду срочно нужно в туалет. Я разворачиваю одеяло, отстёгиваю ремень безопасности. Я выгляжу просто ужасно. Моё белое платье всё мятное, в пятнах, волосы растрёпаны, я босиком.

И тут я впервые замечаю, что мистер Лиакос тоже выгля-

дит совсем неважно. На нём стихарь поверх подрясника, но с разорванной горловиной и какие-то тёмные пятна на боку. Глаза у него красные, с тёмными кругами вокруг. Он пахнет ладаном и костром одновременно.

Мы некоторое время смотрим друг на друга, и мистер Лиакос говорит:

– Думаю, они вызовут полицию, если увидят нас в таком виде.

– Наверное, – соглашаюсь я.

– Где-то под твоим сиденьем должна быть расчёска – причесись, а я сниму стихарь.

Что он и делает, правда, удаётся это ему с трудом в таком маленьком пространстве. Аккуратно сворачивает стихарь и подрясник, кладёт их в бардачок. Он остаётся в белой футболке и штанах цвета хаки. Вполне нормально, за исключением красных пятен сбоку, на футболке. Я начинаю подозревать, что и те пятна, на стихаре, были пятнами крови. Я нахожу расчёску, привожу волосы в порядок. Но всё ещё чувствую себя ужасно.

– Завернись в одеяло, как будто ты только что проснулась, может быть, никто не обратит внимания, – говорит мистер Лиакос.

– Хорошо, но у вас кровь на футболке.

– Постараюсь прикрыть её рукой.

Мы выходим из машины. Мои ноги слабые, дрожат из-за того, что так долго были согнуты. Со стороны кажется,

будто бы мы куда-то путешествовали и решили позавтракать в Макдоналдсе.

Розовый восход пробивается сквозь облака, я сонная и голодная, вот только я с мистером Лиакосом, а не с родителями и Кейт. Только всё неправильно. Всё не так, как должно быть.

В Макдоналдсе почти никого. Из других посетителей только мужчина в заляпанном краской комбинезоне и пожилая пара, которая завтракает блинчиками в уютном закутке. Девушка за кассой даже не смотрит в нашу сторону, когда мы входим. У неё тройной пирсинг в ухе, и она явно тайком строчит эсэмэски прямо за прилавком.

— Так, давай сначала по туалетам, — шепчет мистер Лиакос. — Надо бы умыться и хорошенъко помыть руки.

Я киваю и думаю: «Как было бы здорово сейчас почистить зубы, избавиться от этого противного привкуса во рту».

Женский туалет грязноват и пахнет мылом для рук. Я быстренько пользуюсь возможностью сходить в туалет, вешаю одеяло на дверь, чтобы оно не попало в какие-то подозрительные лужицы на коричневой плитке. Я и сама стараюсь не наступить в них босыми ногами. Напоследок я запихиваю туалетную бумагу в эти противные трусы. Это не очень-то помогает. Я невольно морщусь, когда трусы опять прилипают к моему телу.

Я мою руки и вдруг замираю, увидев собственное отражение в зеркале. Может быть, виноват желтовато-зелёный свет

в туалете? Но моя кожа почему-то совершенно неправильного цвета. Очень серая. Глаза припухшие и очень грустные. Брызгаю в лицо тёплой водой и смотрю, нет ли бумажных полотенец. Нет. Только никому не нужные сушилки для рук.

У мистера Лиакоса тоже с лица катятся капельки воды, когда он наконец-то выходит из мужского туалета. Хотя в общем-то он выглядит посвежевшим.

– Ну, давай возьмём что-нибудь поесть, – говорит он.

Мы подходим к кассе, смотрим меню.

– Чем я могу вам помочь? – спрашивает девушка за кассой, по-прежнему не отрывая глаз от телефона.

– Одну минуточку, – говорит мистер Лиакос.

Я пытаюсь выбрать между овсяной кашей и хашбрауном, когда вдруг вспоминаю, что вообще-то могу есть всё, что захочу. Пост закончился.

– Ты помнишь, мы можем есть мясо, – тихонько шепчет мистер Лиакос, видимо, ему тоже только что пришла в голову та же мысль, – но лучше выбрать что-то, что удобно будет есть в машине.

Папа с мамой собирались отвезти нас в наше любимое кафе «Крекер Бэррел» после окончания поста. И там я собиралась заказать яичницу с ветчиной и вафли. Опять хочется разреветься, хотя это, конечно, очень глупо: плакать из-за вафель, когда почти все, кого ты знаешь, погибли. Кассирша начинает с подозрением рассматривать нашу грязную одежду и уставшие лица, и я сжимаю кулаки, ногти впиваются

мне в ладошку, только так я могу сосредоточиться на меню и не заплакать.

— Ты уже решила, что хочешь? — спрашивает мистер Лиакос. Он тоже замечает, что девушка пристально нас разглядывает, и начинает неуверенно переминаться с ноги на ногу.

— Макмаффин с яйцом и апельсиновый сок, — быстро говорю я.

— И ещё добавьте два МакМаффина со свиной котлетой и большую диетическую кока-колу.

Девушка пробивает наш заказ.

— Приложите карточку, — говорит она, прикасаясь к касовому экрану длинным золотым ногтём.

Мистер Лиакос проводит карточкой и уходит, чтобы налить себе напиток. Я стою, пью апельсиновый сок, который только что получила. Но он совсем не помогает избавиться от этого отвратительного вкуса во рту.

Еда готовится недолго, но ожидание под пристальным взглядом кассира заставляет меня нервничать. Я испытываю большое облегчение, когда мистер Лиакос передаёт мне тёплый бумажный пакет, и мы возвращаемся к машине.

Мистер Лиакос ест прямо во время движения, придерживая руль коленкой. Я держу свой сэндвич в руках некоторое время, прежде чем откусить от него, наслаждаюсь его теплом. Мясо очень вкусное. Мои руки все жирные, когда я наконец его доедаю. Вытираю руки салфеткой, потом достаю деревянный квадрат из-под сиденья.

— Вы уже знаете, куда мы едем? — спрашиваю мистера Лиакоса.

— У меня появилась одна идея, — говорит он. — Хочу проверить, как там отец Иннокентий. Он в последнее время сильно болел и редко бывал в храме. Если он жив и в порядке, может быть, он знает, что происходит и куда нам лучше отправиться.

— Хорошо, — говорю я и стараюсь припомнить, как выглядит отец Иннокентий. Я помню, что родители как-то говорили о нём, но я совершенно не могу его вспомнить.

— Нам ехать около часа, — говорит мистер Лиакос, — у него трейлер в лесу, он предполагал, что за ним следят.

«А, вот о чём ты думал всё это время», — мелькает у меня мысль.

От мяса желудок приятно тяжелеет, и я опять начинаю засыпать. Заворачиваюсь в одеяло, обнимаю руками мой квадрат и закрываю глаза.

Уснуть как следует не получается — дорога слишком ухабистая. Но я, видимо, всё-таки заснула, потому что когда грузовичок внезапно останавливается, цифры на панели показывают 8:41. Мистер Лиакос что-то быстро говорит. Что он говорит? Я совершенно дезориентирована, и мой желудок уже явно не рад съеденному МакМаффину.

— Ефросинья. Ефросинья, оставайся на месте, не шевелись. Я пойду спрошу, что там происходит. А ты не выходи из машины, по крайней мере, пока не поймёшь, что это без-

опасно. Хорошо? Держись за икону и повторяй: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Просто повторяй.

– Что? Что происходит?

– Просто повторяй эту молитву, – говорит он, открывая дверь машины.

Он отстёгивает ремень безопасности и выходит, улыбаясь очень уверенно, точно так же, как он это делает, когда встречает новых людей в церкви.

– Добрый день, – я слышу его мягкий голос, – дорога перекрыта?

– Ваше водительское удостоверение, пожалуйста, – я слышу ещё один голос.

– Да, да, секундочку, сейчас.

– Это что, у вас кровь на одежде?

– Да нет, просто кетчуп. Пришлось заехать в Макдоналдс, и этот пакетик практически взорвался у меня в руках.

Слышу ещё один, более низкий голос, с подозрением говорящий: «А что это у него на шее?»

– Покажите нам вашу цепочку, – говорит первый голос.

В ответ – тишина. Я сижу очень тихо, но моё сердце бьётся очень громко, мои руки сжимают мой собственный нательный крестик.

– Он из этих, – говорит более низкий голос, – пристрели его.

Я ещё не успеваю понять, что происходит, звук выстрела заставляет меня вздрогнуть.

– Проверь его карманы и телефон, – говорит первый голос, – потом проверь машину. Может быть, у него есть телефоны, адреса.

Я медленно поднимаю голову. Прямо посреди дороги, перегораживая её, стоит джип. Двое мужчин склонились над телом, лежащим на земле.

Я тяну за ручку, тихонечко открываю дверь. Она немного стукнула. Мужчины не повернулись. Они нашли кошелёк и смотрят, что там, выбрасывая карточки и чеки прямо на дорогу.

Я выскользываю на землю и прикрываю дверь. Бегу к лесу, прижимая к себе икону.

6 декабря 0000. Эра Толерантности

– Хиллари, ты всё ещё спишь?

Я лежу, отвернувшись к стене и поджав ноги. Сейчас 7:15. Мне нужно быть в школе в 7:55.

– Я же говорила, лучше бы мы купили те электронные часы с будильником. Поторопись, иначе опоздаешь, – слышу бабушкин голос.

– Я себя что-то плохо чувствую, – говорю я, – можно я не пойду в школу?

– Так. – Она подходит и щупает мой лоб. Её руки мягкие и пахнут кондиционером для белья, которым она всё время пользуется. Она совсем не плохая. Просто она не мама.

– Температуры нет, – говорит она, – а что тебя беспокоит?

Живот болит?

- Я просто плохо себя чувствую, – повторяю я.
  - Ты можешь пропустить занятия, только если серьёзно больна. Я думаю, всё будет хорошо.
- Она пару раз гладит меня по плечу.
- Быстро вставай, одевайся, а я подогрею колбаски и тосты, которые купил дедушка.

Мне совсем не хочется есть колбаски. Я думаю: «Сейчас декабрь». Но я киваю головой, мне не хочется её обижать.

И я встаю с кровати, чтобы её не расстраивать. Натягиваю джинсы и свитер. Я знаю, она очень старается. Откуда ей знать, что я чувствую? Я натягиваю пушистые носки, те, которые надеваю, когда мне грустно.

- Хиллари! – Бабушка кричит из соседней комнаты.
- Да?
- Почему твоя обувь у входной двери? Ты же знаешь правила: мы убираем вещи на место.
- Простите, я забыла.

Но я вру. Мои кроссовки – ровно на том месте, где я оставила их вчера вечером, они выглядят там очень одинокими, и кажется, им самим себя жалко.

Я вытряхиваю их, прежде чем надеваю, так, на всякий случай. Святитель Николай ничего в них не оставил. Теперь я злюсь на саму себя. Дурочка. Конечно, в них ничего нет. Я ем свою дурацкую колбасу с тостами и заставляю себя почувствовать удовольствие.

7 декабря 0000. Эра Толерантности

По четвергам я хожу к доктору Сниду. После школы бабушка отвозит меня на своей машине, мы сидим в холле и ждём, пока доктор подойдёт к нам и отведёт меня в свой кабинет. Мне не нравится этот холл. Там всегда слишком тепло, а тёмно-коричневые стены вызывают у меня приступы клаустрофобии. Растения на столах из орехового дерева искусственные, наверное, потому, что здесь нет окон и будь они живые – завяли бы и просто умерли. Стулья на первый взгляд кажутся удобными, но они заставляют тебя сидеть слишком ровно, а подлокотники – слишком высокие. Одним словом, это один из таких холлов, который должен быть удобным и выглядеть домашним, но на самом деле создаёт ощущение, что ты задыхаешься.

– Хиллари?

Я отрываю глаза от «Дарителя». Доктор Сnid стоит прямо напротив меня, держит подмышкой файл с историей моей болезни.

– Я подожду тебя здесь, дорогая, – говорит бабушка.

Я медленно иду за доктором в самый конец коридора. По сторонам его много дверей в разные кабинеты, некоторые плотно закрыты и рядом с ними, снаружи, включён «белый шум». Кабинет доктора Снида – второй с конца.

– Садись, – говорит он, включая «белый шум» и закрывая за собой дверь.

Я сажусь на кожаный диван, сжимаю свою книжку. Я вообще люблю везде ходить с книжкой – есть чем занять руки.

Доктор Снайд садится на свой крутящийся стул, забрасывает ногу за ногу и открывает мой файл.

– Ну, как дела сегодня? – спрашивает он.

– Хорошо, – отвечаю, впрочем, я всегда так отвечаю. Он кивает головой, переворачивает страницы.

– Да, вижу, у тебя выдалась отличная неделя в школе.

– Ну, да.

Я думаю: «Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как доктор Снайд сам был в седьмом классе?» Я даже не могу себе представить, что он носит какую-то другую одежду, кроме брюк в тонкую полосочку, жилетку и кроссовки. То есть то, во что он одет каждый раз. Над ним бы здорово посмеялись в нашей школе.

Он останавливается и поднимает к глазам один листок бумаги. Смешно вытягивает подбородок, чтобы прочитать, что же там написано.

Я сильнее сжимаю книжку.

– Вижу, что мисс Линда кое-что написала на твоём тесте по испанскому, – наконец произносит он. Он кладёт этот листок на стол и продолжает просматривать остальные. – Ты часто пишешь не то имя?

– Нет, – говорю я.

Доктор Снайд хмыкает. Он достаёт ещё несколько листочек из файла и выкладывает их рядом с моим тестом.

– Подойди сюда и посмотри сама, – говорит он.

Я встаю с дивана и подхожу к столу посмотреть. Это всё разные мои работы: математика, словарный диктант по английскому и первая страница из теста по чтению. Они все подписаны «Хиллари». Даже не представляю себе, что там такого.

– Мне хотелось бы, чтобы ты обратила внимание на свой почерк вот здесь, – говорит мистер Снайд, поправляя очки на носу. – Ты знаешь, мы многое можем сказать о человеке, глядя на его почерк.

Я ничего не отвечаю, просто смотрю на эти бумажки. Всё в них аккуратно, нет никаких ошибок.

– Сравни, как ты ошибочно подписала тест по испанскому и как подписаны другие бумаги. – Он тычет толстым пальцем в имя «Ефросинья» с моим фирменным, красивым росчерком на букве «ф», а потом указывает на «Хиллари», – тут – большие, квадратные печатные буквы. Видишь разницу?

Я киваю, но не понимаю, что из этого всего может следовать.

– Меня это очень беспокоит, Хиллари, – говорит он, скрепляя бумаги и засовывая их обратно в файл.

Он некоторое время смотрит на меня не мигая.

– Меня очень беспокоит, что ты всё ещё ощущаешь дискомфорт с той девочкой, которую зовут Хиллари. Ты всё ещё не чувствуешь себя полноправной хозяйкой этого имени.

Я опускаю глаза, смотрю на книгу.

– Да нет, я в порядке, всё нормально.

– Я думаю, что тебе необходимо попрактиковаться писать своё имя, выработать свой собственный почерк. Почувствуй себя комфортно тем, кто ты есть на самом деле. Я дам тебе небольшое задание на дом. Ты должна поработать над тем, как ты пишешь своё имя, придумай и отработай собственную подпись.

– Хорошо, – говорю я и сажусь обратно на диван.
Он глубоко вздыхает и кладёт файл на стол.

– Это часто случается с людьми, пришедшими из оккультизма или деструктивных сект, им сложно найти свой собственный голос, свою индивидуальность. Но ты сильная девочка. Я думаю, что со временем ты сможешь перерости то, что тебе пришлось пережить, и ты сможешь построить новую жизнь.

– Тебя это расстраивает? – продолжает он. – Я заметил, ты начинаешь заламывать пальцы, когда тебя что-то беспокоит.

– Всё в порядке, – повторяю я.

– Хиллари, это совершенно нормально – испытывать сложности в такой ситуации, особенно в твоём возрасте. Я уверен, ты очень любила свою семью.

Я только киваю головой.

– И то, что случилось с ними, это, конечно, трагедия. Но мы можем извлечь из этого урок: узкое мышление и осуждение других вызывает в людях агрессию. Мы должны подняться выше чёрно-белого восприятия действитель-

ности. Мы должны научиться принимать всех людей такими, какие они есть.

Я смотрю на портрет старика на обложке моей книги. Эти люди жили в чёрно-белом мире. Но разве это было не из-за того, что они избавились от таких вещей, как любовь, и разве не злоба привела к насилию? Мне кажется, что доктор Снайд говорит что-то совсем не то, говорит что-то совершенно противоположное.

— Это очень сложно понять в твоём возрасте, я знаю, — продолжает он, — но подумай о том, как далеко ты уже про-двинулась. Когда ты пришла сюда в первый раз — ты отка-зывалась от мяса по средам и пятницам! Ты понимаешь те-перь, какая это свобода — возможность выбора любой пищи? И вся жизнь такова. Если ты позволишь другим людям уста-навливать внешние рамки в отношении себя, ты упустишь воз-можность попробовать много прекрасных вещей в жиз-ни. Самое главное — прими других и саму себя такими, какие мы все, и ты в том числе, есть на самом деле, и это принесёт тебе счастье.

«Но я совершенно несчастна», — думаю я.

— Просто подумай об этом, — продолжает доктор Снайд, — принятие себя как Хиллари вовсе не означает предательства по отношению к твоей семье и памяти о ней. Ты можешь любить их и скучать без них, но ты должна сформировать собственный взгляд на жизнь, на то, что для тебя означает стать хорошим человеком.

Мы сидим в тишине. Мне не хочется с ним разговаривать.
И мне не хочется приходить сюда.

– Ты подумаешь об этом?

– Я не знаю, – отвечаю я.

– Ну, хорошо, это, конечно, твоё дело. Но я считаю, что это будет очень полезно для тебя.

Пасха

На деревьях ещё нет листвы, и я боюсь, что мужчины увидят меня до того, как я смогу убежать достаточно далеко. Бежать босиком очень больно. Мне так страшно, что я бегу не оглядываясь. Когда они откроют машину, сразу увидят два стаканчика из Макдоналдса. А ещё моё одеяло на пассажирском сиденье. Они сразу всё поймут. В любую минуту они могут побежать за мной и убить.

Мистер Лиакос мёртв.

Мистер Лиакос мёртв.

Я взбираюсь на холм, сбегаю по противоположной стороне, поскользываюсь на прошлогодних листьях. Мне нужно найти место, где я могу спрятаться. Слышу, как стучит мое сердце, и боюсь опять описаться.

Слышу выстрелы позади. Я останавливаюсь на минуту, смотрю вокруг – куда же можно спрятаться, хоть что-то, что может меня прикрыть. Ничего. Только деревья. И даже нет ни одного толстого дерева, за которым я могу укрыться. Я слышу, как кто-то идёт в моём направлении, с шумом, грубо

ломая кусты.

Мне очень страшно. Мне просто хочется, чтобы всё скорее закончилось. Только пусть это будет не больно. Только пусть это будет не больно. *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя. Разбуди меня, пожалуйста, пусть это будет просто ночной кошмар, останови это, пожалуйста, останови это...*

– Вот она!

Я быстро поворачиваюсь, держу икону перед собой.

Слышу ещё один выстрел, на этот раз такой громкий, что, кажется, он совершенно оглушает меня. Что-то сильно удараёт меня в грудь так, что я падаю навзничь. Во всём мире – полная тишина, кроме какого-то странного высокого звона. Я лежу в грязи на старых прошлогодних листьях не шевелясь. Наверное, я умерла.

Проходит много времени, прежде чем я могу пошевелиться. Звон понемногу затихает, и я слышу, как ветер шевелит листья, слышу чириканье пролетевшей мимо птички. Моя грудь болит так, будто кто-то сильно меня ударил. Я лежу с закрытыми глазами и надеюсь услышать мамин голос. Может быть, она рядом?

Но нет никакого голоса. Какой-то муравей или комар или кто-то ещё кусает меня за щиколотку. Наконец я открываю глаза.

Я всё ещё в лесу. Позднее утреннее солнце нежно светит сквозь ветви. Куда делся тот мужчина? Я сажусь, у меня кру-

жится голова, я оглядываюсь вокруг.

Лес пуст. Никого нет. Что случилось? Меня застрелили? Я прикасаюсь к груди. Очень больно, но там нет крови. И вообще, на мне нет ни капли крови. Только мои ладони почему-то поцарапаны, точно так же, как в школе на уроке физкультуры после перетягивания каната.

Моя щиколотка чешется. Я начинаю сильно её тереть. Не могу понять, что же произошло.

Я бежала. Потом остановилась. Я слышала, как кто-то шёл за мной, но спрятаться было невозможно. Он что-то крикнул, я повернулась, держа икону перед собой... так... а где икона?

Я встаю и осматриваю землю вокруг. А, вот она, в паре метров от меня, лежит лицом кверху, около упавшей сосны. Я иду, чтобы взять её, и вдруг останавливаюсь.

Это же икона святителя Николая, это мамин святой покровитель, эта икона всегда стояла на её столике, у кровати. Святитель в полном спокойствии, на золотом фоне, в одной руке у него – Библия, другая поднята для благословения. Его лицо не изменилось – всё такое же серьёзное и тихое, хотя я вижу, что его грудь прострелена, прямо посередине, между двух голубых крестов на его шарфе.

Я поднимаю икону, мои руки дрожат. Она кажется маленькой и лёгкой в моих руках. Я поворачиваю её. Она всего сантиметра два шириной, но пуля не пробила икону насовсёз. С обратной стороны она выглядит совершенно це-

лой. Николь Мэфьюз – написано чёрным фломастером в левом углу. Я опять переворачиваю икону.

Значит, я держала её прямо перед собой, когда тот человек выстрелил. Должно быть, она остановила пулю, но сила отдачи пришлась на мои руки, поэтому я упала. Наверное, тот подумал, что я умерла?

Я опять сажусь на землю и смотрю на икону. Святитель Николай очень спокоен. Но то, что пуля у него в груди, очень беспокоит меня. Я хочу достать её ногтями, пытаюсь раскачать её, чтобы вынуть. Сажусь на камень у корней деревьев, это придаёт мне большую устойчивость.

Пуля очень плотно вошла в дерево, но через несколько минут у меня что-то начинает получаться.

Тонкая струйка крови вытекает из груди святителя.

9 декабря 0000. Эра Толерантности

– Ну, как? Тебе понравилось? – спрашивает Мими с улыбкой.

– Да, было очень интересно, но грустно, – говорю я, возвращая «Дарителя».

Она держит книжку и медленно проводит пальцем по портрету старика. Это одна из причин, почему я читаю книги, которые даёт мне она. Я знаю, Мими любит каждую из них.

– Да, она немного грустная, – говорит она, перекладывая книгу в специальную тележку, – мне хотелось бы, чтобы

книжка не заканчивалась так быстро, чтобы мы были уверены, что у Джона и Гейба всё сложилось хорошо.

– Да, и мне, – говорю я, – я так и не поняла – это ему приснилось или он действительно спрятался в безопасном месте. Почему бы автору не написать об этом просто и понятно?

– Наверное, она думала, так будет более правдоподобно, – говорит Мими, – жизнь полна таких моментов, когда кажется, ты висишь над пропастью. И далеко не всё в жизни устраивается просто и красиво.

– Вот именно поэтому я считаю, что книжка должна заканчиваться хорошо, – говорю я, – в жизни и так слишком много грусти.

Мими смеётся.

– И чем старше ты становишься, тем она грустнее... Какое утешение.

Мими ставит локти на стол и опускает свой подбородок в ладони. Колечко блестит на её правой руке.

– У меня есть для тебя ещё одна книжка, конечно, если ты хочешь. Она грустная сначала, но у неё счастливый конец. Это одна из моих любимых.

– Конечно, хочу. – Она каждый раз говорит, что вот эта и есть её любимая книжка.

– А о чём она?

– Она о девочке, у которой случилось несчастье, девочка грустит. Она учится в девятом классе, и она очень одинока, и ей самой приходится разбираться, как пережить прошлое.

На первый взгляд это выглядит депрессивно, но на самом деле там очень много смешных моментов. Там отлично описана школа.

Мими встаёт и провожает меня обратно в отдел юношеской литературы.

Я думаю о школе, где мисс Линда следит за мной и другие дети со мной не разговаривают. Да, звучит очень знакомо.

— Андерсен... Андерсен... — Мими бормочет себе под нос. Она просматривает корешки книг, ищет нужное название.

— Я думаю, что у меня тоже иногда бывает депрессия, — говорю я. Даже не знаю, зачем я это говорю. Я, в общем-то, не очень хорошо знакома с ней.

Мими не сразу отвечает. Потом она говорит:

— У меня тоже...

Она вынимает книгу и передаёт её мне. На обложке — лицо девочки, немного прикрыто ветвями ивы.

— Вот она. Книга называется «Не молчи». Но ты должна будешь рассказать мне, что ты о ней думаешь. Особенно о деревьях Мелинды.

— О чём?

— Ты сама всё увидишь.

Я смотрю на обложку, а Мими смотрит вокруг, как будто ей совсем не хочется возвращаться назад, за её стол. Она, сама не замечая того, крутит кольцо на пальце.

— Мими?

— Да?

– Почему ты носишь обручальное колечко на правой руке?

Она перестаёт теребить кольцо и внимательно смотрит на меня. Я знаю этот взгляд: взрослые смотрят на тебя так, когда решают – стоит ли тебе говорить что-нибудь или нет.

– Потому, что это та рука, которой раньше давали обеты, – говорит она и так же внимательно смотрит на меня.

– Раньше я тоже знала… таких людей… которые тоже поступали так… – шепчу я.

Мими кивает головой. Она оглядывается: рядом с нами никого нет.

– Знаешь, что, – говорит она, – почитай «Не молчи», а потом мы поговорим о деревьях.

10 декабря 0000. Эра Толерантности

Воскресное утро – значит, включён телевизор. Новые серии всех сериалов и шоу в воскресной программе. Бабушка и дедушка смотрят новую серию «Спасённый Сантой» – в общем, это о Санта-Клаусе, который приходит к разным родителям, которые осуждают всё на свете, он учит их, как принимать собственных детей, несмотря ни на что.

Папа с мамой, скорее всего, не разрешили бы мне это смотреть. Подростки часто совершают поступки, из-за которых потом стыдно, и смотреть на это вместе с бабушкой и дедушкой как-то не очень, к тому же Санта-Клаус – это такая старушка. Думаю, мои родители бы сильно рассердились

на это. Но я устала сидеть одна в своей комнате, к тому же за окном – дождь, так что я сижу на дедушкином кожаном стуле и вывожу в блокноте «Хиллари» снова и снова. Может быть, если я буду это делать хорошо, доктор Сnid перестанет задавать мне свои вопросы?

Я стараюсь написать это имя по-разному – слитно, потом большими круглыми буквами, как любят писать у нас девочки в классе, даже подрисовываю сердечко. В конце концов я начинаю раздражаться и опять писать большими квадратными буквами.

Это не моё имя. Я так много раз его писала, что все эти буквы потеряли всякий смысл. Я вырываю исписанные странички из блокнота, мну их и выбрасываю.

Этот шум заставляет дедушку поднять на меня глаза.

– У тебя там всё в порядке, Хилли-Билли? – спрашивает он своим скрипучим голосом. – Опять проблемы с математикой?

– Я не знаю, – ворчу я.

А про себя думаю: «И я не Хилли-Билли».

– Пойду наверх, немного почитаю.

– Вот правильно, отдохни, – говорит дедушка, снова поворачиваясь к телевизору.

Я поднимаюсь и иду наверх именно в тот момент, когда Санта-Клаус снимает свою фальшивую бороду и начинает красить губы.

Глава вторая

Антипасха

— Мистер и миссис Мэфьюз?

— Да, мисс, это мы, — говорит дедушка.

— Вы заполнили все бумаги?

— Да, все, но только мы не знаем, что написать в графе «имя»...

— Давайте, я посмотрю. Её статус? Ах, да. М-м-м... У меня есть вариант — Хиллари Джейн.

— Только напишите, пожалуйста, разборчиво, чтобы мы могли легко прочитать.

Дедушка пишет перьевой ручкой, которая у него всегда с собой, затем передаёт всю стопку бумаг женщине за столом.

— Спасибо. Она уже здесь, но у нас просьба: не уходите сразу. Я думаю, что доктор Сnid хотел бы переговорить с вами. Он будет её постоянным психологом.

— Она в порядке? — слышу я бабушкин шёпот.

— О, я уверена, с ней всё будет хорошо, — говорит дама, — доктор Сnid вас проинформирует.

Я сижу в соседней комнате на синем виниловом диване, завёрнутая в одеяло, и внимательно рассматриваю свои ноги. Они по-прежнему босые и грязные. На мне какая-то странная одежда — огромная футболка и мальчишечки баскетбольные шорты, а вот туфли для меня они не смогли найти. Все

чувства кажутся онемевшими, я не могу перестать думать о том, как бы мне хотелось надеть туфли. А ещё – принять душ.

Бабушка и дедушка входят. Бабушка крепко обнимает меня.

– Деточка моя, ты в порядке? – спрашивает она.

Я киваю. На самом деле я не очень-то хорошо с ними знакома. Они вообще никогда не разговаривали с мамой и папой. С чего вдруг они такие добренькие?

– Эта дама сказала, что теперь тебя будут звать Хиллари, – говорит дедушка, садясь рядом со мной на диван, – здорово будет наконец иметь такое имя, которое люди смогут рас слышать и записать с первого раза? – подмигивает он.

– Ричард… – ворчит бабушка.

– А что? Я просто сказал…

Бабушка явно чувствует себя неуютно.

– Может быть, нам нужно…

В этот момент входит какой-то мужчина и плотно прикрывает за собой дверь. Он, кажется, постарше папы. Может быть, ему около пятидесяти? На нём костюм в узкую полосочку и кроссовки. Только волосы его выглядят как-то странно. В них совсем нет седины. И они сильно прилизаны гелем.

– Мистер и миссис Мэфьюз? – говорит он, пожимая им руки.

– Хиллари, приятно с тобой познакомиться, – говорит он

уже мне. – Я – доктор Снайд.

«Почему все эти люди называют меня чужим именем, почему я – босиком?»

Доктор садится на стул прямо напротив нас, забрасывает одну ногу на другую.

– Не хочу вас задерживать, я вижу, Хиллари очень устала, и ей пора ехать домой, – говорит он.

«Какой ещё дом? – думаю я. – И никакая я вам не Хиллари».

– Но это крайне важно – обсудить кое-какие нюансы, – продолжает доктор, – Хиллари многое пережила, и сейчас ей необходима поддержка.

– А что вообще произошло? – спрашивает бабушка, ласково берёт меня за руку, – всё, что мы знаем о прошлых выходных, – из новостей по телевизору, а потом во вторник нам позвонили из полиции и сообщили, что мой сын и его семья...

– Хиллари, ты готова говорить о том, что произошло с тобой? – спрашивает доктор Снайд.

Я выдёргиваю свою руку из бабушкиной и плотнее заворачиваюсь в моё одеяло.

– Пока Хиллари не смогла объяснить никому, что с ней случилось, – вздыхает доктор Снайд, – но я уверен: она откроется со временем.

– Где вы её нашли? – спрашивает бабушка.

– Полиция обнаружила её недалеко от дороги номер 22, в

Хендерсоне, – говорит доктор Снайд, – мы предполагаем, что она находилась там с воскресенья, потому что на ней было белое платье.

– Почему белое платье говорит о том, что она была там с воскресенья? – спрашивает дедушка.

– Потому, что её родители были православные, – говорит доктор Снайд, – это в их традиции – одеваться в белое на Пасху, а их Пасха как раз была в прошлое воскресенье.

– Я так и знал, что этот оккультизм доведёт Алекса до беды, – говорит дедушка, качая головой, – я говорил ему это миллион раз, а он так и не послушал меня.

Я еле-еле слышу дедушку, меня больше занимает доктор Снайд, – откуда он всё это знает?

– Я вижу, что вас не интересует религия, мистер Мэфьюз, – говорит доктор Снайд.

– Ну, раньше интересовала немного, – говорит дедушка, – мы с Глэдис ходили в церковь какое-то время, но мне надоело выслушивать все их проповеди, надоело, что они всегда решают за меня, как мне жить и что делать, и при этом ещё и вечно выпрашивают деньги. Моя жизнь – моё личное дело.

Доктор Снайд понимающе кивает.

– Да уж, очень типично для этих христиан, особенно для православных. Вечно осуждают и критикуют других, отказывают в венчании тем, кто, по их мнению, этого недостоин, отрицают права женщин, проклинают людей, избравших иной путь в жизни... неудивительно, что они сами нажили

себе столько врагов.

– Но всё это уже позади, да? – с беспокойством в голосе спрашивает бабушка. – Ефф… я имею в виду Хиллари будет теперь в безопасности, с нами?

– Абсолютно. Все эти изменения и эффективные действия предпринимаются как раз для обеспечения полной безопасности, – говорит доктор Снайд, – массовая секуляризация на конец завершена, окончена, позади осталась эпоха противоречий и жестокости. Конечно, правительству понадобится некоторое время для внедрения таких перемен в обществе, и, к сожалению, без подобных трагедий нам не обойтись.

Я так устала, что даже не понимаю, о чём они говорят. Какая массовая секуляризация? Он что, говорит, что мои родители сами виноваты, что их убили?

– А почему правительство потребовало закрытия всех церквей? – спрашивает бабушка. – Некоторые люди говорят, что у нас теперь антихристианское правительство.

– Мы не «анти» ни в каком смысле, – говорит доктор Снайд, – люди по-прежнему вольны верить во всё, что им вздумается. Но религия будет глубоко личным делом каждого. Только в том случае, когда определённая группа людей пытается навязывать свои религиозные воззрения другим, – вот тогда происходят трагедии. Вспомните крестоносцев.

«Почему же тогда полиция сожгла наш храм? – думаю я. – Если правительство не антихристианское, то почему они заставляют меня отказаться от имени?»

– Новая система будет основана на толерантности и принятии, – все говорит и говорит доктор Снайд. – Конечно, это ужасно, что столько людей погибло на Пасху. Жизни отдельных людей – это огромная потеря. Но Православие само по себе? Это какой-то союз экстремистов, проклинающих всё и вся в мире. Думаю, наше общество станет гораздо лучше без них. И Хиллари, я знаю, это тяжело слышать сейчас, но я считаю, что и тебе лично будет гораздо лучше без всего этого.

Я даже не знаю, что можно возразить человеку, который прямо сейчас говорит мне, что вообще-то для меня гораздо лучше, что вся моя семья погибла и что весь мой мир – семья, церковь, близкие – разрушен. Я просто молча разглядываю свои босые ноги, и мне очень хочется, чтобы кто-нибудь дал мне любые носки и туфли. И чтобы просто оставили меня в покое.

Доктор Снайд даёт бабушке и дедушке свою визитку, а его секретарь записывает меня на первый приём.

– Увидимся через неделю, Хиллари, – говорит он, похлопывая меня по плечу, – может быть, мы поговорим о том, что с тобой произошло, поподробнее? Я помогу тебе преодолеть твою замкнутость.

Я передёргиваю плечами.

Я ни с кем не хочу разговаривать.

И я не Хиллари.

Я иду следом за бабушкой и дедушкой к машине. Они го-

ворят о моей новой комнате, о том, что теперь у меня будет своя собственная комната, и я смогу украсить её по своему усмотрению. Я не хочу плакать перед ними, но я плачу. В их машине странный запах, она слишком чистая. И в ней нет сиденья для Кейт.

Мы очень долго едем в мой новый дом.

12 декабря 0000. Э. Т.

Мими стоит в глубине нон-фикшен-секции, водит пальцем по корешкам книг и шепчет что-то сама себе.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

Она касается пальцем страницы, и я жду, когда он доберётся до самого края. Потом она вздыхает и записывает что-то на бумажку.

– Прочитываю полки, – наконец говорит она.

– А что это значит?

– Я проверяю: все ли книги стоят в правильном порядке. Прочитываю номера и буквы, написанные на их корешках.

– Ух ты, – говорю я. Подхожу ближе и рассматриваю книги.

– А почему здесь 515.1244 стоит перед 515.13? – спрашиваю я. – Разве меньший номер не должен стоять перед большим?

– Дело в том, что десятые, после запятой, на самом деле меньше, – говорит Мими, – то есть 515.1244 – это меньшее число.

- А, ясно. С математикой у меня не очень.
- Ты в каком классе? Вы ещё не изучали десятичные дроби? – спрашивает Мими.
- Я в седьмом классе. Да, мы изучали, но я в последнее время как-то не очень быстро соображаю.
- И я тоже. Поэтому чтение полок – это такая головная боль!

Я невольно морщусь.

- Я даже не думала, что математика может понадобиться библиотекарю.
- Похоже, карьера библиотекаря мне не грозит.
- К сожалению, математика нужна практически везде, – говорит Мими, – именно для таких случаев человечество изобрело кофе.

– Вообще-то я не очень люблю кофе.

- Я его тоже не любила в твоём возрасте. А потом со мной случился университет.

Я смеюсь.

- Моя мама пила столько кофе! Наверное, пять или шесть кружек в день. И ещё, она приготовит себе кофе, но забудет его где-нибудь, так, что мы постоянно находим полупустые кружки по всему дому, – то на книжной полке, то в ванной…

Мими тоже хохочет.

- О, вот такого со мной ещё не было. И воскресное утро было таким сложным без кофе… – Она резко прерывает себя, и мы смотрим друг на друга, смотрим, как с наших лиц

медленно сползают улыбки.

Я вспоминаю о книге, которую всё ещё держу в руках.

– Кстати, я прочитала «Не молчи».

Мими берёт книгу, открывает книгу, вдыхает запах страниц. Это немного странно, хотя, наверное, нормально для библиотекаря.

– Ну, и как тебе?

– Очень интересно. Это более жизненно, чем «Даритель». Мне очень понравилась Мелинда. Мне показалось, что она похожа на меня.

Мими приподнимает юбку и садится прямо на пол. Я сажусь рядом.

– Мы все проходим через испытания в жизни, и нам нужно научиться мужественно переносить их, – тихо говорит она.

– Да, я всё время думаю об этом, о моих родителях и о Кейт – это моя сестра. Ей было всего шесть лет, когда она умерла.

– На Пасху? – тихо спрашивает Мими.

Я киваю. Моё сердце начинает биться сильнее. Я никому не говорила о том, что случилось. Могу ли я ей доверять? Она ведь никому не скажет?

– Я всё время скучаю по Алексу, – говорит она так тихо, что я с трудом различаю слова.

– Алекс – это кто? – спрашиваю я.

Интересно, знал ли он моего папу?

Она крутит кольцо на пальце.

– Мой муж. Я вспоминаю вечер, когда он сделал мне предложение... это было в пятницу, так что мы даже не могли сходить в ресторан, отметить это событие, так что мы приготовили бутерброды с арахисовой пастой и джемом и устроили пикник прямо на полу, в его квартире.

Я вижу улыбку на её губах. Но это такая улыбка, когда непонятно – улыбаешься ли ты или вот-вот заплачешь. И радость, и грусть одновременно.

– Ты же никому не расскажешь? – спрашивает она.

Я отрицательно качаю головой.

– Спасибо.

Наверное, это очень страшно – открыть ребёнку секрет, за который тебя могут убить.

– А как ты поняла, что я православная? – спрашиваю я.

– Когда ты приходила сюда раньше, со своими родителями, у тебя на шее был крестик с тремя перекладинами, – говорит она. – И ещё, несколько месяцев назад я видела, что ты перекрестилась, когда переходила из центрального отделения в детскую секцию.

– Ой, а я даже не заметила, что я это сделала.

– Обычно ты не крестишься, – говорит Мими, – мне кажется, ты думала о церкви в этот момент. К тому же детская секция действительно напоминает алтарь с маленькими ступеньками, как у амвона.

– А я поняла, что ты православная, потому что носишь об-

ручальное кольцо на правой руке. И раньше тебя звали Мэри, хотя это, конечно, ничего не доказывает.

Мими близко наклоняется ко мне.

– Я открою тебе ещё больший секрет, – шепчет она, – я и сейчас православная, и меня по-прежнему зовут Мэри. И знаешь, это имя у меня навсегда.

– Моё имя поменяли на Хиллари, раньше я была Ефросиньей.

– Так твой святой – преподобный Ефросиний Палестинский, повар?

– Да, это был мой небесный покровитель.

– Он и сейчас твой небесный покровитель, – шепчет Мими.

– И даже если у меня теперь другое имя?

– Они не могут отнять имя, которое дал тебе Бог, – говорит Мими, – а, кстати, знаешь, что самое смешное?

– Что?

– Хиллари – это ведь тоже православное имя, – говорит Мими со смехом, – и Мими – это сокращённо от Мириам, просто другая форма имени Мария. А Хиллари – это Илларион. Просто кто-то не очень глубоко изучил эту тему.

13 декабря 0000. Э.Т.

Уже холодно, но нас всё равно заставляют есть свой обед на площадке для пикника. Все дети в куртках, и почти все девочки надели новые модные шарфы из фланели, которые

застёгиваются на пуговицу на шее. Я вижу, как у меня выходит пар изо рта, и я тут же вспоминаю Кейт, которая всегда представляла себе, будто она – дракон. Правда, очень красивый дракон. Такой, с фиолетовой чешуёй.

Большинство ребят уже поели и стоят группками, разговаривают, подпрыгивают, чтобы согреться.

Я хожу по краю площадки, вдоль забора, по деревянной кромке, которая удерживает камешки внутри дорожек. И просто думаю о разных вещах и о том, как мне не хочется видеть доктора Снида.

«...Он летел по небу, людям песню пел...»

Я замираю на месте, покачиваясь на досточеке. Девочка, которую зовут Бостон, стоит, опершись на стену, и напевает сама себе, глядя в свой телефон.

«Вы, люди, ликуйте, все днесь, торжествуйте...»

Она очень увлечена чем-то в телефоне, и мне кажется, она даже не замечает, что поёт.

«Днесь Христово Рождество!»

Мисс Линда появляется в дверях с другой стороны от столов для пикника и, прищурив глаза, медленно обводит всех изучающим взглядом. Я молюсь, чтобы Бостон перестала петь.

Она набирает какой-то текст на телефоне и продолжает напевать.

«Пастыри в пещеру первые пришли и Младенца Бога...»

– Ой, Хиллари, ты что, с ума сошла? Больно же! Я всё

расскажу мисс Линде!

Я медленно высыпала сквозь пальцы вторую порцию камешков.

– Мисс Линда! Хиллари Мэфьюз бросается камнями!

Мисс Линда подходит к нам, пробираясь между бегающими мальчишками.

– Что? Хиллари, это правда?

– Я просто пошутила, – говорю я.

– Ничего себе, ты мне попала в лицо! – кричит Бостон, потирая красное пятнышко на щеке. – Я вообще ей не мешала!

– Хиллари! Швыряться камнями – это неприемлемо! Ты же можешь сильно кого-то поранить!

Я внимательно разглядываю землю под ногами.

– Извините.

– Мне придётся отправить тебя к директору. Следуй за мной, пожалуйста, – говорит мисс Линда.

Я иду за ней до калитки, под взглядами всех остальных детей. Я ещё ни разу не попадала в такую историю. Меня ещё ни разу не вызывали к директору. Мои глаза наполняются слезами.

Конечно, они всё расскажут доктору Сниду.

14 декабря 0000. Э.Т.

– Ну что, не самая лучшая неделя для тебя, да?

Они конечно же всё рассказали. Я пожимаю плечами, а доктор Снайд просматривает мой файл.

– Всё равно получаешь пятёрки с плюсом. Даже за контрольную по математике. Хорошо.

Он кладёт лист в стопку бумаг и откладывает их в сторону. Потом он наклоняется вперёд, так, что касается локтями своих коленей. Внимательно смотрит на меня сквозь свои очки для чтения.

– Давай поговорим о том, как ты себя чувствуешь.

«Давайте лучше не будем», – думаю я.

– Не знаю, – это я произношу вслух.

– У тебя очень выразительное лицо, Хиллари. Когда ты злишься – это очень легко понять.

– Я не злюсь.

Он кивает головой.

– Тебе совершенно не стоит притворяться передо мной. Ты можешь быть абсолютно откровенна. Что тебя беспокоит?

– Я не знаю.

Я вижу, как у него напрягаются скулы. Его сильно раздражает, когда я это говорю. Я тоже легко его понимаю.

– Хиллари, зачем ты бросила камни в Бостон? – спрашивает он.

Я смотрю на свои руки. И тут я замечаю, что опять дёргаю себя за пальцы, тогда я сажусь на свои ладони.

– Она сказала что-то обидное? Что-то о твоём прошлом?

– Нет.

– Но что-то тебя раздражало в ней. Я никогда не слышал,

чтобы ты кого-то ударила.

Самое неприятное в докторе Сниде то, что он говорит так уверенно, как будто он действительно тебя хорошо знает. Будто он твой закадычный друг, только гораздо умнее тебя, ты ведь всё равно не можешь выйти из его кабинета.

– Я не знаю.

Доктор Снайд вздыхает. Он усаживается поудобнее и явно бессознательно приглаживает свои гелевые волосы. Они издают странный звук, похожий на шуршание листьев под ногами. Пару минут мы сидим в тишине, слушаем «белый шум». Это ещё одна из его штучек – он старается доставить мне как можно больше дискомфорта, в надежде, что я проговорюсь. Но я разгадала его. Я отключаю свои мысли ровно до того момента, пока он сам не задаст мне вопрос.

– Я представляю себе, наверное, сейчас для тебя непростое время, – наконец произносит он.

Поскольку я ничего не отвечаю, он продолжает:

– Праздники – это всегда подарки и семья, естественно, что тебе сейчас трудно. Тем более что это первый праздник с тех пор, как твои родители умерли.

Я не буду плакать. Я не буду.

– Это совершенно естественно, – мягко говорит он, – испытывать злость и раздражение. По отношению к родителям. По отношению к бабушке и дедушке. По отношению к Православию.

– Я не злюсь, – говорю я.

Доктор Снайд делает вид, что не слышит меня.

— Когда я был маленьким мальчиком, — продолжает он, — я довольно долго верил в Санта-Клауса. Гораздо дольше, чем другие дети. Зимние праздники, или Рождество, как мы это называли раньше, были моими любимыми, из-за всего этого волшебства и магии. Но однажды я поймал моих родителей за тем, что они складывали подарки в мой праздничный носок. Я был очень зол. Злился, прямо как ты сейчас.

— Я не злюсь, — повторяю я.

— Потому, что всё это время они врали мне, — продолжает он, — всё это было подделкой. Волшебство исчезло.

Я вдруг вспоминаю свои туфли у дверей в день святителя Николая.

— Но знаешь что? — говорит доктор Снайд. — Я понял, что всё-таки настояще волшебство было в моей семье, но заключалось оно в том, что мы просто праздновали вместе. А игра в Санта-Клауса.... — Мои родители таким образом хотели показать свою любовь ко мне. Традиция, которой придерживались твои родители — Православие, Рождество, Санта-Клаус, — так люди могли выразить свою радость от того, что они вместе. Но не было ничего такого, что делало эти праздники волшебными. Просто время, проведённое с семьёй, — и есть настоящее волшебство.

То, что он говорит, кажется почти правильным. По-моему, я запуталась.

— Тебе не обязательно злиться, Хиллари, — говорит док-

тор Снайд, – теперь ты знаешь, что твои родители не были идеальными. Они учили тебя неправильным вещам. Самое главное – не их представления о мире, но их любовь к тебе. Ты можешь быть не согласна с ними, но с уважением относиться к их памяти.

«Но я хочу, чтобы оно было правдой, – думаю я, – я хочу настоящего волшебства. И хочу, чтобы оно имело значение».

– Какие у тебя планы на эти Зимние Праздники? – спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

– Я думаю, что мы просто останемся дома, дядя Роберт и тётя Синди, наверное, приедут в гости. И мы нарядим ёлку в субботу.

Доктор Снайд записывает что-то на стикере.

– Твой дядя Роберт – брат твоего отца?

– Да.

– И его дочь – это та девочка, которая гостила у вас на Пасху?

– Да, Оливия.

– Но они ведь не православные?

– Нет, они не ходили в храм, но иногда Оливия бывала с нами на службе.

– И ты не видела их с тех пор, как умерла Оливия?

– Не видела.

Они живут в получасе езды от дедушки и бабушки, но они никогда не приезжают в гости. Наверное, чтобы не встре-

чаться со мной. В нашей детской было две кровати и две девочки. Никто не пошёл искать меня под маминой и папиной кроватью, потому что никто не знал, что в доме в ту ночь было трое детей.

- Ты волнуешься перед встречей с ними?
- Ну, да... – говорю я.
- Может быть, мы немного поговорим именно об этом на следующей неделе. Напомни мне, пожалуйста, хорошо?
- Хорошо.

Он встает и открывает передо мной дверь. Мы проходим коридор, выходим в холл, где сидит бабушка и смотрит в журнале рецепты пирогов.

- Как прошла твоя беседа, всё хорошо? – спрашивает она с улыбкой.
- Отлично, – говорит мистер Снайд, похлопывая меня по плечу.

Я вся сжимаюсь.

- А нам ещё нужно заехать в магазин, купить поздравительные открытки, – говорит бабушка, – хочешь, мы купим замороженную пиццу на ужин?

– М-м-м, пицца, – говорит мистер Снайд, – я по-настоящему тебе завидую!

Они ещё несколько минут о чём-то болтают, смеются, пока бабушка складывает свои вещи в сумочку. Затем доктор Снайд возвращается в свой кабинет, а мы с бабушкой наконец уходим.

Воздух кажется пронзительно холодным и после душного холла, где я страдаю от клаустрофобии. Я делаю глубокий вздох и расправлюсь плечи. В сгущающейся темноте праздничные украшения начинают мигать буквально на каждом столбе. Тут и праздничные ёлки, и снежинки, и олени. А на одном столбе, у самого поворота – звезда. В моё сознание медленно вплывает воспоминание: мамин голос и мой... сливаются вместе.

*Дева днесь Пресущественного разжает,
И земля вертеп Неприступному приносит;
Ангели с пастырьми славословят,
Волсви же со звездою путешествуют,
Нас бо ради родися...*

Растёт ощущение чуда.
...Отроча младо, Превечный Бог!
Я стою у машины, смотрю, как настоящие звёзды появляются в тёмно-синей ночи, прямо надо мной.
Если это всё неправда, – почему они прилагают столько усилий для того, чтобы я всё забыла?

15 декабря 0000. Э. Т. 20:13

После того как я заканчиваю свою домашку по математике, я поднимаюсь наверх, в мою комнату, и ложусь на кровать. Только здесь я могу успокоиться и перестать обижаться

на все свалившиеся на меня обстоятельства. Мои часы громко тикают.

Иметь часы – это гораздо лучше, чем иметь психотерапевта. По крайней мере, такого, как доктор Снайд. Может быть, где-нибудь и есть хорошие психотерапевты, но мне больше нравятся мои часы: они не задают неудобные вопросы, не заставляют разговаривать. Они просто спокойно тикают. Они никогда не расстраивают, как бабушка, и не хитрят, как мисс Линда.

Я думаю о том, что, если у меня когда-нибудь будет свой собственный дом, я повешу часы во всех комнатах, чтобы у меня всегда был приятный собеседник, куда бы я ни пошла. У меня будут большие полки, заполненные только моими любимыми книжками. И я буду приглашать в гости только Мими и бабушку. И ещё в моём доме можно будет произносить любые слова, всё, что тебе захочется, например «Рождество» или «Бог», и ничего плохого с тобой не случится.

А ещё там не будет математики.

16 декабря 0000. Э. Т. 3:47

– Хиллари! Проснись! Хилли-Билли! – Кто-то трясёт меня за плечо.

Кто-то, кто пахнет фланелью и одеколоном «Old Spice». Дедушка. Что случилось? Ещё темно. Я, кажется, что-то говорила, но сейчас не могу вспомнить, что именно.

– Ты опять разговариваешь во сне, – говорит дедушка, –

ты опять разбудила бабушку!

— А сколько времени? — сонно спрашиваю я.

— Часа четыре утра, — отвечает он, — опять снились кошмары?

— Кажется, нет... — Я всё ещё сонная.

— Ты говорила что-то про котов. Постарайся заснуть, и вообще, будь потише, пожалуйста, у бабушки опять бессонница.

Я слышу, как он выходит из моей комнаты и закрывает дверь. Он всегда ворчит, когда не выспится.

Коты? Странно. Я рассматриваю потолок в темноте. Надо бы сходить в туалет, но одеяло такое тёплое, что совсем не хочется выбираться из кровати. Может быть, я опять засну и потерплю до утра...

«Кейт, не кот», — вдруг понимаю я.

И тут я всё вспомнила.

Кейт стоит, закрыв глаза, и считает. Я судорожно ищу место, где могла бы спрятаться. Но деревья вокруг совершенно без листьев и отстоят далеко друг от друга. Нет больше времени. Где же мне спрятаться?

Я бегу дальше, она остаётся позади, а я всё бегу и бегу, и оказываюсь в глубине леса, и всё ищу то самое, заветное, место. Я узнаю этот лес. Я уже была здесь. Вот ручей. Упавшее дерево. Мёртвое дерево с дуплом. Дупло маленькое, там может поместиться только енот или собака, размером с Хёрши. Но, кажется, чем дальше я бегу, тем сильнее я уменьша-

юсь в размере, и внезапно я оказываюсь внутри этого самого дупла.

— Кто не спрятался, я не виновата! — Голос Кейт еле слышен, кажется нереальным.

В дупле совсем темно, а я теперь такая маленькая, что она никогда не сможет найти меня. Я пытаюсь спрятаться ещё надёжнее, куда-то вглубь, подальше от светлого пятна входа, пробираюсь сквозь сухие листья и какую-то грязь. И тут я вижу свет в глубине. Что это?

Это не дневной свет. Он белый, больше похож на свет звезды.

Я иду прямо на этот свет. Какого же размера это дерево? Я что, на самом деле такая маленькая?

Я крепко сжимаю уголок пододеяльника. Я хочу, чтобы дедушка вернулся, даже если он будет ворчать.

Вижу мужское лицо. Оно огромное. Глаза открыты, но устремлены вдаль. Он смотрит куда-то поверх моей головы, сидит, опираясь спиной на ствол дерева, ноги у него вытянуты, а руки мягко сложены на груди.

— Здравствуйте... — говорю я, но губы мои шевелятся, не издавая никаких звуков.

Когда я подхожу ближе, то вижу, что его красные туфли просто огромные — размером с меня. Я могу заблудиться в складках его одежды. Синие кресты на его плечах, на белом шарфе — гигантского размера.

— Ефросинья? Ефросинья, где ты?

Я слышу гулкое эхо голоса Кейт.

Огромная белая борода незнакомца поворачивается ко мне. У него доброе лицо, оно будто светится. Это пугает меня, и я с криком отступаю назад. Великан смеётся, протягивает руку, чтобы поймать меня. Его шарф спадает с плеча, и я вижу пулю в его груди и кровь, вытекающую из раны.

Рука великана ловит меня и аккуратно сажает на землю.

– Ты нашёл её! – говорит Кейт, внезапно оказавшись около нас.

Она одета в свой любимый наряд: на ней – юбка принцессы, розовые ковбойские сапожки и папина футболка, на которой нарисованы смешные усы. За плечами – рюкзачок.

– А вот и подарок на Рождество от Екатерины, специально для тебя.

Кейт снимает рюкзак, расстёгивает молнию.

– Протяни руки, – говорит она.

Я не могу отвести глаз от великана, но выполняю её просьбу.

В мои ладони она кладёт одно... два... три маленьких яблока. Она закрывает рюкзак, надевает его на плечи, наклоняется и шепчет мне в ухо:

– Они от Повара.

И убегает.

– Кейт, – наконец у меня появился голос, – подожди, вернись, Кейт!

16 декабря 0000. Э. Т. 16:28

Я еле нашла Мими. Её совсем не было видно там, в закутке с книгами по истории, где она расставляла их по полкам, вынимая из библиотечной тележки. Но мне очень нужно было с ней поговорить.

– Ты веришь в чудеса? – спрашиваю я.

– Конечно! – отвечает Мими.

– Я имею в виду не те чудеса, как в Библии, а вот прямо сейчас, в наше время?

– Конечно, – повторяет она.

Я стою рядом с Мими, читаю названия книг на корешках и думаю, как ей рассказать о том, что случилось. Сёстры Бронте. Собрание сочинений Шарлотты Бронте. «Хроники Гондала».

– А ты сама когда-нибудь видела чудо? – спрашиваю я.

Она вынимает книгу из тележки, отклеивает стикер с обратной стороны и ставит её на полку.

– Нет, – говорит она, – по крайней мере, я не знаю об этом.

Но ведь я и не святая, – улыбается она.

– Ну, я тоже не святая.

Рука Мими замирает над новой книжкой.

– А ты видела чудо?

Я киваю.

Она молчит несколько минут. Я жду, чтобы она наконец спросила меня, что же я видела. Потом она говорит:

– Я думаю, тебе нужно кое с кем встретиться.

– Я не сумасшедшая, – говорю я.

– Нет, нет, не с доктором. Хотя в некотором смысле...

Я смотрю на неё с подозрением. Может быть, мне не стоило ничего ей говорить.

Такое ощущение, что она пытается принять какое-то решение.

– А сколько тебе лет? – наконец спрашивает она.

– Двенадцать, почти тринадцать.

Мими наклоняется над тележкой и вздыхает.

– Даже не знаю, должна ли я это сделать... – шепчет она себе под нос.

– О чём ты?

Она берёт книгу, вертит её в руках.

– Ефросинья, – говорит она, – ты же знаешь, в каком мире мы живём?

Какой странный вопрос.

– Наверное, да...

Мими понижает голос.

– Тебе двенадцать лет. И ты видела такие вещи, которые двенадцатилетние дети вообще-то не должны видеть. И ты собираешься принять решение, которое двенадцатилетние дети обычно не принимают. Ты понимаешь, что за тобой следят? – говорит она почти шёпотом.

Я думаю о докторе Снайде и мисс Линде и киваю головой.

– Ты знаешь, что с тобой будет, если они узнают?

– Что? – шепчу я.

– Я даже не знаю, – шепчет она в ответ, – но моего мужа убили.

– Мою семью тоже убили.

– Ты уже взрослая, чтобы принимать взрослые решения? Или лучше тебя поберечь. – Кажется, сейчас она разговаривает сама с собой.

Она вот-вот собирается сказать мне что-то. Что-то очень важное. Что-то, что я, наверное, не хочу знать. Может быть, ещё не поздно. Я могу вернуться к бабушке, в её секцию с любовными романами, я всё-таки ещё ребёнок. Пусть эти взрослые сами думают обо всяких страшных вещах.

Я вспоминаю свой сон, великана и Кейт. И решаю: я хочу это знать.

– Пожалуйста, расскажи, – говорю я.

Мими перекрестилась. Я оглядываюсь в страхе, вдруг кто-то видит нас. Никого.

– На углу Английской улицы и Первой авеню есть букинистический магазин, – говорит она, – его владелец сможет тебе помочь.

Книжный магазин со старыми книгами? Как он может мне помочь?

– А кто он? – спрашиваю я.

– Просто зайди туда, если получится, и попроси его дать тебе атлас мира.

– Книгу с картами?

Мими кивает.

– Он спросит, какая страна тебя интересует. А ты скажи: Синай.

– Но это же не страна, – говорю я, – это же то место, где Моисей получил Скрижали Завета?

Она прикрывает пальчиком свои губы, я понимаю, что говорю слишком громко.

– Ой, извини, – шепчу я, – но почему я должна так сказать?

– Потому что никто из людей, кому нужен атлас, просто так это не спросит. Это пароль.

Я киваю головой, я поняла.

– И что потом?

– Я не знаю, – говорит Мими, – но он поможет тебе, чем сможет. Ему можно доверять. Только никому не говори.

– Нет, не скажу.

Она уходит отклеивать стикеры и ставить книги на полки. Лицо у нее напряженное, брови немного приподняты, она выглядит взволнованной. Может быть, она боится, что я открою кому-нибудь наш секрет? Но я точно знаю, я не подведу.

– Передай мне, пожалуйста, вон ту книгу, – показывает она на книжку в тележке, пока другой рукой освобождает для неё место на полке.

Я достаю книжку и начинаю передавать её, и тут – замираю на месте, увидев обложку. Это старая Библия. Номера на новом стикере совпадают с номерами на полке, но на пол-

ке стоят книги вроде «Собрание сочинений» Джона Донна, или «Поэты-метафизики», или «Семнадцатое столетие».

— Иногда кто-то ставит книги не на те полки, — говорит Мими, забирая Библию из моих рук и ставя её на полку, рядом с другими, — и тогда их почти невозможно найти.

Я рассматриваю другие книги в её тележке. Некоторые — обычные. Но вот среди книг есть «Жития святых» и «Путь пилигрима».

— Они же тебя поймают, — шепчу я.

Мими кивает.

— Рано или поздно. Но они никогда не смогут отыскать все книги. А когда-нибудь люди заметят эти книги и, может быть, прочитают. Я придумала систему, как их можно будет найти. У них фальшивые названия в общей системе, но я присвою им определённый номер, и потом их можно будет отыскать.

Я не очень понимаю, что она имеет в виду, но всё это кажется очень рискованным. «Пожалуйста, пусть с ней ничего не случится, — думаю я, — она — мой единственный друг».

17 декабря 0000. Э. Т.

— Это искусственное дерево мне нравится гораздо больше, чем живые ёлки, — говорит бабушка дедушке, — намного чище в доме. Когда мальчики были маленькие и мы ставили живые ёлки, мне всё время приходилось пылесосить все эти ёлочные иголки.

— Угу, м-м-м, — говорит дедушка.

Он пьёт пиво и смотрит футбол по телевизору. Я не думаю, что он вообще обращает на нас внимание. Он собирался помочь нам ставить ёлку, но игроки вышли в овертайм.

Терпеть не могу футбол. Папа смотрел его иногда и говорил нам, что осталось только десять минут, и он поиграет с нами, а потом он не играл с нами ещё целый час. А всё потому, что они считают только то время, когда эти дядьки бегают и бросают мяч, но не считают то, когда они ругаются или смотрят повторы, чтобы убедиться, что чья-то нога переступила белую черту. Спорт — это здорово, только если в нём не участвуют взрослые.

Мы с бабушкой сидим на полу в гостиной и собираем дерево. Мы уже поставили пластиковый ствол, а все искусственные ветки лежат отдельными кучками. Бабушка вкручивает их, а я пытаюсь распустить, чтобы они не выглядели так печально. Я думаю о том, что эта ёлка, должно быть, очень старая, потому что коробка, в которой она лежала, — вся пыльная и разорванная, и ещё ей явно не хватает пластиковых иголок на ветках. Наверное, они купили её, когда папа поступил в университет.

— Ой, Хиллари, этой веточки явно требуется больше внимания, — говорит бабушка, подняв небольшую ветку, которая явно должна быть на самом верху. На ней осталось совсем немного иголок, и они все торчат в разные стороны.

Всё это очень грустно. Мне хочется живую ёлочку, кото-

рая хорошо пахнет, пусть даже она будет слегка неровная, я люблю, когда она оставляет смолу на ладони, пока ты заносишь её в дом из машины. И мне хочется услышать, как папа с мамой спорят, ровно ли стоит ёлка, и мы с Кейтссоримся, кто первый повесит украшение. Мне даже хочется увидеть, как Хёрши потихоньку будет подъедать упавшие иголки, а потом его вырвет прямо на ковёр.

Телевизор ревёт, и дедушка ругается, трясёт головой и машет руками.

– Ну, всё, – говорит он, отхлёбывая своё пиво, – всё, теперь они точно не смогут отыграться.

– Игра закончилась? – спрашиваю я.

– Нет, ещё сорок секунд, – отвечает дедушка, не отрывая глаз от экрана.

Вообще неизвестно, сколько ещё это будет продолжаться. Мы с бабушкой заканчиваем собирать ёлку и отходим в сторону посмотреть, что получилось.

– Просто прекрасно, – говорит бабушка.

– Ага, – говорю я.

Деревце выглядит очень печально. Может быть, будет получше с украшениями?

– У нас есть здесь лампочки? – спрашиваю я, ковыряясь в другой пыльной коробке из кладовки под лестницей.

– Не думаю, – говорит бабушка, – все рождественские, м-м-м, я имею в виду праздничные украшения в этой коробке. Нужно будет их разобрать.

Гирлянда с лампочками оказалась в первой же коробке, но совершенно запутанная. Ещё нашёлся мешочек с разномастными игрушками, наполовину сгоревшие свечи, старые леденцы и чайник, похожий на пряничный. И ещё куча «дождика» на самом дне. Мы с бабушкой достаём всё из коробки, и она начинает распутывать гирлянду.

Я открываю вторую коробку. Там лежат праздничные носки для подарков, на одном из них вышито папино имя. Привожу пальцем по этим буквам. И думаю: а что случилось с моим носком? И со всем остальным в моём доме? Внизу, под носками, я нахожу плюшевых Санту и миссис Клаус, выглядят они как-то не очень, брови у них немного оторвались, и вместо ног выглядывает что-то деревянное и колючее.

— А что это? — спрашиваю я, вынимая какой-то новый пакетик из коробки.

Он тяжёлый, я кладу его на пол. Достаю оттуда что-то завёрнутое в газету и бумажное полотенце.

Бабушка слишком увлечена гирляндой.

— Что там, малыш? — спрашивает она.

— Какие-то штуки. — Я разворачиваю свёртки.

Внутри — фарфоровые фигурки бородатого дядьки, в красной одежде, с золотым сундуком в руках. Бабушка поднимает глаза.

— Ох, Ричард, я совершенно забыла. С этим надо срочно что-то делать.

— Что там? — говорит дедушка.

— Фигурки для вертепа, — говорит она, часто моргая, как будто она боится, что случилось что-то очень плохое.

— А… это, — рычит дедушка, — да, и чем скорее, тем лучше.

Он тут же встаёт со своего кресла, хотя до конца игры ещё несколько секунд, хватает коробку, бросает в неё фигурки. Я слышу звук бьющегося фарфора. Дедушка протягивает ко мне руку, чтобы забрать волхва.

Я медленно отдаю ему фигурку, он выхватывает её и бросает в коробку. Я слышу, как фигурки ударяются друг об друга. Потом он выходит во двор, выбрасывает всю коробку в мусорный бак. Я снова слышу звуки бьющегося стекла. Вздрагиваю, вдруг вспомнив звук разбиваемых окон на Пасху в нашем доме.

— С тобой всё в порядке, Хилли-Билли? — спрашивает бабушка мягко.

— Не знаю, — отвечаю я.

Она распутала первую нитку гирлянды и повесила её себе на руку.

— Как-то нехорошо получилось, — говорит она.

Когда дедушка возвращается в дом, молчат все, кроме спортивного обозревателя, который всё говорит и говорит о том, что это самая важная игра сезона и как никто даже представить себе не мог такой счёт. Дедушка рассердился, потому что не видел конец игры, бабушка занята гирляндой, а я думаю о том, что Мими говорила про книги, о том, что необходимо их спасти, и о фарфоровых человечках, лежа-

щих среди мусора.

Ночью, когда бабушка и дедушка уснули, я тихонько выбираюсь из дома и залезаю в мусорный бак. Он был почти пустой, когда дедушка выбросил туда фигурки из вертепа, и я не могу забрать их все. Они заметят. Я беру с собой Младенца Иисуса в колыбельке и Богородицу, и ещё ангела со сломанным крылом. Ещё я хочу забрать Иосифа, но он выпал из газетной обёртки и разбился на три кусочка, и в темноте я не могу найти его голову. Я кладу холодные фигурки в карман своей куртки и проскальзываю обратно в дом. Я прячу их на дне выдвижного ящика моего письменного стола. Туда, где лежит книжка «Сосчитай звёзды», которую мне дала Мими. Почему-то в эту ночь я засыпаю легко, зная, что они в безопасности.

20 декабря 0000. Э. Т.

— Вы все сегодня такие нарядные! — говорит мисс Линда, театрально всплескивая руками, — я понимаю, что вы с нетерпением ждёте школьную праздничную вечеринку, но мы ещё должны кое-что сделать! Так что прошу вас сесть на свои места и постараться сосредоточиться!

Мне кажется, я слышу все эти восклицательные знаки в её речи. Вообще-то никто не проявляет никакого нетерпения. Некоторые девочки тайком заглядывают в свои телефоны.

Двое учеников должны показать свои презентации по географии перед всем классом, прежде чем мы сможем поесть

угощения, которые сами же и принесли из дома. Первый мальчик, Остин, рассказывает о России. Ничего особенного. Картинка, которую он показывает, – большая распечатка флага. Он выглядит почему-то мятым и поперёк виден логотип сайта, с которого Остин, видимо, его и скопировал. Не думаю, что он потратил много времени на подготовку к своему выступлению, потому что он просто прочитал несколько фактов, написанных на обратной стороне теста по математике. Когда он спрашивает, есть ли у кого-нибудь вопросы, поднятых рук нет, потому что никого не волнует Россия, и всем хочется, чтобы он поскорее сел и прекратил свою болтовню.

Мне жалко его, и я поднимаю руку.

– Да, м-м-м... – говорит он, как если бы пытался вспомнить моё имя.

– А почему ты решил выбрать именно Россию для своей презентации?

– Ну, мой отец всегда говорит, нам просто надо разбомбить её поскорее, – отвечает Остин.

Вот именно поэтому я обычно и не разговариваю с мальчиками.

Следующая презентация – уже поинтереснее. Её показывает Бостон, девочка, в которую я бросила камень. Она рассказывает об Англии. На голове у неё шапочка с флагом Великобритании, на свитере нарисована красная телефонная будка, она держит в руках постер с надписью «Будьте спо-

койны, пейте чай». Похоже, что фотографию короля Вильяма она вырезала из журнала. Но, по крайней мере, видно, что она готовилась, несколько фактов были мне совершенно неизвестны. Потом она показала фотографию, на которой она сама – на двухэтажном автобусе.

Вечеринка по поводу Зимних Праздников проходит нормально. Я сижу рядом с девочками, которых зовут Гамильтон и Саша, они дружат и совсем не возражают, если я время от времени сажусь рядом, поболтать. Все едят сахарные печенья с белой помадкой, которые я попросила бабушку купить в булочной. Их едят не так быстро, как брауни, которые испекла мама Гейтса, но они явно побеждают «Орео» и «Райс Крисп» и уж точно пользуются большей популярностью, чем палочки морковки и сельдерея. В общем, всё неплохо. Я пережила эти полгода. У меня получается.

А завтра мы с бабушкой поедем в магазин за Рождественскими подарками. Праздничными подарками. И я попаду в тот книжный магазин, о котором мне рассказала Мими. Надеюсь, там есть любовные романы, где действие происходит в прериях.

Глава третья

21 декабря 0000. Э. Т.

— Зайка, ты точно не хочешь поехать в «Уолмарт» или в какой-нибудь другой торговый центр? — спрашивает бабушка.

Мы стоим возле крошечной книжной лавки и рассматриваем пыльные стопки книг через витрину. Большинство из них мятые, некоторые порваны.

— Ты же знаешь, дедушка не очень любит книги, может быть, ему купить что-нибудь для рыбалки? Или большую кружку, или что-то в этом роде?

— Мне нужно посмотреть, что у них есть. И мне нужно купить подарок для тебя тоже. А ты ведь любишь книжки.

— Это да, — говорит бабушка.

Она хорошая. Она любит книги, но только новые.

— Мне нужно сходить туда одной, чтобы ты не видела, что я покупаю, — говорю я, — можно мне немного денег?

Она достаёт десять долларов, это мои карманные деньги, я заработала их сама, когда расчищала газон перед домом.

— Ты уверена, что тебе нужно именно сюда?

— Да, уверена.

— Ну, ладно, я пойду попью кофе в Старбаксе, вон там, и почитаю книжку, пока ты будешь в магазине. — Бабушка приобнимает меня и идёт в кафе.

Как только она уходит, я спешу зайти в магазин. Мне нельзя там слишком долго задерживаться, чтобы она не начала волноваться.

Когда я открываю дверь – звенит привязанный к ней колокольчик. Магазин пахнет старыми книгами и чаем – пыльный, щекотный запах, который мне сразу же очень нравится. Здесь огромные полки, выше меня, прямо посередине магазина, и полки на стенах, и стеклянный прилавок, на котором лежат явно очень старые книги. За прилавком – дверь, ведущая вглубь лавки, И даже отсюда видно ещё больше книг и старый жёлтый диван, из которого местами вылезли пружины.

– Иду-иду, минуточку, – слышу я густой низкий голос.

И тут я вдруг испугалась. Что я здесь делаю? Ох, у меня могут быть неприятности! Я подхожу ближе к прилавку, сильнее сжимая свои десять долларов.

Из глубины магазина выходит стариk, в руках – огромная стопка книг. Ну, по крайней мере, он уже старый, думаю я, у него совершенно седые волосы и борода, кроме одной тёмной пряди, идущей вниз от подбородка. Но руки, которыми он держит все эти книги, – просто огромные, и что-то властное чувствуется в его походке и в том, как он держит себя. Может быть, он не так стар, как кажется?

– Чем я могу вам помочь? – говорит он, опуская книги на прилавок.

– Мне нужен атлас мира, – говорю я, немного нервно.

Старик молчит несколько секунд, рассматривает меня.

– Ты с родителями? – тихо спрашивает он наконец.

– Они умерли, – говорю я, – моя бабушка здесь недалеко, в кафе.

Он никак не реагирует на моё сообщение о том, что они умерли, просто смотрит на меня. Его тёмные глаза не мигают, из-за густой бороды я не могу понять выражения его лица. О чём он думает? Или, может быть, я должна что-то ещё сделать?

– Мне очень нужен атлас, – шепчу я.

– А какая страна тебя интересует?

– Синай, – говорю я.

Он кивает головой.

– Думаю, у меня найдётся нужный тебе атлас, – говорит он, – у тебя есть время, чтобы пройти и посмотреть?

– Да.

Я захожу за стеклянный прилавок и иду следом за ним куда-то вглубь лавки. Это довольно маленькая комната со старым, видавшим виды диваном и стопками книг. На письменном столе стоит старенький компьютер и микроволновка. В комнате есть маленький холодильник, а в углу лежат несколько подушек и одеял. Наверное, он здесь и живёт. В комнате довольно холодно, несмотря на то, что рядом со столом стоит включенный обогреватель.

Старик подходит к столу и выдвигает ящик. Он достаёт оттуда огромную книгу, вроде таких, что люди кладут на

журнальные столики. На обложке этой книги – гора, и книга называется «Синай». Он удивился моему приходу? Он что, правда думает, что мне нужна книга про Синай?

– Это то, что ты ищешь? – говорит он, открывая книгу.

Я подхожу поближе, чтобы рассмотреть. Кто-то вырезал огромный квадрат в страницах книги, прямо посередине. Внутри лежит икона Христа.

– Да, – говорю я.

Старик отходит на шаг от стола, крестится, дважды низко кланяется, потом целует икону, опять крестится и кланяется. Как давно я не делала этого! Я складываю три пальца правой руки щепоткой, прижимаю два других к ладони и рисую невидимую линию ото лба к животу, потом от правого плеча к левому. Я кланяюсь, прикасаясь пальцами к пыльно-му полу. Мои волосы стали такими длинными, они падают мне на лицо, когда я кланяюсь второй раз, и я собираю их рукой, чтобы они не рассыпались по плечам. Я целую икону и крещусь ещё раз, ещё раз кланяюсь. И я чувствую, что на меня устремлены две пары глаз – этого старика и Христа – с иконы.

– Меня зовут отец Иннокентий, а тебя? – говорит старик.

Отец Иннокентий? Тот самый священник, к которому меня вёз мистер Лиакос? Я начинаю нервничать ещё больше. Я ещё никогда не разговаривала со священником сама, хотя я была воспитана в Православии. Я всегда слишком стеснялась.

— А меня Хи... я хотела сказать — Ефросинья, — говорю я, — Ефросинья Мэфьюз. Мою маму звали Николь, а папу Александра. И мы раньше ходили в храм Иоанна Богослова.

Священник кивает головой.

— Я помню их, — говорит он, — и помню, что видел тебя... у тебя есть сестра?

— Её больше нет, — говорю я, у меня внезапно перехватывает горло.

Отец Иннокентий опускает голову.

— Очень жаль.

— Мистер Лиакос хотел с вами встретиться, мы ехали на машине, он думал, что, возможно, вы живы.

— Марк? Чтец? — говорит он, быстро взглянув на меня. — Знаешь, что с ним случилось?

— Его тоже убили, — говорю я, — нас остановили на дороге какие-то мужчины, и они застрелили его. Я убежала.

Я первый раз рассказываю кому-то о том, что произошло. Меня много раз спрашивали об этом и в отделении полиции, и у доктора Снида, и бабушка с дедушкой.

Отец Иннокентий медленно садится на стул у письменного стола и обхватывает руками голову.

— Как же я скажу об этом Дэниелу? — шепчет он сам себе.

— Но кое-что произошло, когда они пытались застрелить меня, — продолжаю я.

Моё сердце начинает стучать сильнее, при воспоминании о моём побеге, о моей попытке спрятаться.

– Думаю, это было чудо. Поэтому Мими, я имею в виду Мария, сказала, что мне нужно поговорить с вами.

– А что произошло?

– Мужчины уже догоняли меня. Я держала в руках икону, которую дала мне мама...

– Какую икону?

– Святителя Николая. И я повернулась лицом к ним, потому что я слышала, что они уже рядом. И он выстрелил в него.

– Кто в кого выстрелил? – Отец Иннокентий быстро заморгал.

– Мужчина, который догонял меня, выстрелил в святителя Николая, – говорю я, – я имею в виду, они стреляли в меня, но я держала икону перед собой, пуля попала в святителя Николая вместо меня. Но она не прошла икону насеквоздь. Она застряла у него в груди. И я вытащила эту пулю... Когда я вытащила пулю, из раны пошла кровь.

– А где эта икона сейчас? – спрашивает отец Иннокентий.

Он выглядит таким спокойным. Он вообще понял, что я сейчас сказала?

– Я спрятала её в лесу, в дупле дерева, – говорю я, – но мне приснился сон, несколько дней тому назад, и я думаю, мне нужно пойти туда и взять эту икону.

Внезапный звон колокольчика прерывает меня.

– Хиллари? – слышен голос бабушки.

Мы с отцом Иннокентием вздрогнули от неожиданности.

– Я здесь, сейчас, минуточку, – отвечаю я.

Священник быстро закрывает книгу «Синай» и встаёт.

– Будем держать с тобой связь через Мэри. Пожалуйста, пока не предпринимай ничего рискованного.

Я киваю.

– Хиллари, ты где? Мы опаздываем на приём к доктору Сниду.

– Сейчас, сейчас, – говорю я.

У выхода лежит стопка каких-то романов, я выхватываю из неё наименее потрёпанный и спешу к бабушке.

Отец Иннокентий идёт за мной.

– Я надеюсь, ты нашла именно то, что искала, – говорит он, нажимая какие-то кнопки на кассе.

– Да, оте... сэр, – сколько стоит эта книга?

Бабушка уже вошла и стоит рядом со мной, пьёт кофе из стаканчика и рассматривает книги под стеклом. Она даже не представляет себе, что здесь только что произошло.

– Бабушка, не смотри на свой подарок, – говорю я.

– Бумажные книги – по доллару за штуку.

Я подаю ему свои десять долларов, получаю сдачу и бумажный пакет для книги.

– Спасибо, – говорю я. – С Зимними Праздниками.

– С Рождеством, – тихо говорит он.

Бабушка смотрит на него, сузив глаза, как будто он сказал плохое слово.

– Пойдём, нам пора, – говорит бабушка и, взяв меня за

руку, быстро выводит из магазина.

Она качает головой, пока мы идём к машине.

— Бедный. Да, нам, пожилым людям, очень сложно это принять и приспособиться ко всем изменениям.

По дороге к офису доктора Снида я изо всех сил притворяюсь, будто читаю «Сосчитай звёзды», на самом деле обдумываю, что же сейчас произошло.

«Этот священник жив. Тот самый священник, к которому ехал мистер Лиакос. Как он мог спастись? Что всё это означает? Православие всё ещё существует? Он сказал что-то про Дэниела, сына мистера Лиакоса. Значит, он жив. На Пасху его не было в стране. Он был где-то, не помню где — кажется, в Европе».

Что-то беспокоит меня. Что-то, о чём мне не хочется думать, но эти мысли снова и снова всплывают и всплывают у меня в голове. Всё это так беспокоит меня, что я опускаю книгу и начинаю пощёлкивать пальцами.

Как отец Иннокентий мог остаться в живых?

Я не должна так думать.

Как он остался жить, а мои родители и Кейт — нет. Это не честно. Они были простыми людьми, а он — священник. Если кто-то и должен был умереть, так это — он.

Мне становится страшно от таких мыслей. Не могу поверить, что я так думаю, но я никак не могу отогнать эти мысли. *Он же священник. Он был самым православным человеком в храме. Он был главным там. Как могло так случиться?*

ся, что он остался жить, а люди, о которых он должен был заботиться, – мертвы? Это нечестно. Это нечестно, он жив, а моя семья – нет.

«Тебе хочется, чтобы он тоже был мёртв? Это же не изменит ничего», – говорит одна моя половинка. И я не знаю, что ответить на это. Ничто не изменится, и мысли мои – ужасные, но всё равно, это нечестно...

Ты ведь тоже жива. И ты – православная. А Оливия – нет. Может быть, это она должна была остаться в живых, а не ты? Что это изменит?

Меня накрывает волна чувства вины, как и всякий раз, когда я думаю об Оливии. Я редко думаю о ней. Просто во мне так много грусти, почти вся эта грусть о маме и папе, и Кейт. Но Оливия была хорошая. Она была очень хорошая двоюродная сестра. Она всегда разрешала мне покататься на своём велосипеде, когда мы приезжали к ним в гости. И иногда она разрешала мне пофотографировать дорогим фотоаппаратом, в который заправлялась настоящая плёнка.

Отец Иннокентий недостоин жить, потому что мои родители мертвы. А я недостойна жить, потому что мертва Оливия. Всё это – нечестно. Всё непонятно, нет ответа на вопрос, кто должен умереть и кто должен остаться, жить. Как будто Бог и не контролирует это. Он повелевает нам выполнять всякие вещи, а Сам даже не заботится о нас.

Но Он же позаботился о тебе?

Я вспоминаю выстрел, как я падаю, пулю в иконе.

Но почему я, почему не они?

Я сижу в каком-то оцепенении, рассматриваю обложку книги. Я не могу понять. Значит, я видела чудо. Я на самом деле его видела. Икона остановила пулю и начала кровоточить, когда я вынула пулю. *То есть Бог мог спасти этих людей.*

Это почти злит меня.

Если у Бога всё под контролем, значит, Он позволил, чтобы мама и папа, и Кейт, и мистер Лиакос были убиты. Это также ужасно, как если бы Он Сам их убил. Я не могу больше думать об этом. Но, если Он спас меня, имею ли я право злиться на Него, если я сама – жива? *Либо Он просто ужасный, либо Он гораздо умнее меня.* Потому что я не понимаю. И мне страшно так думать. До Пасхи всё казалось таким простым и ясным. Ты ходишь в храм, совершаешь правильные поступки, ты счастлив и чувствуешь себя в безопасности. Теперь всё усложнилось и запуталось.

Мы въезжаем на парковку перед офисом доктора Снида, я чувствую, что злюсь и совершенно запуталась. Мне совсем не хочется с ним разговаривать. Он ничего не понимает. Наверное, это очень здорово, верить в то, что ты – хороший человек, занимаешься тем, что тебе нравится, и от этого счастлив и спокоен, чувствуешь себя в полной безопасности. Интересно, в него когда-нибудь стреляли? Его спасал Бог, Тот Самый Бог, который позволил твоим родителям умереть? Мы всего лишь маленькие люди, от нас ничего не зависит.

С нами происходят разные вещи, порой ужасные, иногда мы их заслужили, иногда – нет.

Я совсем расстроилась из-за таких мыслей, даже заплакала, пока поднималась по лестнице и подходила к регистрации.

«Тут всё такое фальшивое!» – подумала я, опять увидев пластиковые растения и неудобные кресла.

Всё в этом мире фальшивое и какое-то разбавленное водой: праздники, люди, – это их «просто принимай всех такими, какие они есть» – как любит говорить доктор Снайд. Как все они могут жить так и не сходить с ума? Мои бабушка с дедушкой, мисс Линда, ребята в школе? Они и правда верят во всё то, что им говорят? Им нравится то, что их окружает?

Может быть, я теперь знаю больше из-за того, что мне пришлось пережить? А может быть, я просто чокнутая и напрасно пытаюсь понять смысл всего происходящего?

– Хиллари? – Голос доктора Снайда прерывает мои мысли.

Вот и он, как всегда, рассматривает меня сквозь очки в толстой оправе, держит мой файл подмышкой.

– Я хочу домой, – говорю я.

– Что? – удивлённо спрашивает бабушка.

– Я хочу поехать домой, – повторяю я.

– Хиллари, а давай-ка ты просто зайдёшь в кабинет, и мы поговорим несколько минут, мы можем поговорить о...

– Я не хочу ни о чём разговаривать! Вы этого не понимаете? – Я встаю.

Я начинаю плакать, и другие пациенты в холле делают вид, что ничего не происходит, а одна дама, с замысловатой прической, старательно прикрывается журналом.

— Я понимаю, что ты чувствуешь... — начинает мистер Снайд.

Но я его перебиваю.

— Вы ничего не понимаете! — уже реву я. — Просто оставьте меня в покое! Я хочу домой.

Я поворачиваюсь к выходу, бабушка хватает меня за руку. Я выдёргиваю руку и начинаю плакать ещё сильнее, потому что мне больно.

— Я хочу домой! — плачу я.

И сама не знаю, хочу ли я в бабушкин дом или в мой старый дом, или просто в какое-нибудь место где-нибудь, где всё будет понятным и где кто-нибудь меня просто обнимет. Я хочу разговаривать с Мими или отцом Иннокентием и спросить их, почему в мире так много зла и несправедливости.

— Мы уже здесь. Ты должна пойти и поговорить с доктором Снидом, — говорит бабушка.

Я снова сажусь в кресло, закрываю лицо руками, меня всю трясёт.

— Давай, Хиллари, это не сложно. Разговор о твоих чувствах именно сейчас тебе совершенно необходим, — говорит доктор Снайд, положив свою тяжёлую руку на моё плечо.

Я плачу, но они заставляют меня войти в кабинет. Тут все мои чувства притупляются. Я сижу и слушаю его разговоры

о том, что мы должны делиться чувствами и эмоциями, и о том, что все семьи разные, и о праздничном настроении, а я внимательно изучаю шнурки на его кроссовках.

- Тебе лучше? – спрашивает он в конце беседы.
- Не знаю, – говорю я.

22 декабря 0000. Э. Т.

Когда я просыпаюсь, то сразу чувствую, что произошло что-то необыкновенное. В моей комнате темно и холодно. Очень холодно. Я вижу ледяные узоры в уголках окна. Ощущение новизны – полная тишина. Обволакивающая тишина, как будто дом укутан одеялом.

Я сажусь, укрываю плечи пледом, свешиваю ноги с кровати.

– Ай! – Деревянный пол совершенно ледяной.

Я подхожу к окну и выглядываю во двор.

Оранжевый свет уличного фонаря нежно отражается от снежного покровала. Нигде нет ни следа, не видно ни человека, ни животных, только снег, уличный фонарь, и тени под моим окном.

Я бегу к шкафу, надеваю джинсы, рубашку с длинным рукавом, толстовку с капюшоном. Хватаю носки и кроссовки, на цыпочках спускаюсь по лестнице, пробираюсь через гостиную, через холл, к входной двери. В темноте я надела носки шиворот-навыворот, но мне всё равно. Мне просто хочется выйти на улицу, к этому снегу.

Мои следы – первые на тонком слое хрустящего снега и льда. Я пробегаю двор наискосок, глубоко вдыхаю холодный морозный воздух. Все люди в округе спят. Волшебные ощущения.

Я смотрю на наш дом. Окно в комнате бабушки и дедушки – тёмное, шторы закрыты. Но кто-то забыл выключить лампочки на ёлке. Они мигают красным, зелёным, синим, жёлтым, сквозь шторы в гостиной.

Никто на меня не смотрит.

Я танцую, кружусь, снег похрустывает у меня под ногами. Мои носки промокли, мне тяжело дышать, но меня это совершенно не беспокоит. Я кружусь ещё раз, поскользываюсь и падаю. Я лежу на снегу и взмахами рук рисую «снежного ангела».

– Как бы мне хотелось, чтобы Кейт была здесь, – шепчу я сама себе.

Она очень любила снег. Здесь, в Алабаме, он бывает только пару раз в год, если повезёт. Кейт всегда очень хотела, чтобы снег пошёл на Рождество, но такого никогда не было.

Джинсы уже начинают промокать от таящего снега, я встаю, отряхиваюсь. Мои мысли о Кейт вернули все мои вчерашние тревоги. Я смотрю в тёмное небо, как будто надеюсь увидеть там Бога или какой-то знак от Него.

Бога я не вижу, но несколько звёздочек мне будто подмигнули.

Почему-то легче верить в Бога, когда ты стоишь одна

снежным холодным утром и смотришь на звёзды.

— Вот где всё настоящее, — говорю я.

Мой голос звучит странно.

— Вот где всё настоящее, — повторяю я.

Мне хочется сделать что-то особенное. Такого случая больше не представится. Я никогда не остаюсь одна, за мной всегда следят. Я могла бы убежать. Может быть, найду дерево, в котором спрятала икону, и заберу её оттуда. Я могу взять немного еды на кухне, одежду потеплее, дедушкину тёплую шапку...

Но я не умею водить машину. И я даже не знаю, где точно находится этот лес. Где-то на дороге, между Макдональдсом и трейлером отца Иннокентия. А это довольно большое расстояние.

Полоса жёлтого света ложится на снег прямо передо мной. Я оглядываюсь. Свет идёт из бабушкиной и дедушкиной спальни, сквозь закрытые шторы.

Они найдут меня прежде, чем я доберусь до этого леса. И, конечно, спросят, куда это я направляюсь, и всё расскажут доктору Сниду, и тогда за мной будут следить ещё сильнее, чем раньше.

Я вдыхаю морозный воздух ещё раз и проскальзываю обратно в дом. Нет никакого смысла притворяться, что я не была на улице: мои следы во дворе повсюду, кроссовки и носки мокрые. Я снимаю их и оставляю сушиться у двери. Бабушке это не понравится, но если я потащу их через весь дом —

будет ещё хуже.

Свет ещё горит в их спальне, когда я пробираюсь к себе мимо их двери. Оттуда не доносится ни звука. Может быть, бабушка не может уснуть и опять читает? Часы в гостиной показывают 4:02. У меня достаточно времени, чтобы надеть мою пушистую пижаму, укрыться одеялом и ещё немного поспать.

24 декабря 0000. Э. Т.

Когда дядя Роберт и тётя Синди приехали на своей новой голубой машине, снег уже растаял.

– Приехали! – говорит дедушка.

Он идёт к ним навстречу, подняв руки, чтобы обняться.

– Отличная машина, отличная! А что случилось с минивэном?

Дядя Роберт захлопывает дверь, быстро обнимает дедушку, спешит открыть багажник.

– Мы решили взять машину поменьше. Захотелось чего-то более стильтного, тем более что... отпала необходимость в большом автомобиле.

Эти выходные, похоже, не будут такими уж весёлыми.

Тётя Синди выходит из машины, поправляет юбку и шубу. Она выглядит сильно похудевшей. И она явно использует гораздо больше косметики. Она обнимает бабушку и дедушку, кивает мне в знак приветствия.

Тётя Синди делала для нас макароны с сыром. И всегда

крепко обнимала нас с Кейт, когда мы приезжали в гости.

Я стою в дверном проёме, чувствуя себя неуютно.

— Заходите, заходите, — говорит бабушка, поглаживая шубку тёти Синди, — мы подготовили гостевую спальню специально для вас, вы можете отнести туда свои вещи и отдохнуть. Ричард хочет посмотреть футбол, думаю, Роберт тоже не против? Синди, я не помню, любишь ли ты футбол, но я обещала Хиллари испечь сахарное печенье, если хочешь — присоединяйся к нам.

— Хиллари? — говорит тётя Синди с недоумением.

Все выразительно смотрят на неё.

— Хиллари, — повторяет бабушка, положив при этом руку мне на плечо.

Мне хочется просто исчезнуть.

— А, вот как тебя теперь зовут, — говорит тётя Синди.

— Ну, да, — говорю я.

— Мило, — говорит она и поворачивается к бабушке, — вообще-то я планировала сходить в фитнес-клуб. Я сейчас на специальной диете, и для меня очень важно заниматься спортом каждый день.

— Синди очень похудела за последнее время, — говорит дядя Роберт, — она всё время говорит, что мне тоже нужно уменьшить потребление калорий, но я слишком люблю пиво.

Тётя Синди уже уткнулась в телефон, ищет ближайший фитнес-клуб. Мне кажется, что раньше она была симпатичнее, до того, как похудела. Сейчас она выглядит уставшей и

какой-то серой, а её макияж кажется особенно ярким.

Теперь, когда все в доме, дядя Роберт и дедушка включили телевизор, мы с бабушкой пошли на кухню. Тётя Синди исчезает где-то наверху.

Бабушка достаёт свою книжку с рецептами и две серебряные миски, я достаю из ящиков муку и сахар. Я очень рада, что могу заняться чем-то полезным, а не сидеть и разговаривать с дядей Робертом и тётей Синди.

– Нам нужна пищевая сода или разрыхлитель? – спрашиваю я, читая рецепт.

– Разрыхлитель, – говорит бабушка, – давай ты будешь смешивать муку с другими ингредиентами, пока я буду взбивать масло с сахаром.

– Да, хорошо.

Я аккуратно отмериваю муку, потом размешиваю вилкой, рисуя спирали и другие узоры на ней. Иногда мама пекла просфоры для храма. Она всегда рисовала пальцами крест на муке, прежде чем добавить воду и дрожжи.

– Так, нам надо бы поторопиться, украсить глазурью печенье, как только оно остынет, – говорит бабушка, взбивая масло с сахаром картофелемялкой, – иначе нам нечего будет положить для Санты.

Я перестаю рисовать свои узоры.

– Для Санта-Клауса?

– Нужно оставить молоко и печенье для Санта-Клауса, – иначе он может положить тебе в носок уголь, разве ты не

знаешь? – удивлённо говорит бабушка.

Я даже не знала, что мы делаем всё это для Санта-Клауса.

– И мы даже повесим носки для подарков?

– Ну, конечно, – говорит бабушка.

– Но мой носок… – я думаю о моём специальном рождественском носке, с вышитыми, немного неровными буквами «Ефросинья», – у меня его больше нет.

– А ты посмотрела в большой сумке, у лестницы? – говорит бабушка улыбаясь.

Так у неё был мой носок? Она смогла как-то его достать? Я роняю вилку, бегу к лестнице, почти врезаюсь в тётю Синди, которая спускается вниз в своих явно очень дорогих штанах для йоги и теннисках.

– Я в фитнес-клуб, – говорит она, застёгивая спортивную куртку.

– Успехов, – говорит дедушка, делая глоток пива.

Прямо у лестницы лежит большой мешок с красивой надписью «Монограммы и прочее» на боку. Я засовываю руку внутрь и вынимаю огромный носок.

Он розовый, с белыми горошинами и зелёным кантом. И на нём вышито большими, как на пляжном полотенце, буквами «Хиллари». Но я всё думаю о моём стареньком носке, с распускающимися нитками и с отклеивающейся ёлочкой. И с моим настоящим именем.

– Нравится? – спрашивает бабушка, выглядывая из дверей кухни и вытирая руки бумажным полотенцем.

– Да, – говорю я, – это мой подарок к Зимним Праздникам?

– Нет, глупыш, – говорит бабушка, – подарки будут завтра. А сейчас повесь свой носок.

– А куда? – У них в доме нет камина.

– Алекс и Роберт всегда вешали их на вешалку в прихожей, – говорит бабушка.

Я иду к вешалке у двери и вешаю свой носок на самый высокий крючок. Он такой новый, что висит ровно, сохраняя форму носка. Мой старый был больше похож на мешочек.

– Спасибо, бабушка, – говорю я, обнимая её.

Это очень мило с её стороны. Я изо всех сил стараюсь выглядеть счастливой.

25 декабря 0000. Э. Т.

Пахнет беконом.

Вот от чего я проснулась. Я щурюсь и смотрю на мои часы. 7:30. Так поздно я ещё не вставала на Рождество. Кейт всегда будила меня, когда за окном было ещё темно. Мы тихо заходили в гостиную, снимали наши носки с камина, потом вместе забирались в мою кровать и доставали подарки из носка, медленно, по одному, пока не достанем до самого дна. Главное правило было: не будить маму и папу до шести часов.

Бекон очень вкусно пахнет. Думаю, к нему полагается и яичница-глазунья. Когда я открываю дверь своей комнаты и

спускаюсь по лестнице, я слышу, как шипит бекон на сковородке и закипает ароматный кофе.

— Доброе утро, Хилли-Билли, — говорит дедушка, когда я захожу на кухню.

Он сидит на высоком стуле, смотрит, как бабушка готовит завтрак.

— Хочешь кофе?

Я морщусь. Потом вспоминаю, как Мими сказала, что раньше она тоже не любила кофе, и говорю:

— Ну, может быть, чуть-чуть.

— Ни в коем случае, — говорит дедушка, — кофеин вреден для роста.

— О, Ричард, это грубо, — говорит бабушка, — дай ей немножко попробовать, раз уж ты предложил. Я положу ей побольше сахара и молока. Хиллари, ты ещё не смотрела, что там в твоём носке?

— А, точно, — говорю я.

Я иду в прихожую и снимаю мой плотно набитый подарками носок. Он очень тяжёлый. Я иду обратно на кухню и сажусь рядом с дедушкой.

— Ну, что там? — спрашивает дедушка, протягивая бабушке кружку с кофе.

— Пока не знаю, — говорю я, заглядывая в носок.

— Так высыпь всё оттуда и посмотри.

— Нет, мне нужно доставать по одному.

Я вынимаю первый подарок и кладу его на стол. Это розо-

вая металлическая бутылка для воды с инициалами «Х. М.».

— Ух ты, — говорю я, чувствуя на себе бабушкин и дедушкин взгляд, — это будет очень удобно для школы.

Две серебристые резинки для волос и блокнот для рисования, заколка с цветочком, четыре завёрнутых спиралью карандаша, карты, много шоколадок в красной и зелёной фольге. Всё такое хорошее, но немного странно, что я должна вести себя так, будто абсолютно счастлива от каждой вынутой вещи. И потом наступает такой момент, когда ты заглядываешь в носок, чтобы убедиться, что вынула оттуда всё, а кто-то может подумать, что тебе недостаточно подарков.

— Как здорово, — говорю я, улыбаясь, глядя на кучу вещей перед собой, держу скрещенные пальцы под столом, потому что знаю, что вру, — теперь мне нужно всё это отнести наверх, в комнату.

Я кладу все подарки обратно в носок и иду к себе. Дверь в гостевую комнату сейчас закрыта, а когда я спускалась — видела небольшую щель. Я останавливаюсь на миг. Слышу чей-то приглушённый плач.

Я захожу в свою комнату и аккуратно закрываю дверь. Бросаю носок на кровать и выдвигаю ящик письменного стола. Там, в глубине — фарфоровая Богородица из вертепа. Складки Её платья гладкие и холодные. Я сворачиваюсь клачником под лоскутным одеялом в своей кровати и рассматриваю Её лицо, стараюсь ни о чём не думать, просто смотрю.

Я не виновата.

Я не виновата?

Всё так запутано-перепутано-фальшиво, и все притворяются. Почему мы все ведём себя так, будто мы счастливы?

Выражение лица Девы Марии такое спокойное. Моё дыхание выравнивается, когда я разглядываю Её глаза, и тут я понимаю, что у меня дрожит подбородок. Я тихо лежу, стараюсь запомнить каждую чёрточку Её лица.

Чуть позже бабушка зовёт меня завтракать, и дядя Роберт и тётя Синди уже сидят за столом, пьют кофе. Я не знаю, где дедушка. Глаза у тёти Синди немного припухшие, но на лице у неё уже много косметики, так что это не очень заметно. Все молчат.

— А вот и Хиллари, — говорит бабушка, — у нас тут бекон и глазунья, и сейчас я достану апельсиновые рулетики из духовки. Возьми тарелку. Синди и Роберт, вам лучше поторопиться, думаю, Хиллари готова открывать подарки, — говорит она, широко улыбаясь мне.

На самом деле мне всё равно, но я смеюсь из вежливости.

Это ужасно: быть единственным ребёнком на Рождество. Может быть, дети, у которых нет братьев и сестёр, к этому привыкли и их это не беспокоит. А я чувствую себя очень неловко во время этой процедуры открывания подарков. Как будто всё это делается только ради меня, и я должна быть счастлива, иначе всех разочарую. Точнее, разочарую бабушку.

Дяде Роберту и дедушке явно скучно, тётя Синди сидит

очень ровно, неподвижно и внимательно рассматривает свои руки. Взрослые дарят друг другу несколько подарков, а я открываю оставшиеся разноцветные упаковки. Бабушка подарила мне кучу всяких вещей.

– Ого! – говорю я, разрывая упаковку со снеговиками. – Это что, телефон?

– Смартфон! – радостно говорит бабушка. – Продавец в магазине сказал, что это самый лучший! Ты знаешь, что на нём можно даже слушать музыку!

– Ой, наверное, он очень дорогой? – говорю я, переворачивая коробку.

– Ну, об этом ты можешь не беспокоиться! – отвечает бабушка.

– Мы можем как-то побыстрее разобраться со всем этим? – говорит дедушка, глядя на свои часы. – В десять часов начнётся главная игра Зимних Праздников.

В подарок от бабушки и дедушки я получила много одежды. И ещё подарочная карта на пятьдесят долларов в Уолл-март от дяди Роберта и тёти Синди. Ого! Но я чувствую себя неловко: я не подумала о подарках для них. Я могла хотя бы что-то нарисовать. Бабушка громко восхищается книжкой, которую я купила у отца Иннокентия, – «Сердце горца» с картинкой красавца с голым торсом в килте, на фоне дикой природы. Дедушка смеётся, открывая коробку с кофейной кружкой, на которой написано «Дедушка лучше знает».

– А она меня раскусила!

Мы включаем телевизор до начала игры, так что нам удаётся захватить несколько минут Специального Зимнего шоу. Довольно интересно. Мне очень нравится фигурное катание, хотя мне кажется, что артистам должно быть холодно в таких лёгких костюмах. Ещё показывают парад Санта-Клауса. Поют тоже неплохо. Но они поют песни, которые совсем не о Рождестве.

Только подари мне эту ночь!

Я хочу сына, я хочу дочь.

Наши поцелуи у огня,

Я подарю тебе всего меня!

На самом деле всё это совсем не похоже на Рождество. Я должна быть с мамой и папой, с Кейт, я должна быть одета во всё красное, а литургия должна бы вот-вот начаться. Должен быть запах ладана и звон колоколов. Эти Зимние Праздники не такие уж и плохие, просто какие-то пустые. Как если бы ты сделал глоток лимонада, но пузырьков в нём почему-то не оказалось. Он по-прежнему сладкий, но не радует тебя весёлыми пузырьками.

– О! Что это он делает! – прерывает мои мысли дядя Роберт.

По телевизору показывают певца с длинными волосами, в клетчатой рубашке, который вдруг начинает петь:

– Ночь тиха, ночь свята...

Зрители замирают. Он даже не подыгрывает себе на гитаре, просто поёт в микрофон.

– Дурак, его же убьют, – рычит дедушка.

А певец продолжает:

– *В небе свет, красота...*

Это не православное песнопение, но хор в нашем храме пел его после рождественской литургии. И мама напевала, когда укладывала нас спать вечером на Рождество.

– *Спи, Младенец Святой...*

Певец останавливается, потому что двое мужчин в чёрных костюмах поднимаются на сцену. Один из них что-то говорит певцу на ухо, нам не слышно, певец кивает головой. Второй мужчина хватает его руку и пытается вывести со сцены, но перед этим певец наклоняется к микрофону.

– Христос рождается! – говорит он и машет на прощание.

– Славьте Его! – шепчу я автоматически.

– Что ты сказала, Хиллари? – строго спрашивает дедушка.

– Ничего.

Дедушка сердито качает головой, глядя на экран.

– Идиот. Некоторые не могут жить спокойно, никому не мешая.

– Мне всегда очень нравилась эта песня, – тихо говорит бабушка.

– Слишком сентиментальная, – говорит дядя Роберт, садясь на диван в тот момент, когда начинается игра.

Мы с тёти Синди поднимаемся наверх, в свои комнаты, пока все смотрят футбол. Я несу целую охапку подарков, поэтому иду медленно, чтобы не упасть, – я не вижу ступеньки.

И мне кажется, её раздражает, что приходится меня ждать. При первой же возможности она обгоняет меня и быстро идёт в гостевую комнату.

– Тётя Синди! – говорю я.

Она останавливается, уже взявшись за дверную ручку.

– Что?

Я не знаю, что ей сказать. Я пытаюсь понять выражение её лица: сердится ли она на меня? Но она смотрит в пол и ждёт, пока я что-нибудь скажу.

– Что? – повторяет она.

– Простите, пожалуйста, – бормочу я.

Это, конечно, звучит нелепо. Она всхлипывает.

– Тебе не за что просить прощения. Ты всего лишь ребёнок, – говорит она, входит в комнату и закрывает за собой дверь.

«Почему же ты тогда так ненавидишь меня?» – безмолвно спрашиваю я.

Я захожу в свою комнату, кладу мои подарки на пол. Мы всегда так делали с Кейт на Рождество. Мама и папа никогда не дарили мне таких дорогих подарков, как этот телефон, но сейчас, когда я смотрю на него, у меня перехватывает горло. Мне некому звонить.

Я бы всё отдала за то, чтобы только поговорить с ними.

26 декабря 0000. Э. Т.

По вторникам библиотека работает с десяти до пяти вече-

ра. Похоже, бабушка рада уехать из дома хотя бы ненадолго. Мне кажется, когда дедушка не на работе, он действует ей на нервы. Она идёт в отдел с романами, а я слоняюсь вокруг, ищу Мими.

Нахожу её в отделе детективов, но прямо перед ней стоит мужчина с тонкой, розоватой кожей и совершенно белыми волосами. Он немного похож на дворника в нашей школе, правда, он лучше одет и не улыбается. Рядом с ним библиотечная тележка, в которую он складывает книги, снимая их с полок.

— «Нарния» — безусловно, — говорит он, — Элси Динсмор, все книги Мадлен Л'Энгл. Вот эта, книга Ави «Крест ведущий», кажется, так называется. А это что такое? Тут много книг, которые я не знаю. Ты должна чётко следовать инструкции.

— Но тогда у нас останется не так много книг, — говорит Мими с неловким смешком. — Нам нужно будет заказать новые детективы.

— Да, в январе мы получим каталог, — говорит мужчина, вытягивая с полки «Излом времени» и бросая книгу в тележку.

Она падает открытыми страницами вверх, но он даже не думает поправить книгу.

— Будут только разрешённые авторы. Ты сможешь заполнить полки этими новыми книгами.

Мими поднимает «Излом времени», закрывает её и акку-

ратно кладёт на стопку в тележке.

– Мы просто складываем эти книги на отдельную полку?

– Ни в коем случае, – мужчина смотрит на Мими с удивлением, – основная цель: чтобы молодёжь не попала под влияние вредных идей. Чисто технически они должны быть уничтожены, пропущены через шредер, но, если честно, обычно библиотекари их просто выбрасывают. Это проще и быстрее.

– Понятно, – говорит Мими.

Мужчина бросает ещё несколько книг в тележку и смотрит на часы.

– Мне пора идти. И последнее, по каждой книге, которую я отметил, мне необходима полная информация: кто передал эти книги в библиотеку и кто их читал, всё это нужно будет передать в Центр.

Мими стоит совершенно потрясённая.

– Но их читало очень много детей...

– Да, я понимаю, здесь предстоит масса бумажной работы, – вздыхает мужчина, – ты можешь распечатать только первую страницу учётной карточки. На самом деле нас интересуют только последние два года.

– Да, это, конечно, очень облегчит работу.

Но я вижу, как побелели косточки на её кулачках, сжимающих тележку.

– Ты можешь перепоручить эту работу кому-нибудь ещё, если хочешь, – говорит мужчина, – главное, это должно быть выполнено. Я жду от тебя отчёта не позднее чем через две

недели.

Он пожимает руку Мими.

– Поздравляю с Зимними Праздниками.

Я прячусь за полками, когда он проходит мимо. Когда я выхожу, Мими вытирает свою руку об юбку.

– Христос Рождается, – тихо говорит она мне.

– Славьте Его, – отвечаю я.

Вытаскиваю из кармана сложенный лист бумаги и передаю ей.

– Что это? – говорит она, разворачивая. – О, это мне?

– Ну, да, – говорю я, и мне немного неловко, я нарисовала это карандашами, которые получила на Рождество.

– Это очень круто! – смеётся Мими.

– Видишь, это – ты, – говорю я, показывая на библиотекаря в центре картинки.

На ней – юбка в цветочек, она держит в одной руке книгу, а в другой – меч. Позади неё множество книжных персонажей – мальчик и маленький ребёнок едут на санках, девочка-подросток, обнимающая ствол дерева, четверо детей в коронах, кентавр с крыльями, девочка с корзинкой и другие.

– Ого! Да ты прекрасный художник! – говорит Мими, внимательно рассматривая рисунок.

Она обнимает меня одной рукой и прижимает к себе.

– Спасибо, Ефросинья, – шепчет она, – твой рисунок очень помог мне сегодня.

Я улыбаюсь. Я намного больше довольна этой картинкой,

чем книжкой для бабушки или кружкой для дедушки, хотя мне не составило большого труда её нарисовать.

— У меня тоже есть кое-что для тебя, — говорит Мими, — иди за мной. Я закончу здесь чуть позже.

Она слегка отталкивает тележку ногой. Мы идём назад, в историческую секцию, проходим мимо туалетов и подходим к чёрной двери, на которой написано «Только для сотрудников».

— А мне можно туда? — спрашиваю я, пока Мими держит дверь открытой передо мной.

— Ты со мной.

Это просто комната, в которой в беспорядке лежат книги, некоторые из них — в коробках. Есть ещё холодильник и большая доска для записи маркерами. Она очень напомнила мне комнату отца Иннокентия в книжной лавке, только здесь был сильный запах маркеров вместо чая, как у отца Иннокентия. Мими подошла к шкафчику и что-то из него достала. Это флисовая кофта, в которую завёрнуто что-то квадратное и твёрдое. Икона? Нет, это книга. Она подаёт её мне.

«Излом времени».

— А разве не эту книжку бросил в тележку тот мужчина? — спрашиваю я, переворачивая книгу, чтобы посмотреть обложку.

— Да, он требует, чтобы я избавилась от всех этих книг, — говорит она.

— Почему?

– Потому что в них написано о христианстве, – отвечает Мими, – я должна была понять, что всё к этому идёт. Они меняют школьную программу. Библиотеки – следующие.

Я открываю книжку и перелистываю несколько страниц.

– Ой, а здесь есть ещё что-то, – говорю я, вынимая конверт с буквой «Е» на обратной стороне.

– Это тебе от отца Иннокентия, – шепчет Мими, хотя кроме нас в комнате никого нет, – прочитай это в безопасном месте и уничтожь письмо, если сможешь.

Я вкладываю конверт обратно в книгу.

– Хорошо.

Мой карман начинаетibriровать, и я подпрыгиваю от неожиданности.

– А, это бабушка прислала мне эсэмэску, – говорю я, доставая телефон, – мне подарили телефон на Рождество.

«Ты готова ехать домой?» – написала бабушка.

«Да, ещё минутку», – отвечаю я.

– Ты дашь мне свой номер? – спрашиваю я Мими.

– М-м-м, дай мне подумать, – говорит она, – я отвечу тебе в следующий раз.

Она смотрит, как я выключаю телефон и кладу его в карман.

– У твоих бабушки и дедушки есть пароль от твоего телефона?

– Да, дедушка мне его настраивал.

Мими кивает.

— Тогда будь осторожна с тем, что ты на нём смотришь или читаешь. Помни, что люди могут просматривать твои сообщения и всё, что ты ищешь в интернете.

Я даже не подумала об этом.

— Да, хорошо.

Мы выходим в зал, и Мими машет мне рукой на прощание. Я ещё раз оглядываюсь, когда мы с бабушкой выходим из библиотеки. Я вижу, как она ещё раз разворачивает мой рисунок. Она улыбается, закрывает глаза и делает глубокий вдох. Может быть, она тоже вот-вот заплачет.

27 декабря 0000. Э. Т.

У букв очень много странных подчёркиваний и завитушек, от этого мне сложно читать. Почерк не каллиграфический, но кажется, что тот, кто их писал, провёл годы за письменным столом. У мамы был похожий почерк.

«Христос рождается!

Я много молился и думал и о тебе, и обо всём, что с тобой случилось. До некоторой степени я несу за тебя ответственность, и поверь, я отношусь к этому серьёзно. Если бы ты была помладше, я посоветовал бы тебе сосредоточиться на учёбе и постараться просто не забывать всё то, чему тебя учили родители. Я всё ещё не уверен, что мы должны поступить именно таким образом. Но ты уже достаточно взрослая, чтобы принимать самостоятельные решения. И я знаю других детей, таких же, как ты. С Божией помощью они смогли

справиться со сложными обстоятельствами.

Я даю тебе моё благословение посвятить свою жизнь возвращению того предмета, о котором мы с тобой говорили, но важно, чтобы ты понимала, в каких условиях ты находишься. Ты лучше других знаешь, чем это может грозить, что может быть отнято у тебя. Будет нелегко.

Если ты посчитаешь, что ещё не готова, я попробую сам заняться этой вещью. Пожалуйста, постараитесь избежать поступков или разговоров, которые могут подвергнуть опасности других людей. Если ты решишь действовать – вот мой номер телефона.

о. Иннокентий Миланович».

Я выбираю в телефоне опцию «добавить контакт» и вбиваю номер. Когда я дохожу до графы «имя», я задумываюсь. Если бабушка или дедушка заглянут в мой телефон, то они не должны увидеть ничего подозрительного. Наконец я записываю «Остин» – имя того мальчика из школы, который делал тупую презентацию о России. Пока я даже не знаю, хватит ли у меня смелости, чтобы ответить на письмо. Я должна подумать.

28 декабря 0000. Э. Т.

– Садись, пожалуйста, Хиллари, – говорит доктор Сnid. Сегодня он выглядит как-то иначе. Обычно его волосы зализаны гелем, а сегодня они сухие и с пробором посередине. Я

даже не знала, что у него есть чёлка.

– Ну, как прошли твои Зимние Праздники? – спрашивает он, закидывая одну ногу на другую и открывая жёлтый блокнот.

Смотрит на меня сквозь очки на кончике носа.

– Нормально.

– Очень хорошо. Чем занималась твоя семья?

– Ну... мы вместе позавтракали. Дядя Роберт и тётя Синди тоже были с нами. Потом были подарки и всякое такое. Потом они смотрели футбол.

– Кажется, у вас был настоящий праздник, – говорит доктор Сnid, что-то записывая в свой блокнот, – наверное, сильно отличался от того, как ты проводила его раньше?

– Наверное.

– Представляю себе, Зимние Праздники в прошлом году были куда более хлопотными. Твоя семья ведь ходила в храм на Зимние Праздники, правда?

Я киваю.

Мне очень хочется, чтобы он наконец перестал говорить «Зимние Праздники» вместо «Рождества».

– Как ты перенесла все изменения в этом году? – спрашивает он. – Наверное, было приятно просто расслабиться и отметить Праздники так, как тебе этого на самом деле хочется.

– Не знаю.

– Я уверен, каких-то вещей тебе не хватало в эти Зимние Праздники, к чему ты привыкла, – продолжает доктор

Сnid, – но вы придумали какие-то новые семейные традиции?

Он начинает раздражать меня. Он явно пытается заставить меня сказать, что так мне нравится больше, или что-то в этом роде.

– Может быть, – говорю я, – было приятно поспать подольше.

Доктору Сниду, видимо, нравится то, что я сказала. Он что-то записывает и подчёркивает это.

– Уверен, что это прекрасно – подольше поспать, ты смогла отдохнуть и просто насладиться выходным днём. А как тебе хотелось бы проводить Зимние Праздники в будущем, что ещё тебе понравилось?

Я пытаюсь придумать хоть что-то. Это точно не плачь тёти, потому что её ребёнок мёртв. Это точно не открывание подарков одной, когда все остальные смотрят на тебя.

– Может быть, печь печенье с бабушкой? – наконец говорю я.

Он что-то записывает, улыбается.

– А, ещё смотреть фигурное катание.

– О! Я так рад, что ты смотрела, – говорит доктор Сnid, – мне кажется, это было самое лучшее Праздничное шоу. Просто волшебное.

Его радостное возбуждение почему-то злит меня.

– Ну, не то чтобы волшебное, – говорю я.

– Я выражаясь фигуранально, – говорит доктор Сnid со

смешком.

Это злит меня ещё больше, потому что я не понимаю, что он имеет в виду.

— Они были хорошие, но всё это как-то неглубоко.

Доктор Снайд резко перестаёт смеяться.

— Что ты имеешь в виду, Хиллари?

— Нет, все были счастливы... но... не более того, — мне очень сложно подобрать правильные слова, — я не имела в виду ничего такого.

— Ты же знаешь, быть счастливым — в этом нет ничего плохого, — говорит доктор Снайд, — быть счастливым вовсе не означает быть поверхностным человеком. Быть счастливым — это нормально.

— Но бывает счастье и печальное, — говорю я.

— Что ты хочешь этим сказать?

У меня не получается выразить свою мысль.

— Ну, знаете, это чувство, когда ты совсем один на улице, ночь, холодно, и только ты и звёзды.

— Обычно мне хочется поскорее зайти в дом и выпить горячего какао, — говорит доктор Снайд с улыбкой.

Я начинаю волноваться.

— Ну, это когда ты ощущаешь себя очень маленькой, а всё вокруг гораздо больше тебя, и оно прекрасно и в то же время — пугающе.

— Хиллари, я не совсем уверен, что понимаю, что ты хочешь сказать.

Я киваю головой. Я недостаточно умная, чтобы передать то, что чувствую, правильно.

– Но ты должна знать, – продолжает он, – что тебе не надо бояться или грустить. Ты можешь быть счастлива.

– Это вовсе не о том, как быть счастливой, – громко говорю я.

Он выглядит удивлённым. Я ещё никогда не повышала голос.

– Вот это проблема со всеми, им хочется, чтобы все всегда были счастливы, всё время, и мы все должны притворяться, что мы счастливы, и ничего плохого не происходит. И мы не можем разговаривать ни с кем и ни о чём настоящем, потому что кто-то может обидеться или попасть в неприятную историю. Вот почему всё вокруг такое фальшивое, потому что все притворяются, что грустных и страшных вещей не существует.

Ой, кажется, я слишком разболталась.

Доктор Сnid откладывает свой блокнот в сторону и скрещивает руки на груди.

– О каких грустных или страшных вещах ты говоришь, Хиллари?

Я делаю глубокий вздох.

– Например, Бог.

– Мысль о Боге тебя пугает? – спрашивает он.

– Иногда, – говорю я.

Как бы мне хотелось, чтобы я держала язык за зубами!

- И что именно тебя пугает?
- Я не знаю, – говорю я.
- Нет, это хорошо, это просто прекрасно. Тебе нужно открыть свои чувства. Почему Бог пугает тебя, Хиллари?
- Может быть, потому, что после всего, что произошло, Он вовсе и не Бог... – шепчу я.

Доктор Снайд кивает головой.

- Это очень ценное наблюдение. Ты была свидетелем очень драматических событий, произошедших с теми, кто ходил в церковь, молился, жил как христианин. Если бы Бог был хорошим, разве Он не защитил бы их?

Я не знаю, что сказать на это.

- Знаешь, что я думаю, Хиллари? – говорит доктор Снайд.
- Что?
- Я думаю, что Бог – это персонификация всего хорошего, что есть в человеческом сердце. Мы можем называть это Богом или Аллахом, а может быть, Знанием или Буддой. Не важно, как ты Его называешь, потому что Он универсален. Бог – это любовь и принятие всех такими, какие они есть. Это не нечто духовное или пугающее. Когда мы следуем зову нашего сердца, мы следуем Богу.

- Почему же тогда нельзя разговаривать о Боге? Почему мы все должны были менять наши имена? – спрашиваю я в растерянности.

- Мы говорим о Боге, – говорит доктор Снайд, – мы говорим о любви, о доброте, о толерантности. Мы не используем

те же слова, потому что христиане превратили Бога во что-то, чего нужно бояться, в кого-то вечно проклинающего людей. Христианский Бог – Бог ада, а не рая.

– А как же Иисус Христос, разве Он не умер за людей?

– Иисус был хорошим человеком, – говорит доктор Снайд, – Он учил не лицемерить и не осуждать других. Таких людей, которые учили добру и умерли за своё учение, было много. Ганди, Мартин Лютер Кинг.

– Но Иисус воскрес, – говорю я.

– Это метафорически. Его учение продолжает жить в наших сердцах.

Несколько минут я молчу, думаю над его словами. Это кажется так просто, верить в хорошее, следовать велению своего сердца и быть добрым к людям.

Но это как-то мелко. Это как Зимние Праздники вместо Рождества, что-то тёплое и пушистое, но не настоящее. Это не сравнить с густым ароматом ладана или ощущением тепла в горле, когда ты проглатываешь Святые Дары. Или с Пасхальной радостью.

Я вытащила пулю из иконы, и я видела сочающуюся из раны кровь. Может быть, если бы я выросла с бабушкой и дедушкой, я полностью согласилась бы с доктором Снайдом. Но ты не можешь пройти через то, что прошла я, и не верить в Бога. Главный вопрос тут: хочу ли я следовать за Богом.

– Ты можешь не соглашаться со мной, – говорит доктор Снайд.

– Я должна подумать...

– Это всё, о чём я хотел тебя попросить, – говорит доктор Снайд, улыбаясь.

По дороге домой я достаю телефон и нахожу Остина в моих контактах. Я нажимаю «отправить сообщение»: «Я готова сделать это. Е.»

Глава четвёртая

2 января 0001. Э. Т.

— Когда я назову ваше имя, подходите к моему столу получить новые учебники, — говорит мистер Хилл, преподаватель по обществознанию, — Стенли Аллисон.

Сегодня первый день после каникул, а от отца Иннокентия всё нет никаких новостей. Может быть, он решил, что не стоит мне помогать? Или его поймали? Вообще-то мы должны отключать телефоны, пока мы в школе. Вместо этого я поставила его на вибрацию и положила в карман, вдруг он ответит.

— Хиллари Буф.

Я поднимаю глаза, как всегда, когда вызывают другую Хиллари. Сейчас не моя очередь. Почему нам выдают новые учебники? Мы прошли только треть тем в старом. Правда, они были порядочно потрёпанные, а эти выглядят новенькими.

— Джереми Демарко.

— Остин Халлегер.

— Мистер Хилл? — Бостон поднимает руку.

Мистер Хилл записывает номер учебника Остина.

— Да? — говорит он.

— Мне кажется, вы пропустили меня, — говорит Бостон.

Мистер Хилл смотрит в компьютер.

— А у меня здесь нет твоего имени. Странно, подожди, сейчас проверим... а-а-а, тебя вызывают к директору школы.

— Что-то случилось? — говорит Бостон, широко раскрыв глаза.

— Нет-нет, — говорит мистер Хилл, — ничего особенного, не стоит беспокоиться.

Бостон встаёт, надевает пиджак и берёт свой рюкзак. Он такой тяжёлый, что Бостон идет согнувшись.

— Думаю, тебе стоит забрать свои вещи из шкафчика, прежде чем ты пойдёшь к директору, — добавляет мистер Хилл, продолжая что-то печатать на компьютере.

Что это значит? Она больше не вернётся в школу? Наверное, другие дети думают так же, потому что по классу проносится шёпот и скрип стульев, все поворачиваются посмотреть на Бостон.

Кажется, она сейчас заплачет.

— Ширан Дженсон.

— Меган Лэнг.

Бостон останавливается на секунду, смотрит на мистера Хилла, который продолжает что-то печатать, и обводит взглядом класс. Чувствую, что я должна сказать что-то. До свидания или что всё будет хорошо. Но я боюсь, что, если скажу хоть что-то, это сразу передадут доктору Сниду.

— Хиллари Мэфьюз, — говорит мистер Хилл.

Я встаю и иду за новым учебником. Мы с Бостон встречаемся глазами, и я думаю: она всё ещё сердится на меня за то,

что я бросала в неё камни?

– Тарделл Митчум.

Мистер Хилл отдаёт мне учебник, я слышу, как за Бостон захлопнулась дверь. Я возвращаюсь на своё место. Внезапно мне становится очень холодно, я даже чувствую, что вся дрожу.

У нового учебника такая блестящая обложка, что на ней остаются отпечатки пальцев. «Новые мы: Алабама в Эру Толерантности». В центре – большая фотография, на которой чернокожая и белая женщины стоят в окружении улыбающихся детей на фоне большого флага Алабамы, а вокруг маленькие чёрно-белые фотографии: люди, дерущиеся на улицах, мужчины в белых балахонах, сжигающие кресты, и граффити на указателе «Скорая помощь для беременных». Я открываю книгу. На первой странице – предисловие:

«Новая Алабама.

Алабама – штат, богатый культурными традициями. Мы ценим нашу историю и наше наследие. Каким же образом мы войдём в Эру Толерантности, не теряя при этом знаний, откуда мы пришли. Ответ, разумеется, находится в изучении нашего прошлого и в понимании источника предубеждений и отрицаний, которые привели к столь многим трагедиям. В особенности это относится к религии, а именно, в ее отрицании равенства для...»

Я подпрыгиваю от неожиданности, потому что чувствую, как дрожит в моём кармане телефон.

- Мистер Хилл? – спрашиваю я.
- Да, Хиллари?
- Можно мне выйти в туалет?
- Можно, но поторопись.

Мистер Хилл даёт мне пропуск для выхода в коридор, и я спешу выйти из класса. И сразу же сталкиваюсь с группой людей, которые идут мне навстречу к выходу из школы.

– Ой, извините, – бормочу я, освобождая дорогу, пячусь к школьным шкафчикам.

– Ничего, – говорит мужчина, отряхивая костюм.

Это же тот самый человек из библиотеки! Тот, который с розовой кожей и белыми волосами, тот, который говорил Мими избавиться от всех христианских книг. С ним ещё один, пониже, мускулистый, он держит Бостон. Не за руку, а за запястье. Они идут дальше по коридору, и Бостон выглядит очень несчастной и испуганной.

Я стою, сжимая пропуск, не смею пошевелиться, пока они не уйдут совсем. Потом я бегу в женский туалет, запираюсь в кабинке и достаю из кармана телефон. Вижу новое сообщение: это отец Иннокентий.

«Я думаю, что вам стоит подружиться с Картером Уэссоном».

Я прокручиваю сообщение дальше. Что это? Мы с Картером Уэссоном будем дружить? Да? Да кто вообще такой этот Картер Уэссон? И больше ничего. Ничего о Православии или об иконе. Я кладу телефон обратно в карман, пин-

ком открываю дверь из кабинки. Глупость какая-то. Я думала, он мне поможет.

3 января 0001. Э. Т.

Мими нет в отделе детективов. И в историческом тоже. За столом её тоже нет, нет и в отделе с периодикой, вообще нет в обычных для неё местах. Может быть, она не работает по средам? Бабушка вчера ходила в парикмахерскую и не смогла привезти меня. Тогда я иду в глубь библиотеки, заглянуть в ту дверь с надписью «Только для сотрудников», и я слышу, как кто-то назвал её имя. Я подхожу поближе к двери, может быть, я услышу что-то ещё?

– Мне очень жаль, что тебе пришлось срочно выйти на работу. Но когда она не появилась, мне пришлось вызвать тебя, мне нужна была помощь.

– Ничего страшного. Ты думаешь, она появится завтра?

– Сомневаюсь. Кстати, если ты хочешь выйти на полный рабочий день, тебе стоит выслать резюме в мэрию.

Что? Мими исчезла?

– Она уволилась? – Второй голос, видимо, удивлён так же, как и я.

– Не официально. Но я не думаю, что она появится здесь после вчерашнего. Я поймала её на подмене информации, которую запросили в ДРТ. Хорошо, что я увидела, прежде чем она отправила данные. Она просто копировала и вставляла одну и ту же фамилию, причём того, кто запросил эту

информацию.

Кто-то смеётся.

– Да, такой номер не прошёл бы.

– Точно. Но я не могу найти те книги, которые Департамент Религиозной Толерантности попросил изъять. Она должна была положить их у мусорного бака, но там только собрание сочинений Элси Динсмур. Мне придётся заявить о краже.

– Ужас какой-то. Кажется иногда, что хорошо знаешь человека, и вот...

– Ох... уже без пяти... мне нужно срочно вернуться в зал.

Ручка двери поворачивается, и я быстро прячусь в туалете, это соседняя дверь. Некоторое время я стою, глядя в стену, тяжело перевожу дыхание и слушаю. Когда снаружи заливают шаги, я опускаюсь на пол и долго смотрю на раковину. Щёлкаю костяшками пальцев. Мими исчезла и даже не попрощалась.

4 января 0001. Э. Т.

Мне не нужно сегодня идти к доктору Сниду, потому что меня тошнит. Я проснулась с ужасной головной болью, и вот я сижу около унитаза, волосы убраны в хвост, дрожу и мечтаю только об одном: поскорее бы это закончилось.

Через какое-то время заходит бабушка. Наверное, я её разбудила. Когда она входит, я полошу рот.

– Тебе плохо, малыш? – спрашивает она, поглаживая мне

спину.

Я киваю, сплёвывая воду и закрывая кран. Я сильно дрожу.

– Почему ты меня не разбудила?

Я опять сажусь на пол перед унитазом. Бабушка ничего не говорит какое-то время, только гладит меня по плечу.

– Я сейчас вернусь.

Я пристально вглядываюсь в дно унитаза и стараюсь не думать ни о чём.

Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня грешную. Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня грешную. Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня грешную. Может быть, это неправильно – читать Иисусову молитву, если я просто хочу, чтобы меня перестали тошнить.

Когда бабушка возвращается, у неё в руках пушистый коричневый плед с дивана, бутылочка Пепто-Бисмола и банка диетической колы. Она заворачивает меня пледом и отмеряет в ложку розовое лекарство.

– Давай, ты попробуешь выпить это, – говорит она.

Я проглатываю лекарство, но буквально через минуту мне опять становится плохо. Бабушка гладит меня по спине, пока я наклоняюсь над унитазом, потом помогает мне подняться, прополоскать рот.

– Похоже, придётся подождать, пока ты сможешь удержать что-нибудь в желудке, – говорит бабушка, – да ты вся

дрожишь. Приляг здесь, обопрись на ванну и постарайся дышать глубоко.

Я киваю головой и сажусь. На бабушке нет никакой косметики, и её короткие седые волосы взлохмачены на затылке. Мне она нравится такая гораздо больше, чем при дневном свете. У неё есть морщинки вокруг глаз и в уголках рта, и я впервые замечаю, как сильно её нос похож на папин. И на мой.

— Какую книжку ты сейчас читаешь? — спрашивает она, — что-то про время?

— «Излом времени», — удаётся мне прошептать.

— Хочешь, я принесу? Я могу почитать тебе вслух.

Я опять киваю.

Она возвращается из моей комнаты с немного странным выражением лица, но мне так плохо, что нет сил спросить её, что случилось. Она медленно опускается на пушистый коврик около раковины и открывает книгу.

— Где ты остановилась?

Мне слишком плохо, не могу ответить.

Тогда она начинает читать с самого начала.

— Ночь была тёмной и ветреной...

5 января 0001. Э. Т.

Я рассматриваю лес, который виднеется вдалеке. Я стою, опираясь на заборчик, огораживающий футбольное поле.

— Привет. — Я слышу мальчишеский голос, оборачиваюсь,

чтобы посмотреть, кто это.

Я видела его и раньше, в школе, но не знаю, как его зовут.

Он тоже семиклассник, но мы с ним не пересекаемся на занятиях. У него каштановые волосы, бледная кожа и веснушки.

– Привет, – говорю я в ответ.

Он протягивает руку, чтобы поздороваться.

– Я – Картер, а тебя ведь зовут Хиллари, да?

– Да, – говорю я, неловко пожимая его руку. Интересно, многие ли семиклассники пожимают друг другу руки, когда знакомятся на перемене?

– Кое-кто сказал, что нам стоит подружиться, – театрально-громким шёпотом говорит он.

Тут у меня щёлкнуло в голове, будто бы пазл сложился.

– Погоди, значит, ты – Картер Уэссон?

– Ну да. – И потом, понижая голос: – На самом деле меня зовут Алекс.

– Так звали моего папу! – говорю я. – А ещё так звали мужа Мими!

– А кто такая Мими?

– Она мой друг, – говорю я, – но я не знаю, где она сейчас. Вообще-то её зовут Мэри.

– Мэри Расселл?

– Не знаю. Она работала в библиотеке.

– Да, точно, это Мэри Расселл, – говорит Алекс, – я её знаю, она обычно приходит по воскресеньям. Она ещё поёт

в хоре.

— Погоди, куда она приходит по воскресеньям? — спрашиваю я.

Лицо Алекса внезапно принимает серьёзное выражение. Он оглядывается по сторонам, но поблизости от нас никого нет.

— Ну, ты же не... я имею в виду, ты же не расскажешь об этом? Батюшка сказал, что тебе можно доверять.

— Ты можешь мне доверять, — говорю я.

Алекс наклоняется ко мне.

— Тайная литургия, — шепчет он.

— Что? — шепчу я в ответ. — Ещё служат литургию? Люди ходят на службу?

Он кивает.

— Тебе тоже надо бы прийти. Если твои бабушка и дедушка разрешат. Ты можешь сказать им, что мы пригласили тебя к нам в гости пообщаться, посмотреть кино или ещё что-нибудь такое. — Он передаёт мне обрывок бумажки с номером телефона. У него просто ужасный почерк, как будто каракули четырёхлетнего ребёнка.

— Мне теперь можно писать эсэмэски, мне подарили телефон на Рождество, — говорит он.

— Классно, мне тоже, — говорю я, кладу бумажку в карман, — я спрошу у бабушки, можно ли. Во сколько лучше приехать?

— Примерно в 9:15, в воскресенье. На самом деле служба

начинается в 10. А мы выезжаем из дома обычно в 9:30.

– Хорошо.

– До встречи, – говорит Алекс и опять пожимает мне руку.

Он отходит, держа руки в карманах, возвращается к своим друзьям, которые как раз набирают команду для кикбола. Они смеются, один, играя, боксирует с Алексом.

Когда я возвращаюсь домой из школы, записываю его номер в телефон. Открываю сообщения, но не знаю, что написать. Я не хочу ничего писать о литургии, вдруг кто-нибудь прочтёт, больше мы ни о чём не разговаривали. Может быть, вообще не стоит писать? Даже не знаю. Да и нужно ли? В конце концов я просто отправляю ему смайлик и сразу же думаю, что зря я это сделала.

7 января 0001. Э. Т.

Воскресным утром я спускаюсь вниз, чтобы поесть что-нибудь и вижу, как бабушка выкладывает тесто для печенья на противень.

– Ух ты, печенье! – говорю я, стою рядом, смотрю, вдыхаю запах уже почти готового печенья, которое начинает подниматься в духовке. – Это на завтрак?

Бабушка обнимает меня.

– Нет, глупыш, я подумала, было бы неплохо принести немного печенья Уэссонам. Ты ведь рада, что едешь в гости и будешь там работать над проектом вместе с Картером?

На самом деле я очень нервничаю. И ещё мне стыдно, что

пришлось соврать бабушке. И даже зовут его не Картер. Но она выглядит такой счастливой, что я наконец-то подружилась с кем-то, иду в гости. Я никогда не встречаюсь с ребятами из школы.

– Ну, да, наверное, – говорю я, пытаюсь стащить немножко теста для печенья из миски, а бабушка шутя шлёт меня по руке.

– Иди, съешь что-нибудь полезное, – говорит она.

– Но печенье вкуснее.

– Посмотри-ка, там есть вафли или овсяные батончики.

– И чем это лучше печенья? – говорю я.

– Не стоит есть печенье на завтрак.

– А ты можешь сделать мне какой-нибудь домашний суп? – спрашиваю я. – Горячий суп сейчас – это было бы здорово.

– Да что же это такое? Хилли-Билли, сделай себе тост или что-нибудь в этом роде, – смеётся бабушка.

Я иду к шкафчикам, нахожу там упаковку вафель. Это последняя пачка. Я достаю вафлю из блестящей упаковки и заворачиваю её в салфетку.

– Пойду подумаю, что надеть, – говорю я бабушке.

Она занята: вынимает первую порцию печенья из духовки, не слышит меня. Похоже, она собирается напечь целую гору.

Я меряю всё самое лучшее, что у меня в гардеробе, пока не решаю окончательно, что пойду в голубом платье и сером свитере, которые мне подарили на Рождество. Странное

чувство: я собираюсь в храм на службу. Я уже почти надела свои чёрные туфли, когда вспоминаю, что они маловаты, а мне придётся долго стоять. Лучше надену сапоги.

— Выглядишь очень мило, — говорит бабушка, когда я спускаюсь из своей комнаты.

Дедушка слегка поворачивает голову, он сидит в своём кресле в гостиной.

— Очень симпатично, — говорит он, — возьми у бабушки немного косметики. Твой прыщик на подбородке будет совсем незаметен.

Он отворачивается, раскрывает газету.

— Ричард, — возмущённо говорит бабушка.

Вдруг я начинаю что-то чувствовать на подбородке. Точно, там есть маленький прыщик, который сильно болит, если к нему прикасаться. Я бегу в ванную.

Он маленький, но ярко-красный. И чем больше я смотрю на него, тем ярче он становится. Я немного выдавливаю его, теперь кожа вокруг него розовеет.

— Хиллари. — Бабушка появляется в дверях.

— У меня — прыщ, — говорю я и снова пытаюсь его выдавить.

— Он такой маленький, никто его даже и не заметит, — говорит бабушка.

— Но дедушка заметил, — говорю я и чувствую, как слёзы вот-вот брызнут у меня из глаз.

Из-за этого не стоит плакать. Из-за этого не стоит плакать.

— Я не думаю, что кто-то вообще его заметит, — говорит бабушка, — но, если тебе будет так спокойнее, ты можешь взять немного моего тонального крема. Он в тюбике, там, на раковине.

Я иду в бабушкину ванную и пытаюсь сделать что-то, чтобы прыщик стал не так заметен. Тональник убирает покраснение, но я по-прежнему вижу сам прыщик. И он болит, когда я к нему прикасаюсь. Я иду в свою комнату, надеваю коричневое пальто поверх платья и свитера, застёгиваю молнию.

— Она очень чувствительна, — доносится до меня бабушкин голос, когда я спускаюсь по лестнице.

— Ей надо научиться быть пожёстче.

— Это сложный возраст, Ричард...

Бабушка прекращает разговор, когда слышит мои шаги.

— Ты готова, Хилли-Билли?

— Да, наверное, — говорю я, глядя в пол.

— Ты думаешь, тебе нужно надеть пальто? Сегодня не очень холодно.

Я пожимаю плечами.

— Ну, как хочешь, — говорит бабушка, она берёт пакетик с печеньем, и мы идём к машине.

Дом Алекса находится в очень престижной части города. Мы добирались туда полчаса. Мы не сразу смогли найти нужный дом, потому что номера домов на почтовых ящиках написаны очень затейливо, их сложно понять. Наконец

мы находим большой белый дом с зелёными ставнями, и вот мальчик с каштановыми волосами и веснушками выходит на крыльцо и машет нам рукой.

– Это Картер? – спрашивает бабушка, останавливая машину перед домом.

– Да, – отвечаю я, – ого, у них такой большой дом!

– Да, хороший дом, – говорит бабушка, – я хочу расспросить об этой плетистой розе на шпалере. Я давно хочу посадить что-то такое, что будет цвести круглый год.

Она отстёгивает ремень и открывает машину.

– Тебе совсем необязательно заходить, – быстро говорю я.

А что, если они подумают, что бабушка православная?

Или вдруг у них висят на стене иконы?

– Я хочу поговорить с миссис Уэссон, – говорит бабушка, выходя из машины, – она была очень любезна, когда мы разговаривали с ней по телефону. И мне хочется познакомиться с Картером.

Я быстро выбираюсь из машины и иду по дорожке за бабушкой.

– Здравствуйте, миссис Мэфьюз, – говорит Алекс, когда бабушка подходит к крыльцу. Он широко улыбается и пожимает ей руку: – Я – Картер.

– Очень рада с тобой познакомиться, Картер, – говорит бабушка, – мы привезли с собой немного печенья. Да, Хиллари, сбегай, пожалуйста, принеси пакет из машины.

– Конечно, – говорю я.

– Так как вы познакомились с Хиллари? – спрашивает бабушка, пока я бегу за печеньем.

Я не слышу, что отвечает Картер, но что-то хорошее, потому что бабушка смеётся, когда я возвращаюсь.

Когда я поднимаюсь по ступенькам, открывается дверь и выходит миссис Уэссон. Она очень маленького роста, чуть выше меня, и она беременна. Это выглядит как-то странно, потому что она такая маленькая, а под платьем у неё как будто арбуз. Но она очень хорошенская, и у неё точно такие же веснушки, как у Картера.

– Вы, наверное, Хиллари и миссис Мэфьюз! – говорит она.

– Вы можете называть меня просто Глэдис, – говорит бабушка, – очень приятно с вами познакомиться!

Потом они говорят о том, что как это здорово, что мы с Картером подружились, и обо всяких других скучных вещах. Алекс корчит смешную рожицу. Я выпучиваю глаза и хохочу невпопад, в общем, выгляжу просто по-дураски.

– Хочешь посмотреть мою комнату? – спрашивает Алекс.

– Давай, – говорю я.

Он, сильно согнувшись, пролезает под маминой рукой и заходит в дом. Я следую за ним.

У них очень красивый дом. Блестящий деревянный пол и белые занавески, и много цветов, и запах, какой бывает у богатых людей. Я никак не могу понять, чем таким особенным у них пахнет. Может быть, – они все используют один и тот же кондиционер для белья? Мне хочется остановиться и всё

как следует разглядеть, но Алекс тянет меня сразу наверх, и мы поднимаемся по лестнице к двери с большим жёлтым указателем на ней. С таким, какие стоят вдоль дорог, около пешеходных переходов.

– Что это? – спрашиваю я, показывая на непонятный чёрный силуэт на указателе.

– А, это нарвал!

– Что?

– Нарвал, – говорит Алекс, – это нечто среднее между китом и единорогом. Очень крутое животное.

Он открывает передо мной дверь и отходит в сторону.

Комната Алекса совсем не похожа на то, что я уже увидела у них в доме. Во-первых, в ней дикий беспорядок. Одежда, книги, Лего и полупустые бутылки лимонада валяются везде на полу. Стены завешаны постерами, на которых людям подрисованы усы. У него двухъярусная кровать и подушки в форме кусочков пиццы. Нижняя часть кровати занавешена одеялом.

– Хочешь порисовать на моём потолке? – спрашивает он.

Я смеюсь.

– Что?

Потом я смотрю на потолок и вижу, что над кроватью он весь разрисован какими-то караульями.

– Круто! – говорю я, и мы забираемся по лестнице на второй этаж кровати.

Там у него – огромная упаковка фломастеров.

— Мне даже не верится, что тебе разрешают это делать! — говорю я, снимая колпачок с синего фломастера, и начинаю писать.

— Ну, да, — говорит Алекс и берёт коричневый фломастер, — просто мой папа собирается перекрашивать потолок, и он сказал, что я могу рисовать на нём всё, что хочу. А что ты там пишешь?

— Афро синий, — говорю я.

Он хохочет.

— Что?

— Афро синий, — повторяю я.

Он вертит головой, чтобы получше рассмотреть.

— И что это должно значить?

— Это моё настоящее имя, — говорю я, — Ефросинья. На всякий случай, если вдруг кто-нибудь посмотрит наверх.

Я рисую маленького синего человечка с причёской «афро». Прямо под словами.

— Классно, — говорит Алекс. Он лежит на спине и начинает рисовать гигантскую курицу.

Через несколько минут открывается дверь и входит миссис Уэссон.

— Нам пора выходить, ребята. Алекс! Какой жуткий беспорядок в твоей комнате! Я же просила тебя всё убрать к приходу Хиллари!

— А я убрал. Просто всё опять разбросалось, — говорит Алекс, — кстати, её на самом деле зовут Ефросинья.

– Приятно познакомиться, Ефросинья, – говорит она, – извини, что комната Алекса выглядит так, будто здесь прошёл ураган.

– Ничего страшного, – говорю я.

Алекс поднимает большой палец руки в знак одобрения.

– У неё в комнате, наверное, тоже беспорядок, да, Ефросинья?

– Ну, вообще-то она сейчас довольно чистая.

– У меня вообще-то дислексия, – говорит Алекс.

Я смеюсь, а мама Алекса говорит:

– Это не имеет никакого отношения к беспорядку в твоей комнате. Ладно, пойдёмте, а то мы опоздаем.

Мы быстро спускаемся по лестнице.

– Ты идёшь в джинсах? – я спрашиваю Алекса. У него дырки на коленках, и на футболке картинка из Майнкрафта.

– Да, на всякий случай, вдруг нас остановят для проверки, – полиция останавливает людей гораздо чаще по воскресеньям, так что мы всегда берём с собой еду и всё такое и говорим, что едем на пикник.

– Ох, лучше бы я не надевала платье.

Мистер Уэссон ждёт нас у входной двери с упаковкой из шести пластиковых бутылок подмышкой. Он очень высокий блондин с небольшой рыжеватой бородкой. Он быстро целует миссис Уэссон в губы, потом смотрит на часы.

– Нам пора. Мы ждём Дженин?

– Нет, она сегодня осталась ночевать у друзей, – говорит

миссис Уэссон.

- Джени – это твоя сестра? – спрашиваю я Алекса.
- Да, она перестала ходить на литургии, – говорит он.
- А-а-а… – Я даже не знаю, что сказать на это.

У Уэссонов зелёный минивэн с двумя рядами сидений для пассажиров. Мы с Алексом садимся позади его родителей, оставляя одно сиденье между нами свободным. Так, чтобы наши руки случайно не соприкоснулись или что-то в этом роде. Миссис Уэссон задаёт мне очень много вопросов, пока мы едем. О школе, о том, чем я люблю заниматься. Мне она очень нравится.

Дорога заняла примерно полчаса, но по ощущениям – гораздо больше. Мы выезжаем из города и едем от него всё дальше и дальше. Наконец сворачиваем на грунтовую дорогу, которая бесконечно петляет. Минивэн качается и подпрыгивает на всех ухабах. Меня начинает немного подташнивать, когда мы наконец выезжаем на поляну, где стоит трейлер и ещё пять или шесть машин. Мистер Уэссон паркуется позади них, и мы все выходим из машины.

Когда двери минивэна захлопываются, я слышу другой звук, от которого у меня бегут мурашки по спине. Звук, которого я не слышала почти год. Внутри трейлера звонят колокола. Православные колокола.

Грустные и радостные, сердитые и удивлённые одновременно. Как будто колокола знают обо всём, что случилось, и сейчас поют нам об этом.

— Мне надо бежать, найти стихарь и взять благословение, — говорит Алекс своему отцу.

Он быстро идёт к трейлеру через полянку, обходит его и заходит с обратной стороны. Мы, все оставшиеся, идём следом, правда, очень медленно. Я внезапно чувствую, что замёрзла, хотя на улице не так уж и холодно. Запахиваю пальто поплотнее. Я не могу поверить в то, что это происходит на самом деле. Что это место реально существует.

Мистер Уэссон поднимается по деревянным ступенькам и открывает дверь. Мы с миссис Уэссон входим за ним.

Меня словно ударяет волной. Густой, загадочно-восточный запах ладана. Жар от свечей и тепло от множества людей. Звон кадила. Люди в храме обернулись посмотреть, кто вошёл, и на какое-то мгновение я не могу отличить лица живых людей от лиц на иконах, висящих на стенах. Они сливаются в одну общую массу, словно плывут. Моя правая рука сама, почти без моего участия, поднимается ко лбу и рисует знамение креста.

Миссис Уэссон закрывает дверь и встаёт передо мной, рядом с мужем. Они трижды крестятся и кланяются в пояс. Они проходят, прикладываются к иконе, которая стоит на высоком аналое в центре храма. Я спешу сделать свои поклоны. Я очень давно этого не делала. Я, дрожа, целую икону в центре, прохожу немного вперёд, чтобы поцеловать большие иконы Христа и Богородицы. Через зазоры-просветы между большими иконами на солее я вижу священника и троих ал-

тарников, одетых в золотые одежды, передвигающихся в алтаре.

Я подхожу к родителям Алекса, они уже встали с правой стороны. Впервые за столько месяцев я в храме.

Священник появляется в центре, в пространстве между иконами. Я замечаю серебряную с чёрными нитями бороду, прежде чем он возвращается в алтарь. Это отец Иннокентий.

— Благословленно Царство Отца и Сына и Святого Духа... ныне и присно и во веки веков... — поёт он.

— Аминь, — отвечают ему голоса из угла трейлера.

— Миром Господу помолимся...

— Господи, помилуй...

Я бросаю быстрый взгляд в этот угол. Вижу четыре или пять человек в хоре. Я невольно всхлипываю, потому что вижу пару знакомых. Мими стоит с краю этой группы, внимательно смотрит в ноты, её лицо в тени из-за чёрного платка. Рядом с ней — загорелый молодой человек с короткой бородкой и голосом, который я узнаю мгновенно. Это Дэниел Лиакос, старший сын мистера Лиакоса. Я думала, что он где-то в Европе, в безопасности.

Мне придётся подождать окончания литургии, чтобы поговорить с Мими. Я нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу. Мне очень хочется подбежать к ней и крепко обнять. Может быть, она посмотрит в мою сторону, тогда я помашу ей рукой.

Мы все поём первую часть песнопений, не помню, как они

называются. Вообще-то должна бы помнить. Папа рассказывал нам с Кейт обо всех частях службы, что они значат, но, видимо, я слушала невнимательно. Это песнопение со словами «блаженны есте егда поносят вас» и «блаженны чистии сердцем». И ещё вот это, со словами «Воскресый из мертвых поющия Ти Алилуя», то, что я всегда пою очень громко, потому что хорошо знаю слова. И «Святый Боже» – молитва, которая кажется очень печальной, и мы все кланяемся три раза.

Всё кажется особенно таинственным и даже странным после такого долгого перерыва. Впервые я понимаю, что на самом деле не очень-то понимаю, что происходит. Мне всегда нравилась служба, но я никогда не задумывалась, откуда взялись все эти части литургии. И что такое «прокимен», например? Почему мы повторяем всё по нескольку раз?

Мои ноги начинают уставать. Я отвыкла стоять так подолгу. И я рада, что наступило время, когда отец Иннокентий о чём-то рассказывает, и мы можем немного посидеть и послушать. Он говорит о крещении Христа и о сошествии Святого Духа.

– Христос крещается, – говорит он.

– В водах Иорданских! – отвечают ему все.

И я тоже, хотя мне казалось, я совершенно это забыла.

Мы снова встаём, и хор поёт о херувимах, пока отец Иннокентий и мальчики-алтарники выходят из алтаря.

Литургия длится ещё долго, и мы все поём «Символ ве-

ры» и «Отче наш», и все выстраиваются в очередь на Причастие. Я не встаю, потому что не уверена, можно ли мне. Ведь я не постилась, не исповедовалась, не молилась и не ходила в церковь. Что, если я подойду к Чаще, а отец Иннокентий скажет перед всеми этими людьми, что мне нельзя причащаться. Лучше я постою в сторонке и спрошу его потом, как мне лучше поступить.

В самом конце службы мы поём «Многая лета» всем людям, у кого недавно был день рождения, и поём «Вечная память» всем тем, кто умер. Отец Иннокентий зачитывает много имён перед этой молитвой. Я слышу пять имён Алекс и два имени Николь и младенец Екатерина и думаю: может быть, это моя семья? И они поминали их всё это время?

Когда литургия заканчивается, мы все встаём в очередь приложиться к кресту и взять благословение у отца Иннокентия. Я немного волнуюсь, но он просто протягивает мне крест и говорит «Божие благословение», тем же самым тихим голосом, каким он сказал мне в лавке «с Рождеством». Пока я прикладываюсь к кресту – Мими уже исчезла, а Уэссоны уже готовы ехать домой. Батюшка ничего не сказал мне по поводу возвращения иконы святителя Николая и что мы с Алексом должны делать, раз уж мы подружились.

Я возвращаюсь домой ещё более растерянная.

9 января 0001. Э. Т.

Дедушка заказал пиццу на ужин. Это очень необычно, по-

тому что бабушка почти всегда готовит для нас ужин. Но сегодня вечером она, кажется, идёт в ресторан со своими по-другами или куда-то там еще. Так что сегодня только мы с дедушкой.

– Ну, как дела в школе? – спрашивает дедушка, открывая своё пиво.

– Нормально, – говорю я с полным ртом пиццы, – в пятницу хорошо написала словарный диктант.

– Молодец, – кивает головой дедушка, – а как там твоя математика поживает?

Я проглатываю один кусок пиццы и откусываю новый. Очень вкусно. Я не очень-то думаю, что и как я говорю.

– С математикой всё в порядке, мы сейчас просто повторяем темы, которые были до рождественских каникул. Думаю, что на следующей неделе, когда мы будем изучать новые темы, будет посложнее.

Дедушка усаживается в своё кресло поглубже и смотрит на меня прищурившись. Я не сразу понимаю, что что-то идёт не так. Он выглядит очень сердитым. Я кладу свой кусок пиццы на тарелку. Что я такого сделала? Мы только что болтали, и всё было нормально.

– Дедушка, – говорю я осторожно, – это всего лишь математика, я справлюсь…

– Ты всё ещё говоришь такие слова? – перебивает он меня.

– Какие? – Я что-то совсем запуталась.

– Твоя бабушка очень переживает за тебя, ты знаешь об

этом? – говорит дедушка. – Мы взяли тебя в дом и заботимся о тебе, когда твой отец всё испортил и фактически сам виноват, что его убили. И мы кормим тебя, и возим в школу, и к какому-то шикарному психологу, а ты болтаешь про всякое Рождество и споришь с этим психологом о Боге и Иисусе и еще неизвестно о чём. Чего тебе ещё надо?

Я не знаю, что сказать на это. Моё сердце громко стучит. Дедушка с грохотом ставит своё пиво на стол.

– Чего тебе ещё надо? – рычит он.

– Простите… – шепчу я.

– «Простите» тут не отделаешься! Ты хочешь, чтобы нас всех поубивали? Как твоих родителей? Ты думаешь, что всё позади?

– Нет, – говорю я каким-то скрипучим голосом.

– Хорошо, что ты понимаешь, что нет! – говорит дедушка. – Потому что если ты будешь продолжать болтать, нас всех арестуют или убьют, или ещё не знаю, что сделают. Хватит, Ефросинья!

– Что? – говорю я, и меня всю трясёт.

– Я говорю, хватит уже! – кричит дедушка.

– Но ты только что назвал меня Ефросиньей, – говорю я.

– Нет, – говорит он, – и вообще, никогда больше не вспоминай это имя.

– Но ты только что сам назвал меня так!

– Нет, не называл я тебя! – уже кричит дедушка вставая. Его стул с грохотом падает.

– Я требую уважения к себе!

Тут я начинаю злиться.

– Я не Хиллари! – громко говорю я. – И ты сам это знаешь, ты сам только что назвал меня Ефросиньей!

– Я сказал, я требую уважения! – орёт дедушка.

Он хватает меня за руку и выдёргивает меня с моего стула.

– Ай! – плачу я.

Он идёт наверх, волочит меня за собой, дёргает, когда я спотыкаюсь о ступени.

– Мне больно!

– Я учу тебя, как спасать свою жизнь! – говорит дедушка.

Он пинком открывает дверь в мою комнату и бросает меня на кровать.

Я сворачиваюсь в комочек, прижимаю руку. Смотрю на запястье, там, где была его рука, вся кожа – красная.

Он открывает мой рюкзак и вываливает все учебники и тетради на пол. Открывает все кармашки и выбрасывает оттуда ручки, карандаши, обёртки от жвачек. Потом он начинает выдвигать все ящики моего стола и выбрасывать все вещи оттуда.

– Нет! – кричу я, когда он хватается за ручку левого верхнего ящика.

Дедушка резко выдёргивает ящик, достаёт оттуда «Излом времени», отбрасывает книгу в сторону. Шарит рукой. Пронизносит ругательное слово.

В его руке оказываются две фигурки из вертепа. Младе-

нец Иисус и Богородица. Он бросает их на стол, протягивает руку и достаёт ангела с отбитым крылом.

— Я так и думал, что ты это сделаешь, — говорит он.

Я смотрю, как беспомощно лежат на моём столе маленькие человечки, и мне кажется, что весь мир рушится вокруг меня.

— Протяни руку, — говорит дедушка.

Я не двигаюсь. Я боюсь.

— Я сказал, протяни руку! — повторяет дедушка пугающим голосом.

Я протягиваю дрожащую руку.

Дедушка кладёт Младенца Иисуса в мою ладонь. Фарфор очень холодный. У Младенца закрыты глаза, как будто он сладко спит.

— Разбей, — говорит дедушка.

— Что?

— Я сказал, бей!

Я смотрю в лицо Младенца, потом на дедушкино.

— Это всего лишь кусок фарфора! — орёт дедушка. — Тебя больше беспокоит какая-то дурацкая игрушка, чем собственные бабушка и дедушка? Разбей, Хиллари! — Он хватает Богородицу с моего стола и бросает её в стену. Она разлетается на мелкие фарфоровые кусочки.

Я начинаю плакать. Но я не хочу разбивать Младенца Иисуса.

Дедушка пытается вырвать его у меня из рук. Я стараюсь

удержать фигурку, но он больно разжимает мои пальцы и выхватывает её. Я слышу, как она разбивается.

– Прекрати реветь! – говорит дедушка.

Я плачу ещё сильнее.

– Я сказал, прекрати, пора уже повзрослеть. Пора научиться, как выживать в этом мире!

Я реву и реву, смотрю на него, будто он внезапно превратился в какого-то монстра. Разве всё это происходит на самом деле?!

– Учись! – говорит дедушка, он хватает меня и трясёт за плечи. – Учись, Хиллари!

– Я не Хиллари! – кричу я в ответ.

Дедушка даёт мне пощёчину.

Это так больно, что в тот момент я даже перестаю плакать и только прижимаю ладонь к горящей щеке.

Дедушка тяжело дышит. Я даже не могу смотреть на него.

– Ты должна научиться, – тихо говорит он.

Он берёт ангела со стола и выходит из моей комнаты, потирая шею.

Глава пятая

10 января 0001. Э. Т.

Бабушка входит в мою комнату в 6:45, потому что я не выхожу из неё сама.

— Хиллари, вставай, — говорит она, — почему в твоей комнате такой беспорядок? Ты что, всю ночь спала при включённом свете?

— Да, — отвечаю я из-под одеяла.

Я просто совсем не хочу двигаться. Я хочу, чтобы все оставили меня в покое.

Я слышу, как бабушка ходит по комнате, открывает шторы. Она останавливается у стены, рядом с которой валяются осколки фарфоровой фигурки. Я жду, что она что-нибудь спросит, но она молчит. Она подходит и садится на край моей кровати. Может быть, она ждёт, что я заговорю первой. Но я не хочу говорить, я даже не хочу думать. Я просто прячусь под одеялом.

Наконец она гладит меня по руке. Я отдергиваю руку. Я думаю, что на ней видны синяки.

— Я сделаю кофе, — говорит она, — если хочешь, мы можем остановиться у Макдоналдса, и ты возмёшь завтрак с собой в школу.

— Хорошо, — говорю я.

Она встаёт.

– Бабушка?

– Да?

– Дедушка уже ушёл на работу?

– Да, он сегодня уехал очень рано, – говорит бабушка.

Я слышу, как она ещё некоторое время стоит и ждёт, что я скажу ещё что-нибудь. Потом я слышу её шаги по лестнице.

Я иду в ванную. Вижу малиновый синяк на руке и красное пятно на левой щеке. Я беру бабушкин тональный крем, намазываю его, чтобы моё лицо выглядело более-менее нормально. Надеваю водолазку с длинным рукавом, чтобы закрыть руку. Оказалось, что не так просто засунуть все мои тетради и учебники обратно в рюкзак.

Мы проезжаем мимо Макдоналдса по дороге в школу, там я беру макмаффин с яйцом. Поначалу мне показалось, что это хорошая идея, но только до тех пор, пока я не откусила его и не поняла, что в последний раз я ела макмаффин с мистером Лиакосом на Пасху. Я стараюсь доесть его, чтобы не огорчать бабушку, но меня немного подташнивает. Я рада, что могу наконец выйти из машины и пойти в школу, где никто не будет обращать на меня внимания.

Это обычная скучная среда. Миссис Линда раздаёт нам специальные школьные дневники. Она хочет, чтобы мы вели их до конца семестра и записывали туда всё, что посчитаем нужным. Она будет держать всё написанное в секрете. Я уже знаю, что это ложь, потому что она всё рассказывает доктору Сниду, так что я пишу там, как мне нравится моя новая

одежда, которую я получила в подарок на Зимние Праздники. И о том, как я хочу стать модельером, когда вырасту.

На самом деле я не знаю, кем я хочу стать, когда вырасту, но все остальные девочки в моём классе говорят о том, как они хотят стать модельерами и что их мамы говорят, какие они талантливые, так что мне кажется, что так врать вполне безопасно. Я рисую какие-то платья и туфли внизу каждой страницы, чтобы всё это выглядело более убедительно.

Я сижу на школьной площадке, на деревянном бортике, удерживающем камни для дорожек. Руки держу в карманах, грею. Я смотрю сквозь прутья забора на дальний лес, мысли мои блуждают, прыгают с одного предмета на другой...

– Эй, Ефросинья!

Я аж подпрыгнула.

Алекс плюхается рядом со мной.

– Ну, как дела? – говорит он.

Я оглядываюсь по сторонам: вдруг кто-то рядом.

– Не называй меня так, – шепчу я, – у нас могут быть проблемы.

– Я посмотрел, вокруг никого нет, – говорит Алекс.

– Просто не называй меня так здесь.

– О, кто-то в ворчливом настроении сегодня.

– Знаешь, это всё очень серьёзно, – говорю я, – тебе нужно быть осторожнее. Может быть, нам вообще не стоит разговаривать.

– Я знаю, что всё очень серьёзно, – говорит он, – но мы

всего лишь дети, никто не обращает на нас внимания.

– Ну уж нет, – говорю я, – они следят за мной. Иди, лучше дружи с кем-нибудь другим, а то они начнут следить и за тобой.

– Вообще-то мы с тобой должны дружить, ты помнишь? – говорит Алекс. – Это же нормально, что мы общаемся, а то как-то странно: в гости к нам ходишь, а в школе мы даже не разговариваем.

Я немного отодвигаюсь, мне не хочется, чтобы мы сидели слишком близко.

– Ладно, тогда постараися вести себя нормально и не называй меня этим именем здесь.

Алекс хохочет.

– Так это ты тут ведёшь себя ненормально! Просто расслабься. – И он слегка толкает меня в плечо.

– Ай, – говорю я.

– Да ладно, это не больно.

Я поглаживаю руку в том месте, где дедушка сжимал её, и чувствую, что готова заплакать.

– Просто отстань, я не очень-то хорошо себя чувствую.

– Ой, извини, – говорит Алекс, – тебе правда было больно? Извини, я не хотел…

Он действительно выглядит расстроенным. Теперь мне становится неловко, он ведь не хотел меня обидеть. И у меня катятся слёзы из глаз.

– Всё в порядке, – бормочу я, – мне просто хочется побывать

одной.

— Хорошо, — говорит Алекс, — извини, пожалуйста...

Он встаёт и переминается с ноги на ногу, как будто он не уверен, должен ли он обнять меня, или ещё раз извиниться, или сделать ещё что-нибудь. Я прикусываю губу и стараюсь не плакать.

Через какое-то время Алекс уходит, засунув руки в карманы и опустив голову. Я накидываю на голову капюшон и долго смотрю на лес.

11 января 0001. Э. Т.

— С возвращением, Хиллари, — говорит доктор Снайд.

Его волосы выглядят как обычно — густо покрыты гелем, плотно прилизаны. Он садится на стул и открывает мой файл.

— Мы с тобой не виделись довольно долго. Как ты себя чувствуешь, лучше?

— Наверное, — отвечаю я.

— Похоже, последняя пара недель в школе выдалась удачной? — продолжает спрашивать он. — Ничего необычного не произошло, пока мы не виделись?

Так. Мими исчезла. Бостон исчезла. Я познакомилась с Алексом и его родителями. Я впервые за несколько месяцев была на литургии. Мими нашлась. Дедушка нашёл мой секретный уголок, всё разбил, ударил меня.

— Не знаю, — отвечаю я.

Доктор Сnid кивает, но выглядит явно недовольным.

– Давай не будем начинать наше общения с этого «я не знаю». Если ты не хочешь о чём-либо разговаривать – так и скажи.

– Я не хочу об этом разговаривать.

– А почему?

– Просто...

– Ну, Хиллари, ты же можешь мне доверять. Мы так хорошо поговорили в прошлый раз. Мне показалось, что ты наконец-то открылась и поделилась со мной своими мыслями. И разве наш разговор не помог тебе наконец справиться с тревогами?

– Нет, – говорю я.

Он пристально смотрит на меня, брови его то поднимаются, то опускаются. Потом он закрывает мою папку и кладёт её на край стола. Он сильно наклоняется вперёд, так что его лицо почти касается моего.

– Но что-то всё-таки случилось, да? – спрашивает он тихим голосом.

Я ничего не отвечаю, просто смотрю ему в глаза.

– Кое-что всё-таки случилось, – говорит он, – а знаешь, как я узнал, Хиллари? Ты злишься.

Я по-прежнему молчу.

– Когда мы только начали общаться, ты была всё время напряжена. Ты боялась. Ты вела себя беспокойно, щёлкала костяшками пальцев и очень сильно стеснялась. – Он смот-

рит на меня не мигая.

Я чувствую, что мой левый глаз начинает чесаться, но понимаю, что если моргну – я проиграю.

– Знаешь, Хиллари, – говорит доктор Снайд, – сегодня ты совсем не щёлкала пальцами, ни разу. И ты не дрожишь. Ты не боишься, ты злишься.

Мне очень хочется хлопнуть в ладоши перед его лицом, чтобы он наконец моргнул.

– Ты поссорилась со своим новым другом? Как его зовут… Картер?

– Не ваше дело… – Я впервые позволяю себе грубоcть.

Доктор Снайд хохочет и хлопает ладонями по своим коленкам, как будто я сказала что-то смешное.

Мои руки сами собой сжимаются в кулаки. Теперь я выгляжу как обиженный маленький ребёнок. Наверное, я всё-таки неправильно сказала.

– Ты очень изменилась, Хиллари, – говорит доктор Снайд, всё ещё смеясь, – я под большим впечатлением, как сильно ты повзрослела. Ты стала гораздо более уверенной в себе, чем раньше.

– Я просто сказала грубоcть, – отвечаю я, – и вы этому так рады?

– Это один из признаков того, что ты взрослеешь, – говорит доктор Снайд, – и ты больше не боишься выражать свои эмоции.

– Нет. Это просто глупые, грубые слова, которые я не

должна была произносить.

- Ничего страшного, Хиллари.
- Нет, мне не стоит так говорить, я всего лишь ребёнок.
- Даже дети нуждаются в свободе выражения своих эмоций.

«Интересно, тогда почему вы всё время следите за моими словами и поступками?» – думаю я. И начинаю на самом деле сердиться, и я знаю, что если буду продолжать с ним разговаривать, точно могу проболтаться.

– Это естественно, использовать какие-то эмоциональные выражения, – продолжает доктор Снид.

Это даже хорошо, что он болтает, это даёт мне возможность помолчать.

– Ты можешь использовать любые слова и выражения, если от этого тебе становится легче.

У него какое-то странное выражение глаз. Как будто он хочет, чтобы я опять сказала какую-нибудь грубость. Как будто это будет означать, что он прав, что он победил.

До конца нашей встречи я не произношу ни слова. Сеанс заканчивается раньше обычного. Когда мы с бабушкой уходим, я чувствую, будто я испачкалась в грязи. Потому что доктор Снид прав: прежняя Хиллари, вернее Ефросинья, никогда не позволила бы себе ничего подобного.

12 января 0001. Э. Т.

Время 22:10. Мой телефон вибрирует.

Я уже почти уснула, так что вскакиваю от неожиданности. Достаю телефон из-под подушки. Экран светится, и я вижу сообщение с незнакомого номера. Я провожу пальцем по экрану, чтобы открыть сообщение.

«Ты дочитала “Излом времени”?»

Я смотрю на экран. Кроме бабушки и дедушки на свете есть ещё только один человек, который знает о том, что я читаю эту книгу.

«Да», – отправляю я ответ.

На экране появляются и исчезают точки – это она набирает мне сообщение.

«АУУУ!»

Я смеюсь, пишу в ответ:

«Если бы я могла...»

«И куда бы ты отправилась?»

«Хоть куда, лишь бы не быть здесь».

«Всё так плохо?» – и плачущий смайлик.

«Да».

Точки появляются, потом исчезают, появляются опять, но ещё раз исчезают. Видимо, она никак не может решить, что же написать.

«Я видела, как ты пела», – пишу я.

«Мне сказали, что ты была там! Я ужасно расстроилась, что мы не встретились! Но ты же ещё придёшь?»

«Думаю, что да».

«Хорошо».

«А где ты сейчас?»

Небольшая заминка.

«Мне не хотелось бы писать об этом».

«Ну, ладно, – да, в общем-то это логично, – как бы мне хотелось жить с тобой».

Ещё одна рыдающая рожица.

«Твои бабушка и дедушка кажутся хорошими людьми».

«Да, бабушка хорошая», – отвечаю я.

«А дедушка?»

«Он ударил меня, потому что нашёл кое-что».

Она первый человек, кому я об этом рассказала.

Точки появляются и исчезают несколько раз, прежде чем я получаю ответ.

«Такая новость очень меня расстроила. Мне хочется прямо сейчас приехать и забрать тебя. Ты в порядке?»

«В порядке», – пишу я, и моё сердце стучит как бешеное. Она права хочет приехать сейчас и забрать меня?

«Твои бабушка с дедушкой спят?»

«Не знаю. Минуточку».

Когда я открываю дверь из моей комнаты – слышу дедушкин храп. Они очень рано ложатся спать, рано для взрослых. Я пробираюсь обратно в кровать под тёплое одеяло.

«Да. Спят».

Мне кажется, сердце бьётся ещё сильнее.

«Напиши свой адрес».

Я пишу.

«Я приеду за тобой через час. Ты сможешь взять с собой тёплую одежду и тихо выйти из дома? Не разбуди никого».

«Да, хорошо».

«Ты знаешь, как стереть всю переписку?»

«Нет». И плачущая рожица.

Она присыпает мне инструкцию, как стереть переписку.

«Телефон нужно оставить в доме, иначе они смогут выследить нас».

«Хорошо».

«До встречи».

«Ок».

Я включаю фонарик на телефоне, выкладываю из рюкзака все учебники. С трудом запихиваю туда трусы, носки, две пары джинсов и две рубашки. Переодеваюсь: снимаю пижаму и надеваю последнюю пару джинсов, свитер и куртку. Нет больше места для обуви, так что я остаюсь в тех кроссовках, которые на мне. Собираю волосы в высокий хвост, потом стираю с телефона всё и оставляю его под подушкой.

Неужели всё происходит на самом деле? У меня внутри всё щекочет и подпрыгивает.

Дедушкин храп не затихает ни на минуту, пока я крадусь вниз по лестнице. Тишина. Часы на микроволновке тихо мигают зелёным светом. Мне не верится, что я убегаю. Я отпираю входную дверь и тихо выскользываю на улицу.

Там – холодная январская ночь. Я сажусь около мусорного бака, обхватываю руками коленки и жду. Большие мига-

ющие звёзды светят так же ярко, как и в ту ночь, когда был снегопад. Холод начинает пробираться через джинсы.

К тому времени как на нашу улицу выезжает белая машина, я уже начинаю засыпать. Несколько секунд я не могу понять: должна ли я бежать к машине, и продолжаю прятаться. Если это не Мими, то очень странно будет выглядеть ребёнок ночью, совершенно один на улице.

Машина замедляет движение и останавливается перед нашим домом. Я встаю, надеваю рюкзак, вижу, как на мгновение включается свет в машине. Это Мими.

13 января 0001. Э. Т.

В комнате холодно, несмотря на то что солнце ярко светит. Хорошо, что у меня есть парочка одеял, тёплых и толстых. Особенно то, что в ногах. Я подтягиваю колени к груди и из-под кровати слышу похрюкивание, почти такое, как сделал бы маленький поросёнок. Я приподнимаю лоскутное одеяло и вижу чёрно-белую собаку с приплюснутым носом и какой-то обиженной мордой.

– Ой, извини, – шепчу я.

Собака похрюкивает и подползает, чтобы облизнуть мне подбородок.

– Ну, хватит, – говорю я.

Пёс выглядит таким расстроенным, что я разрешаю какое-то время облизывать мне пальцы. Он по-прежнему искоса смотрит на меня, моргает, похрюкивает. Он выглядит

почти как поросёнок: поросячье тельце, поросячий нос, треугольные уши. И маленькие тонкие ножки.

— Ты какой-то странный, — говорю я ему.

Собака раскрывает пасть и улыбается мне. Совсем как в каком-нибудь мультике.

— Тебя надо было назвать Уолмарт, или Пабликс, или как-то так, — говорю я ему, — или какой-нибудь Хрюша.

Ищу глазами часы, но в комнате их нет. Стопки книг стоят вдоль стен, и только одна стена свободна, возле неё стоит кровать и маленькая тумбочка со свечами и книгой «Пока мы лиц не обрели». Когда я сажусь в кровати, то вижу, что Мими спит в спальном мешке на полу, под головой у неё диванная подушка. Она дышит медленно и глубоко.

Где это мы? Было совсем темно, когда мы приехали сюда. Я наклоняюсь немного вперёд, чтобы выглянуть в окно. Но всё, что я могу разглядеть, — ветви деревьев.

Дорога прошлой ночью казалась бесконечной. Кажется, я уснула. Смутно помню, как Мими трясёт меня за плечо и говорит, что мы уже приехали. И потом мы, спотыкаясь в темноте, идём к дому, и она долго ищет нужный ключ, чтобы открыть дверь.

До меня начинает медленно доходить, что я на самом деле сбежала. И никто, кроме Мими, не знает, где я. Интересно, бабушка волнуется? Будет ли она звонить в полицию? А что будет, если я не приду сегодня в школу? И что сделает доктор Снид?

Я обнимаю собаку-поросёнка для успокоения. И она крутится, похрюкивает и пытается лизнуть меня в лицо.

Мими пошевелилась. Собака это слышит, пытается вырваться из моих рук, чтобы спрыгнуть с кровати и облизать её.

– Ой, Уорт, хватит. Ты такой противный, – говорит она, вытирая его слюни с лица.

Я хихикаю.

– Уорт? – спрашиваю я.

Она что-то бормочет и трёт глаза.

Уорт слышит, что мы говорим о нём, и опять улыбается. Он садится и смотрит на нас, переводя взгляд с одной на другую. Если бы это был Хёрши, он бы стучал хвостом по полу. Но, кажется, у Уорта нет хвоста. Он радостно похрюкивает.

– Что это за звуки он издает? – спрашиваю я.

– У него проблемы с дыханием. Видишь, у него слишком приплюснутый нос, – говорит Мими.

– А, бедненький Уорт. – Я протягиваю к нему руки, и он тут же прыгает обратно ко мне на кровать, топчется по моим ногам, почти падает, одним словом, страшно счастлив.

– Мне надо его вывести погулять, – говорит Мими, расстёгивая молнию на спальном мешке.

На ней большая синяя футболка с надписью жёлтыми буквами «Spam», полосатые пижамные штаны и пушистые розовые носки. Впервые я замечаю, что она очень маленькая для взрослой женщины. Она чуть выше меня, а с распущен-

ными волосами выглядит ещё моложе. Волосы у неё едва до плеч и на концах сворачиваются колечками.

— Пойдём, Уорт, — говорит она, потягиваясь, — ты же хочешь прогуляться?

Уорт спрыгивает с кровати, тяжело приземляется и спешит к двери.

— Мы быстро, — говорит Мими.

Пока они гуляют, я выбираюсь из кровати и внимательнее осматриваю комнату. Для тепла сама себя обнимаю руками. Почти все книги, стоящие вдоль стен, — библиотечные, наверное, те, что она должна была выбросить. Здесь несколько экземпляров «Хроник Нарнии», Мадлен Л'Энгл, Макс Лукадо и кто-то по имени Джордж Макдоналд. Есть несколько книг для взрослых, «Мир как река», «Сила и слава», «Тайник». Неужели Мими прочитала все эти книги?

В углу комнаты — большая картонная коробка. Когда я в неё заглядываю — вижу кучу одежды. Наверное, у Мими нет шкафа.

Я выхожу из спальни в гостиную, соединённую с кухней, как раз в тот момент, когда Мими и Уорт входят в дом. Уорт бежит поздороваться со мной, как будто мы давно не виделись.

— Привет, Уорт, — говорю я, почёсывая ему спину, пока он крутится у меня под ногами и пытается облизать мне руки.

— Ой, Мими, а где здесь туалет?

— Из двери, сразу налево, — говорит Мими.

Когда я возвращаюсь, Мими стоит посреди кухни и заглядывает в стенной шкаф.

Я только сейчас понимаю, что тут нет холодильника.

– Туалет не смыает и раковина не работает, мне пришлось вытереть руки влажными салфетками.

– Ой, извини, я не предупредила тебя, здесь отключена вода, – говорит Мими, – и вообще, я пользуюсь туалетом на улице.

Я смотрю на неё.

– У тебя здесь нет воды?

– У меня есть питьевая вода, – говорит Мими и открывает шкаф под раковиной.

Она показывает мне ряды старых бутылок из-под молока.

– А как же ты моешься? – спрашиваю я.

– На улице есть бочка, она наполняется дождевой водой, её я переливаю в ванну.

– Но она же холодная!

– Ну да, я принимаю ванну очень быстро, – говорит Мими, скривив рожицу.

– А ты можешь подогреть воду на плите?

– Вообще-то электричества тут тоже нет.

– А почему?

– Здесь уже давно никто не живёт, – отвечает Мими. – Если кто-то включит электричество или воду, коммунальные службы сразу это заметят. Кроме всего прочего, я не могу сейчас пользоваться кредитной карточкой. Они сразу смогут

отследить платежи.

Я какое-то время просто стою с широко открытыми глазами, не знаю, что сказать. Я даже не могла представить себе ничего подобного. Я почему-то думала, что вода и электричество имеются в доме автоматически. То есть мы абсолютно отключены от всего? И нам нужно ходить в туалет на улицу?

Мими наклоняется над столом:

– Ты жалеешь, что приехала сюда?

Я сравниваю маленький холодный дом Мими и Уорта и бабушкин-дедушкин дом, где тепло и работают туалеты, но дедушка может меня ударить, и мне нужно ходить в школу, и нужно беседовать с доктором Снидом, и спать совершенно одной в комнате.

– Нет.

– Это хорошо, – говорит Мими, обхватывает себя за плечи и кажется очень похожей на меня, когда я устала или переживаю.

Не очень приятно видеть взрослого таким неуверенным в себе.

– Что ты хочешь на завтрак? – спрашивает Мими.

Я подхожу к ней и тоже заглядываю в шкаф. Тут всё, что не нужно хранить в холодильнике: баранки, хлеб, яблоки, печеные, арахисовая паста, мёд, банки с консервированными овощами, тунец, овсяные батончики, изюм, супы в банках, чернослив, бананы и сушёное мясо индейки. На самом деле мне хочется чего-нибудь вкусного и тёплого на завтрак, но я

не буду этого говорить, чтобы не обидеть её.

— А можно сделать сэндвич с арахисовой пастой и бананом? — спрашиваю я.

— Конечно, — говорит Мими, — в выдвижном ящике, рядом с раковиной — ножи и вилки; тарелки там, в шкафу, справа от тебя.

Мы делаем сэндвичи и идём завтракать в гостиную на ковре, потому что стола там тоже нет. Мими приносит два пледа из спальни, чтобы мы могли укрыться потеплее. Собака тоже пробирается ко мне, ложится рядом и храпит.

Мы обе немного притихшие. Наше бегство прошлой ночью казалось опасным, но интересным приключением. Теперь же, когда всё позади, я просто не знаю, что нам делать дальше.

— Как ты думаешь, мы сможем сами найти икону? — спрашиваю я с набитым арахисовой пастой ртом.

— Твою икону? — говорит Мими.

— Да, с которой произошло чудо, — говорю я. — Я спрашивала отца Иннокентия, сможет ли он мне помочь.

— Думаю, мы можем попробовать. Кстати, об отце Иннокентии, куда я дела свой телефон? Я написала ему вчера, что собираюсь тебя забрать.

Она встаёт, начинает искать телефон в своей сумочке. Когда телефон находится, она замирает на несколько минут, читая сообщения. Медленно возвращается и садится опять на ковёр. Лицо у неё испуганное, напряжённое, брови при-

ПОДНЯТЫ.

— Что-то случилось? Он ответил?

— Да, он едет сюда. Надо будет одеться и привести себя в порядок, как только закончим завтрак.

— Он едет сюда? — Это, должно быть, очень хорошо, почему же Мими выглядит такой встревоженной? — Он же не... не заставит меня вернуться?

— Не знаю, — говорит Мими, — похоже, я сделала ужасную глупость.

Она сидит и долго смотрит на кусочек сэндвича на тарелке.

Мне не совсем понятно, что она имеет в виду, но теперь я тоже начинаю волноваться. Я пытаюсь доесть свой завтрак, но липкую арахисовую пасту не так просто проглотить. Когда я заканчиваю, Мими собирает тарелки и ставит их на кухонный стол.

Мы одеваемся, причёсываемся, запираем Уорта, чтобы он не мешал и не приставал к отцу Иннокентию. Мими чистит зубы на улице, я выдавливаю немного зубной пасты на палец и пытаюсь хоть как-то почистить зубы. Я забыла взять свою зубную щётку. Хоть так моё дыхание будет посвежее.

Потом мы долго сидим на крыльце, смотрим на лес и грунтовую дорогу, ждём, когда приедет отец Иннокентий. Этот лес очень напоминает мне тот, в котором стоит трейлер отца Иннокентия, и лес, в котором я спрятала икону святителя Николая. Или лес, который виден со школьной игровой

площадки. Но может быть, мне все леса сейчас кажутся одинаковыми? Я вспоминаю об Алексе Уэссоне, о чём он будет думать, когда я не приду в школу.

Наконец золотистая машина появляется на дороге, покачиваясь, подъезжает к нам. Мими встаёт, я – тоже, и мы вместе смотрим, как она паркуется рядом со старенькой машиной Мими. Отец Иннокентий выходит из машины, и, к моему удивлению, с пассажирского места выходит Дэниел Лиакос. Мими идёт навстречу батюшке, наклоняется, касается правой рукой земли и держит ладони перед собой для благословения. Батюшка кладёт свою руку на её ладони – благословляет. Я стою на крыльце, не знаю, идти ли мне за ней, делать ли то же самое?

– Пойдёмте в дом, там поговорим, – говорит отец Иннокентий.

Непонятно, о чём именно он думает. Его рот скрыт бородой, глаза очень серьёзные.

– Извините, тут некуда сесть, – говорит Мими, когда мы входим в дом. – В соседней комнате есть кровать, может быть, удобнее будет там?

– Давайте, – говорит отец Иннокентий.

Взрослые идут в спальню, я – за ними. Отец Иннокентий садится на край кровати. Мне ужасно стыдно, я не заправила её как следует. Я, Мими и Дэниел садимся на пол. Я подтягиваю спальный мешок к себе, чтобы согреть ноги.

– Ну что, – говорит отец Иннокентий, – сейчас они, на-

верное, уже вызвали полицию. В ДРТ тоже уже сообщили. Каждый, с кем Ефросинья разговаривала или с кем её видели в последние несколько месяцев, будет допрошен. Я уже предупредил Уэссонов.

Мими, бледная, выглядит сейчас просто ужасно.

– Дедушка избил её, – говорит Мими, – простите, но мне просто захотелось забрать её оттуда.

Отец Иннокентий поворачивается ко мне.

– Он тебя избил? Как ты, в порядке?

– Я в порядке, – говорю я тоненьким голосом.

Это просто была пощёчина.

Мне не стоило никому говорить об этом, надо было просто потерпеть. Тогда Алекс и его семья не оказались бы в опасности.

– Точно? – спрашивает отец Иннокентий. – Может быть, тебя нужно показать доктору?

– Ничего серьёзного, мне не надо было никому рассказывать об этом, – говорю я, сильнее закутывая ноги в спальный мешок.

– Это очень серьёзно, – говорит отец Иннокентий, и, хотя он говорит совсем негромко, его голос звучит почти угрожающе, – это очень, очень серьёзно если кто-то причиняет боль ребёнку. Особенно если это ребёнок, о котором он должен заботиться.

Он замолкает, внимательно смотрит мне в глаза. И я не уверена: должна ли я что-то сказать или, наоборот, промол-

чать. Я просто киваю головой.

– Я рад, что дедушка тебе не сможет причинить вреда, но из-за поступка Мими ты, возможно, оказалась в ещё более опасной ситуации. Я надеялся, что ты сможешь спокойно пожить с бабушкой и дедушкой, пока не подрастёшь, под надзором, но оставаясь православной, и, возможно, нам удалось бы со временем найти твою икону. Теперь ты исчезла, и тот факт, что ты до сих пор не найдена, говорит им о том, что тебе помогает кто-то из взрослых. Если мы отправим тебя назад, к бабушке и дедушке, за тобой не просто будут следить, тебя заберут у них и постараются получить информацию о нас.

Я смотрю на Мими. Она пристально смотрит на стену и старается не расплакаться.

– Можно я тогда останусь с Мими?

– Этот дом может быть только временным убежищем, – говорит отец Иннокентий, – Мэри знает об этом. Это вопрос времени, пока никто ещё не прочёсывал этот лес или пока кто-нибудь не заметит, что отсюда регулярно выезжают машины.

Я щёлкаю костяшками пальцев и перевожу взгляд с Мими на Дэниела, который пока не проронил ни слова.

– Что же нам тогда делать? Мы можем уехать в другую страну?

– У нас нет паспортов, – говорит Мими, по-прежнему глядя в стену, – кроме того, они следят за границами.

– Почему они нас так ненавидят? – взрываюсь я. – И вообще, кто они? Почему они всё это делают? Почему они не оставляют людей в покое?

– Они называют себя «неоэмерсонитами», – говорит наконец Дэниел, – они стали популярны несколько лет назад, начиная с разговоров о свободе выбора и однополых браках, критиковали нетолерантность христиан. Они говорят, что на свете существует только один грех – осуждение. Конечно, сами они осуждают и преследуют христиан. Но именно христианство всегда было их целью, потому что христианство не потворствует порокам общества. И Православие в особенностях.

Я вспоминаю, как доктор Снайд говорил, что мой Бог – жестокий и что Он Бог ада, а сам он верит в то, что Бог на самом деле – это любовь и принятие всех в душе.

– Но как можно думать, что ты делаешь правильные вещи, причиняя боль другим? – спрашиваю я, вспоминая мужчину, застрелившего мистера Лиакоса на дороге.

– Один «мудрый» человек сказал: «Я не верю в Бога и потому ненавижу Его». Некоторые из них находятся в глубоком заблуждении и искренне считают, что поступают правильно. Я предполагаю, что многие из них встали в ряды неоэмersonизма, потому что там они видят поддержку и обоснование своей ненависти к Богу, которая уже была в них до этого. Они стараются уничтожить религию, которая идёт вразрез с их желанием делать всё, что им хочется.

Я прислоняюсь к Мими. Так много, о чём нужно подумать. Мими сжимает моё колено сквозь спальный мешок.

— А что же нам делать с Ефросиньей, батюшка? — спрашивает она.

Отец Иннокентий делает глубокий вдох.

— Если честно, пока и сам не знаю. У Дэниела есть какие-то контакты в Австрии, он предложил попробовать связаться с этими людьми. Если мы сможем вывезти вас обеих из страны, вы будете в безопасности.

— Нас обеих? — переспрашивает Мими.

— Вас обеих, — говорит отец Иннокентий, — ты ведь устроила настоящее театральное исчезновение из библиотеки. Я не думаю, что Департамент Религиозной Толерантности позволит этому пройти безнаказанно.

Мими выглядит смущённой.

— Ой... да...

— И потом, Ефросинья пока не может жить самостоятельно, кто-то должен присматривать за ней. — Отец Иннокентий встаёт. — Дэниел, ты говорил, что сможешь связаться с этими людьми сегодня, после обеда?

— Да, — говорит Дэниел, — но даже если они помогут, как нам быть с паспортами?

— Решим этот вопрос, когда придёт время.

Обычно взрослые говорят так, когда не знают, что им делать, и чем больше они над этим думают, тем больше переживают.

— Увидимся завтра на литургии, — говорит отец Иннокентий нам с Мими.

Мими встаёт, чтобы взять благословение, на этот раз я кланяюсь и тоже целую руку отцу Иннокентию. Я очень волнуюсь, а его руки холодные и чистые, пахнут мылом.

Когда отец Иннокентий и Дэниел уезжают, Мими выпускает Уорта, и мы какое-то время стоим на крыльце, смотрим, как он бегает вокруг нас, нюхает траву.

— Когда ты собираешься совершить какой-нибудь важный поступок, например выкрасть двенадцатилетнего ребёнка, сначала не забудь взять благословение, — говорит Мими, глядя куда-то вдаль.

14 января 0001. Э. Т.

На следующее утро Мими принимает ванну, потом наполняет её водой ещё раз, для меня. Когда я опускаю руку в воду — она кажется ледяной. Ни в коем случае я не смогу влезть в такую воду. Ну, разве что — на минутку. Я тупо смотрю на эту воду, потом решаю, что, пожалуй, я всё-таки смогу помыть голову. Я опускаю волосы в ванну, потом беру шампунь Мими. Приятно пахнет фруктами. Я смываю шампунь, потом протираю подмышки мокрым мыльным полотенцем, по крайней мере, я не буду пахнуть потом. Выпускаю воду из ванны. Я вся дрожу — волосы мокрые и холодные.

Когда я выхожу из ванны, вижу, что Мими сидит, укрывшись всеми пледами и одеялами.

- Что ты делаешь? – говорю я, стуча зубами.
- Так холодно! – слышу я её голос из-под одеял.
- Да, ужасно, – говорю я и тоже забираюсь к ней под одеяла.

На ней длинная юбка и пиджак, но её руки по-прежнему ледяные. Мы прижимаемся друг к другу, чтобы согреться. Это очень необычно для меня, я не люблю прикасаться к людям, кроме тех исключительных случаев, когда я умираю от холода.

- Нам нужно в храм, – шепчет Мими минут через десять, как раз когда мы наконец начали согреваться.
- Холодно же, – говорю я.
- Нам всё равно надо идти в храм.
- Но мы можем замёрзнуть до смерти.
- Мы в Алабаме.
- Ну и что.
- В храме работают обогреватели, есть туалет и иногда бывает горячий кофе.
- Пошли.

Оказывается, от дома Мими до храма можно дойти пешком. Мы прошли по гравию через дорогу, повернули направо на тропинку, идущую сквозь лес. Спустя несколько минут ходьбы моё тело начинает согреваться, но лицо всё ещё ледяное, и уши щиплет от холода. Иду и мечтаю о таком же тёплом платке, как у Мими.

Тропинка петляет между деревьями. В некоторых местах

она совсем заросла, и нам приходится раздвигать ветки, чтобы пройти. Листья похрустывают под ногами. Примерно через двадцать минут мы выходим на поляну с трейлером. Рядом стоят несколько машин. Мы с Мими поднимаемся по лесенке и входим в храм.

В лицо ударяет волна тепла от свечей и обогревателей. Я вдыхаю запах ладана и чувствую, как по спине бегут мурashки. В этот раз здесь не так много людей. Я не вижу Уэссонов и чувствую, что это моя вина: из-за моего побега они оказались в опасности. Вижу несколько семей и просто взрослых, которые стоят сами по себе. Отец Иннокентий в алтаре, за тонкой панелью с иконами. Мы прикладываемся к иконе Крещения Господня, она лежит в центре храма, на аналое. Потом я прикладываюсь к иконам Спасителя и Богородицы. Когда я целую икону Богородицы, звонят колокола – начинается служба.

– Ты хочешь стоять со мной и петь в хоре? – шепчет Мими.

Я отрицательно качаю головой. Вообще-то я пою довольно хорошо, но начинаю нервничать, когда на меня смотрят посторонние. И я уже очень давно не пела на службе, я боюсь, что не помню всех слов.

Мы быстро отходим в сторону, чтобы не мешать отцу Иннокентию, который как раз идёт с кадилом.

– Точно? – спрашивает Мими. – Хочешь, я буду стоять рядом с тобой?

Я опять качаю головой. Мими выглядит встревоженной.

– Ну, ладно, – шепчет она, сжимая мою руку, – если я понадоблюсь, я здесь, ты знаешь. – Она наклоняет голову и крестится, проходит на клирос и занимает своё место, рядом с Дэниелом и другими певчими.

Я вижу семью с маленькими детьми и встаю рядом с ними.

– Миром Господу помолимся, – поёт батюшка.

– Господи, помилуй, – отвечает ему хор.

– О мире всего мира, благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех Господу помолимся…

– Господи, помилуй…

– О святом храме сем, и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в онь…

– Господи, помилуй…

Так много «Господи, помилуй» о моряках, о путешествующих, о воинах, о больных, даже о президенте. Я начинаю отвлекаться. Хор очень маленький, но голоса поют так слаженно, что кажется – поёт гораздо больше людей. Звук такой мощный, что я начинаю оглядываться: может быть, поют все в храме? Некоторые поют. Некоторые просто стоят. Я понимаю, что мои губы двигаются, и я потихоньку пою, сама не сознавая этого.

Передо мной – маленький мальчик, он сидит на блестящих кожаных ботинках своего отца. У мальчика светлые волосы, карие глаза, и он играет с ремешками своих сандалий. Он замечает, что я смотрю на него, и прячется за папину

штанину. Я стараюсь сосредоточиться на службе. Я вспоминаю, как папа брал меня на руки, когда я уставала стоять. До того, как появилась Кейт. Тогда младенцем была я.

Хор звучит очень красиво. Красивее, чем когда-либо, красивее, чем в храме Иоанна Богослова, когда певчих было много и пела вся семья мистера Лиакоса. Когда мы поём «Святый Боже», мне кажется, я улавливаю гармонию, которую никогда не слышала раньше.

Я смотрю на Мими, но она и остальные певчие только следят за руками регента – Дэниела.

И тут я замечаю ещё одного священника в алтаре и не могу понять, был ли он там с самого начала или я просто его раньше не заметила? Он помогает отцу Иннокентию как дьякон или как алтарник, но он кажется выше и выглядит каким-то... другим. Как будто он ярче. Мне хочется рассмотреть его лицо. Он одет в красное облачение, не в золотое. И у него белая накидка с синими крестами на плечах.

Я оглядываюсь по сторонам: может быть, кто-то тоже удивляется, увидев его?

Маленький мальчик со светлыми волосами смотрит на священника, широко открыв глаза. И маленький малыш на руках у мамы тоже внимательно смотрит. Две маленькие девочки показывают на него и что-то шепчут друг другу. Но, кажется, никто из взрослых не замечает ничего необычного.

Теперь, когда я оглядываюсь, я начинаю замечать странных людей в храме. Людей стало намного больше, чем в на-

чале службы. Очень странно. Я не вижу их, когда смотрю прямо, только краем глаза замечаю какую-то вспышку цвета или вижу лица. Из них две девочки, примерно моего возраста, стоят почти не двигаясь, так что я могу рассмотреть их. Одна девочка лет тринадцати с такими длинными волосами, каких я никогда не видела раньше. Они такие длинные, что лежат у неё на плечах, спускаются по спине и тёмными кольцами ложатся на пол. Рядом с ней девочка чуть постарше, на голове у неё покров, а в руках крест, сделанный из листьев.

Я что, схожу с ума? Их больше никто кроме меня не видит?

Нет, светловолосый мальчик тянет к ним руки и трогает пряди волос на полу. Длинноволосая девочка смотрит на него и улыбается. Его родители ничего не замечают. Когда девочка поднимает голову, наши глаза встречаются, она улыбается ещё шире. Она слегка кивает мне головой.

Я стесняюсь, но тоже киваю в ответ. Она какая-то другая, такая же, как и тот священник в алтаре, помогающий отцу Иннокентию. Когда я смотрю на неё, всё вокруг начинает выглядеть более бледным и серым, кроме девочки рядом с ней, держащей крест из листьев. Они обе – самые яркие в храме, хотя их платья – коричневые.

Малыш на руках у мамы гулит и тянет руки к длинноволосой девочке. Мама покачивает малыша и гладит его по спинке.

Священники и алтарники выходят из алтаря для чтения

Евангелия. Неожиданно для себя я оказываюсь прямо позади незнакомого священника. От него сильно пахнет ладаном и чем-то ещё... ёлочкой? Я смотрю на его красные одежды. И чем дольше я смотрю, тем яснее понимаю, что знаю его.

Отец Иннокентий читает Евангелие.

– Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе! – поют все.

Все предметы вокруг меня становятся всё бледнее и бледнее. Всё, кроме икон и незнакомцев. Как будто я вижу их ещё более отчётливо. И, кажется, людей становится всё больше. Все они разных возрастов, некоторые молодые, другие пожилые, их лица светятся. На некоторых надеты короны, многие держат в руках кресты. Некоторые одеты в ветхие одежды, но они так прекрасны, что даже в ветоши они выглядят красивыми.

Они видят меня? Я смотрю на свои руки, они бледные и серые, по сравнению с этими незнакомцами.

Словно издалека я слышу голос отца Иннокентия: он читает проповедь. Чувствую чью-то руку у себя на плече. Оглядываюсь и вижу высокого мужчину с кротким лицом, взлохмаченными волосами и бородой. Он ничего не говорит, только улыбается и нажимает мне на кончик носа, так же как это делал папа. Он достаёт что-то круглое из кармана своего чистого белого фартука и вкладывает мне в руку. Я разжимаю пальцы и смотрю, что это. Яблоко. Жёлто-красное, такое же яркое, как все эти люди. Я хочу откусить от яблока кусочек, но мужчина качает головой и указывает пальцем на алтарь.

Отец Иннокентий обращается ко всем, но его голос неясный и звучит как размытое эхо. Рядом с ним стоит другой священник, высокий и яркий. Я внезапно вспоминаю мой сон с великаном в деревне, тот самый сон, благодаря которому я познакомилась с отцом Иннокентием и попала в этот храм. Высокий священник поворачивается ко мне, и я наконец могу рассмотреть его лицо.

Это он. На его груди нет крови, но я знаю: это он. Длинноволосая девочка и девочка с крестом из листьев берут меня за руки. Мужчина, который дал мне яблоко, целует меня в лоб, и мы выходим из храма.

Я – будто во сне. Но всё вокруг совершенно реально. Холодный январский воздух пощипывает мои щёки, листья шуршат под ногами, и я чувствую запах ладана вокруг. Ветер раздувает волосы одной девочки, и крест из листьев трепещет в руках другой. Им не страшно. Даже когда мы выходим ненадолго из леса и пересекаем небольшую дорогу, они не смотрят по сторонам: нет ли машин. Они просто идут, почти беззвучно. Когда мы доходим до середины дороги, они останавливаются и смотрят на тёмное пятно. Я тоже его вижу.

Тёмное пятно. Я не знаю, действительно ли оно есть или я вижу его потому, что девочки держат меня за руки. Я оглядываюсь по сторонам и понимаю, что теперь я точно знаю, где я нахожусь. Это то самое место, где был убит мистер Лиакос.

Теперь я веду их. Мы переходим дорогу и входим в лес.

На деревьях нет листьев, всё выглядит бесцветным, я вспоминаю молодые зелёные листочки и золотистое пасхальное солнце. Я, босая, бегу, прижимая к себе икону. Бегу туда, прямо на вершину холма. А потом спускаюсь вниз. Прямо к тому месту, где в меня стреляли, к ручью, где я провела несколько ужасных дней. То, о чём я так старалась забыть. Наконец я подхожу к упавшему дубу с дуплом.

Девочки отпускают меня, и я иду вперёд. Я опускаю руки в дупло, мои пальцы нащупывают гладкую поверхность иконы. Я медленно вынимаю её. Дерево бережно укрывало её от дождя. Засохшее пятно крови по-прежнему видно. Я поворачиваю икону и вижу надпись, сделанную маминой рукой. Это всё, что у меня осталось от неё.

— Спасибо, — говорю я, оглянувшись на девочек.

Но я в лесу одна.

Никого. Ни одного звука вокруг, только где-то вдалеке карканье вороны. Цвет неба и деревьев кажутся обычными. Мои руки не выглядят больше серыми. А кровь всё ещё видна на иконе. Глаза святителя Николая внимательно смотрят на меня.

Где я? Позади меня дорога, я это знаю, но как вернуться в храм? Мы шли по тропинке или просто через лес? Я не помню. И мне холодно. Я опять вспоминаю тёплый платок Мими.

Я держу икону перед собой, стараюсь не прикасаться к крови. Поднимаюсь на холм, чтобы вернуться к дороге. Это

место выглядит совсем иначе, чем оно мне запомнилось.

Я поднимаюсь на вершину холма, позади остаётся крошечная тропинка между деревьями. Я смотрю на землю, шум листвьев у меня под ногами такой сильный, что я не слышу шума подъезжающей машины, ровно до того момента, когда она останавливается прямо передо мной. От неожиданности я отпрыгиваю назад.

Это чёрный седан с маячками наверху, но без опознавательных знаков. Пассажирская дверь открывается и оттуда выходит доктор Снайд.

– Здравствуй, Хиллари, я так и думал, что найду тебя здесь.

Глава шестая

14 января 0001. Э. Т. 12:33

На заднем сиденье в машине пахнет сигаретами и потом. Я сижу на ободранном кожаном сиденье, щёлкаю костяшками пальцев и пристально разглядываю рисунок нитей на моих джинсах. Доктор Снайд и водитель – на передних сиденьях, от меня их отделяет стеклянная перегородка. Доктор забрал у меня икону и сейчас рассматривает её.

Я думала, что мне будут задавать кучу вопросов, но пока доктор Снайд только поздоровался со мной, как будто я, как обычно, пришла в его клинику. Он посадил меня в машину. Наверное, я могла бы убежать. Может быть, мне стоило убежать. Но если бы они отправились прочёсывать лес, они могли найти трейлер. Или домик, в котором прячется Мими.

Я размышляю о том, что подумает Мими, когда обнаружит моё исчезновение. Я представляю себе, как она расспрашивает всех, кто меня видел, возможно, зовёт меня, потом одна возвращается в свой дом, не зная, что случилось со мной. Мои глаза наполняются слезами, и я сжимаю кулаки так сильно, что мне становится больно.

Отец Иннокентий говорил, что меня будут спрашивать, где я была и кто мне помогал. Я ничего никому не скажу. Никогда. Ничего.

Поверят ли в это батюшка, и Мими, и Дэниел? Переве-

зут ли они церковь в другое место? Придётся ли им теперь скрываться?

Заднее сиденье в машине такое гадкое и вонючее, и я – совершенно одна. Сейчас даже сложно поверить в то, какими реальными и яркими были девочки и святитель Николай и тот человек, который дал мне яблоко.

Яблоко. Я опускаю руку в карман и нашупываю что-то плотное и круглое. Доктор Снайд и водитель не обращают на меня никакого внимания. Я достаю яблоко, красные и жёлтые пятна на его кожице такие же яркие, какими я их помню. Я откусываю маленький кусочек. Это самое вкусное яблоко, которое я когда-либо пробовала, и сладкое и одновременно с кислинкой. Я жую, медленно проглатываю и как будто чувствую себя чуть смелее. Я кладу яблоко в карман – на потом.

Мы долго едем. Въезжаем в город, проезжаем мимо Макдоналдса, где мы в последний раз завтракали с мистером Лиакосом. Проезжаем район за районом, мимо торгового центра, мимо поворота к дому бабушки и дедушки, мимо библиотеки и школы, через центр города, мимо книжной лавки отца Иннокентия, мимо улицы, где находится клиника доктора Снайда. Доезжаем до изогнутого здания из стекла, с небольшим прудом и утками перед ним. На дороге – огромная металлическая табличка с надписью «Департамент Религиозной Тolerантности».

Водитель объезжает здание, и доктор Снайд заводит меня в маленькую коричневую дверь. Я стою, мои колени дрожат.

Он набирает код, чтобы открыть дверь. Наверное, я могла бы убежать.

Он заводит меня внутрь. Голые коридоры с белыми кафельными полами и белыми стенами, флуоресцентный свет ламп. Пахнет как в больнице, что пугает меня ещё больше. Все двери вдоль коридора глухие, без окошечек и все заперты. На каждой есть номер, но нет табличек, объясняющих, что там внутри.

Мы поднимаемся на третий этаж на лифте и опять идём по коридору, который выглядит точно так же, как и предыдущий. Доктор Сnid несёт икону подмышкой, я хочу сказать ему, чтобы он обращался с ней поаккуратнее, но боюсь, что, как только я скажу что-нибудь, он начнёт задавать вопросы. Поэтому я просто иду с ним по бесконечному коридору. Мы поворачиваем за угол и входим в дверь под номером 338. Он открывает дверь и кивком головы приглашает меня войти.

Ого! Стены здесь нежно-розовые, голубые и светло-зелёные с изображениями детей, и радуги, и школьных автобусов. Картинки – самые ужасные, мультишные, дети с пугающе раздутыми пальцами, большими головами с отсутствующими носами. Все дети одеты по-разному: кто-то одет как хиппи, с надписями «Peace», другие – в футболки с красной надписью «As», у нескольких детей на шее – цепочки с пятиконечной звездой. Над всем этим – большая надпись круглыми, как сосиски, оранжевыми буквами: «Детский отдел». Прямо под надписью – окошко, как в регистратуре стомато-

логической клиники. Здесь слишком тепло и пахнет лекарствами.

Доктор Снайд подталкивает меня вперёд, к окошку. На стульях у стены – ещё несколько посетителей. В основном явно нервничающие взрослые. И я чувствую, как они рассматривают нас.

– Это Хиллари Мэфьюз, – говорит доктор Снайд, – нам необходимо увидеть доктора Уилкотта, это срочно.

– Хорошо, – с улыбкой говорит девушка в окошке.

Она выглядит чуть старше Мими, у неё мальчиковая, короткая стрижка и фиолетовая чёлка. У неё на шее такая же звезда, как у детей на картинке. Она печатает что-то в компьютере и улыбается.

– Он подойдёт к вам через минуту.

Доктор Снайд подводит меня к стулу, жестом приглашает сесть, садится рядом сам. Никто не предлагает мне воды или сходить в туалет. Сама я боюсь спрашивать.

Женщина, сидящая рядом со мной, беременна. Она прикрывает живот одной рукой и испуганно смотрит на меня. Я думаю, что, возможно, она дожидается старшего ребёнка, который сейчас на приёме у доктора.

Довольно скоро одна из дверей открывается, оттуда выходит мужчина в костюме.

– Хиллари, – говорит он.

Это тот самый человек из библиотеки – розовая кожа, белые волосы, дорогой костюм. Тот самый, который забрал из

школы Бостон.

– Пойдём, – говорит доктор Снайд, вставая.

Мужчина из библиотеки заводит нас в кабинет, в котором стоят стол и три стула. В кабинете нет ничего, но одна стена – зеркальная. Здесь нет никаких радостных цветов или весёлых картинок на стенах. Просто белые стены, белый кафель на полу. Доктора садятся на стулья с одной стороны стола, а я одна вынуждена сесть с другой, напротив них. Доктор Снайд кладёт перед собой икону, прямо посередине стола, так что святитель Николай смотрит в слепящие лампы.

Никто ничего не произносит. Они просто рассматривают меня и чего-то ждут. Это очень страшно, сидеть так долго перед двумя взрослыми мужчинами в полной тишине.

– Вы сообщили моим бабушке и дедушке? – наконец спрашиваю я.

– Им сообщат, – говорит доктор Снайд.

Опять тишина. Я знаю, они хотят заставить меня нервничать. Но это как игра, кто кого переглядит. Мы недавно играли в неё с доктором Снидом. И я выиграла. Я могу сидеть здесь сколько угодно и молчать. Смотрите, сколько хотите. Мне, конечно, нужно в туалет, так что рано или поздно я, наверное, опишуся, но я всё равно ничего не скажу.

Доктор Уилкотт прерывает молчание.

– Тут что, кровь на этой штуке? – внезапно говорит он, глядя на икону.

– Мы нашли её в таком виде, – говорит доктор Снайд.

Доктор Уилкотт берёт икону, переворачивает.

– Её матери?

– Похоже на то. Хиллари приложила много усилий, чтобы вернуть её.

Доктор Уилкотт кивает.

– Скажи, Хиллари, кто тут, на этой картинке?

Я сомневаюсь, стоит ли мне отвечать, но потом думаю, что не открою никакой тайны.

– Святитель Николай, – говорю я наконец.

– Это как Санта-Клаус? – спрашивает доктор Уилкотт.

– Ну, да, – говорю я.

– Вообще-то совсем не похож на Санта-Клауса, – говорит доктор Уилкотт, – по крайней мере, здесь он не очень весёлый.

Он поворачивает икону ко мне, и я вижу печальные глаза и строгий рот святителя Николая.

Я ничего не отвечаю, просто пожимаю плечами. Санта не выглядит толстым и глупым? Не вижу в этом ничего плохого.

– Я думал, что христиане не поклоняются таким вещам, – говорит доктор Уилкотт, – разве такие изображения – не вид идолопоклонства?

Я думаю: «Ну, это же как фотография друга. При чём тут идол?» Но если я сейчас буду вступать с ними в разговор, то могу сказать лишнее. Поэтому я просто говорю:

– Не знаю.

– А вот и наша старая добрая Хиллари появилась, умеет

она закрыться, – говорит доктор Снайд, посмеиваясь.

Он наклоняется вперёд, кладёт руки на стол. Я заставляю себя смотреть на него. Вижу все красные точки у него на носу и каждую прилизанную волосину.

– Но теперь это не мой кабинет, правила игры поменялись, – тихо говорит он, – думаю, ты это понимаешь, Хиллари. Мне показалось, ты начала осознавать, что вся эта христианская ложь приводит к жестокости. Но, похоже, ты сделала свой выбор. И я должен спросить: кто помог тебе вернуть твою икону?

– Никто, – говорю я.

– Ты сама пешком дошла от дедушкиного дома до леса? – спрашивает доктор Уилкотт. – Туда дорога на машине занимает не менее часа.

– Это Уэссоны, Картер и его семейство? – спрашивает доктор Снайд.

– Нет, – говорю я.

Несколько долгих минут мы сидим в тишине. Доктор Снайд смотрит на меня, как будто он решает, как со мной поступить.

– Ты поняла уже, Хиллари, правила поменялись. Мы не в школе, и это больше не игра. И здесь тебя ждёт серьёзное наказание за ложь.

– Я хочу домой, – говорю я дрожа.

Доктор Снайд не обращает внимания на мои слова. Он встаёт, опять берёт икону подмышку.

— Она моя, — говорю я.

Доктор Уилкотт тоже встаёт. Он поправляет свой дорогой костюм, смотрит на часы.

— Ваши рекомендации, — спрашивает он доктора Снида.

— На ваше усмотрение, всё, что вы посчитаете наилучшим для неё, — доктор Сnid смотрит на меня, — возможно подойдут радикальные меры. Она очень упрямая.

— Класс переполнен, — говорит доктор Уилкотт, — хотя завтра мы сможем его «проредить». На сегодняшнюю ночь мы поместим её в камеру номер 14.

Доктор Сnid кивает.

— До завтра, Хиллари, — говорит он и уходит.

Теперь в комнате остаёмся только мы с доктором Уилкоттом.

И это всё? Больше никаких вопросов?

— Пошли, — говорит доктор Уилкотт, опять глядя на свои часы.

Наверное, я могла бы сопротивляться, но он гораздо сильнее меня. Поэтому я просто встаю и иду за ним. Мы опять проходим несколько одинаковых коридоров, наконец оказываемся около металлической двери с кодовым замком. Он набирает код, мы проходим за дверь.

Внутри полная темнота.

— Каждый раз забываю, — сам себе под нос бормочет доктор Уилкотт.

Он протягивает руку назад, через дверь и нажимает на вы-

ключатель. Свет заливает огромную комнату, и я слышу, что там кто-то плачет.

Комната большая, размером с магазин, но разделена на маленькие стеклянные отсеки, похоже на офисное пространство. Почти во всех – дети, примерно моего возраста, некоторые лежат, свернувшись, на полу, прикрывают глаза ладонями. Я думаю о том, как давно они здесь без света.

Доктор Уилкотт берёт меня за плечо и подталкивает вперёд, мимо нескольких отсеков, прямо к пустому, под номером 14. Я немного замешкалась, когда он открывал дверь, он с раздражением вталкивает меня внутрь.

– Подождите, – говорю я, – мне нужно сходить в туалет.

Но он уже захлопнул дверь, говорит что-то, что уже не слышно через стекло, указывает в угол камеры. Я вижу небольшую дырку, вырезанную в полу. Туалетной бумаги нет. Когда я опять поворачиваюсь к нему – он уже у выхода.

– Эй! – кричу я и стучу кулаками по стеклу. – Эй, вернитесь!

Он либо не слышит, либо не обращает на меня внимания. Выходит за металлическую дверь. Свет гаснет.

15 января 0001. Э. Т.

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть вы-

ну...

*...и победиши внемда судити Ти. Се бо, в беззакониих за-
чат есмь, и во грехах роди мя матери моя. Се бо, истину воз-
любил еси; бывшестная и тайная премудрости Твоей явил ми
еси. Окропиши мя иссопом, и очищуся; омыши мя, и паче
снега убелюся. Слуху моему даси радость и веселье...*

Мои мысли путаются, и я просыпаюсь от холода. Я лежу на полу. Какие-то части псалма я совсем не могу вспомнить, в каких-то, видимо, ошибаюсь. Я словно слышу голос папы, когда он читает утренние молитвы – как давно это было. Раньше я знала весь псалом наизусть.

Чувствую боль в боку. Переворачиваюсь, шарю руками в темноте. Мои пальцы нащупывают что-то твёрдое и круглое. Яблоко!

Я ничего не ела и не пила с тех пор, как мы завтракали в доме Мими – бутербродом с арахисовой пастой. И я даже не знаю, было ли это сегодня или вчера, но мой желудок болит от голода, рот совершенно сухой. Я жую яблоко так медленно, как только возможно. Я даже съедаю горькую серединку, всё, кроме семечек и черешка. Мои руки становятся липкими от яблочного сока, я облизываю их. Пока я жую – это единственный звук, который слышен в полной тишине. Это неприятно, тем более – я знаю, что вокруг меня много других детей, в таких же камерах, как и моя.

Я подползаю к одной стеклянной стене и начинаю постукивать пальцами по ней. Жду несколько секунд и стучу ещё

раз, погромче. Ничего. Как будто я совершенно одна в этой темноте.

Ничего не видно, ничего не слышно, совершенно нечем заняться. Я сворачиваюсь калачиком около двери и думаю о тёмных планетах и бесцветных городах – местах, где нужно подстраиваться под окружающих, нужно прекращать верить в Бога, чтобы с тобой не случилось ничего плохого. Интересно, Мими догадывалась, что я могу оказаться здесь? И поэтому она давала мне читать так много книг?

Я думаю о ней и о собаке-поросёнке Уорте. Наверное, сейчас они сидят рядышком, в холодном доме. Надеюсь, с ними всё в порядке. Надеюсь, со мной тоже всё будет в порядке.

16 января 0001. Э. Т.

Когда внезапно включается свет, я вздрагиваю и закрываю лицо руками.

Это гораздо хуже, чем когда твоя бабушка включает свет зимним утром, чтобы ты поскорее встала с кровати. Это хуже, чем когда твоя младшая сестра, шутя, светит фонариком тебе в лицо, это даже хуже, чем когда тебе проверяют глаза у окулиста, а потом ты идёшь под ярким солнцем на парковку в Алабаме. Я, в прямом смысле этого слова, не могу поднять веки. Они отказываются слушаться. Меня обжигает даже тот красный свет, что я вижу сквозь закрытые веки. Я сижу как парализованная до тех пор, пока кто-то не открывает дверь в мою камеру, ударив ею меня по затылку.

– Ой, – плачу я и только ещё сильнее сжимаюсь в комок.

Чьи-то сильные руки хватают меня подмышки и рывком поднимают на ноги. Я почти падаю, у меня сильно кружится голова от жажды и от невозможности ясно видеть. Те же руки опять приподнимают меня, поворачивают лицом к двери.

– Ну-ка, давай, – я слышу женский голос, он звучит неприятно, – давай, иди, я не собираюсь носить тебя на руках.

Я двигаюсь вслед за ней как слепая, она нетерпеливо вздыхает. Потом кладёт одну руку мне на плечо, берёт меня за волосы другой, проворачивает в волосах свои пальцы, чтобы лучше схватить меня. Больно. Я слышу, что остальных детей тоже выталкивают из камер. Где-то плачет маленькая девочка. Женщина толкает меня к выходу, дёргая меня за волосы, чтобы я двигалась в нужном ей направлении. Я по-прежнему не могу открыть глаза. Я пытаюсь, но мои веки не слушаются.

В коридоре шумно. Кто-то плачет, кто-то жалуется, кто-то просит о помощи. Все эти звуки совершенно сбивают меня с толку. Женщина, держащая меня за волосы, ведёт меня не очень аккуратно, я несколько раз врезаюсь в других людей, спотыкаюсь об их ноги. Нас ведут по коридорам, мы несколько раз поворачиваем. Из-за шума, невозможности видеть, куда я иду, я не могу запомнить дорогу.

Мы идём довольно долго, и свет в коридоре не такой яркий, как в камере. Когда мы останавливаемся, мне удается чуть-чуть приоткрыть правый глаз на несколько секунд. Де-

ти вокруг меня грязные и худые. Двое или трое из них сильно плачут, и им явно очень нужны носовые платки.

Мы останавливаемся перед какой-то дверью. Она открывается, и я вижу доктора Уилкотта. Девочка рядом со мной, примерно такого же возраста, как и Кейт, громко всхлипывает.

— Добро пожаловать в наш класс, — говорит доктор Уилкотт, — проходите, занимайте свои места, мы начинаем занятия.

Внутри класс похож на класс мисс Линды. Здесь есть доска, таблицы на стенах, стоят парты. Только парты выглядят как-то странно, и прямо у доски зачем-то питьевой фонтанчик. Я сглатываю. Очень хочется пить. Женщина, которая держит меня за волосы, толкает в спину, ещё сильнее дёргает меня за волосы. Так что я прохожу к своей парте номер 14 с сильно запрокинутой головой. Я сжимаю зубы, чтобы не расплакаться, как маленький ребёнок.

Поверхность парт ровная, но по бокам имеются странные металлические детали, похожие на наручники. Женщина просовывает мои руки в них, и металлические кольца захлопываются. Я оказываюсь прикованной. Я могу двигать пальцами, но мои руки выше запястий скованы. Сразу же одна волосинка падает мне на щёку. Очень щекотно, но я ничего не могу с этим поделать.

— Спасибо, милые дамы, — говорит доктор Уилкотт, когда всех детей приковали к своим партам.

Женщины, которые приволокли нас сюда, выходят. Мы остаёмся с доктором, часто моргаем, пока наши глаза привыкают к свету.

Доктор Уилкотт берёт носовой платок со своего стола и вытирает нос девочке, с парты номер 4.

– Как тебя зовут? – мягко спрашивает он.

Она испуганно смотрит на него и, заикаясь, говорит:

– Г-г-грэйс.

Доктор Уилкотт удивлённо поднимает брови.

– Ты уверена? – говорит он. – А я думал, тебя зовут Мили.

Так записано у нас в документах.

Грейс или Мили открывает рот, но ничего не произносит.

– Ты хочешь пить? – спрашивает доктор.

Она дрожит, кивает головой.

– Скажи: да, сэр.

– Да, сэр.

– Знаешь что, Мили, – продолжает доктор, – если ты сможешь написать своё имя на доске, своё настоящее имя, я разрешу тебе попить воды. Согласна? Ты можешь выбрать любой цвет маркера, какой тебе нравится.

Девочка кивает. Доктор Уилкотт вынимает маленький чёрный пульт из нагрудного кармана. Он наводит его на девочку, как будто она какой-нибудь телевизор, и её наручники со звоном расстёгиваются.

Она идёт к доске. Её руки выглядят неправдоподобно худыми, когда она тянется за красным маркером. Как будто ей

стала мала её собственная кожа.

Она берёт в руки маркер и на минуту задумывается. Фон-транчик с водой рядом с ней, такой светлый, серебристый, нежно журчит.

М

И

Она останавливается, кусает губы.

Доктор Уилкотт молча смотрит на неё.

Рука девочки пытается стереть написанное, замирает, потом продолжает писать.

Л

И

— Очень хорошо, Мили, — говорит доктор Уилкотт, — у тебя есть пять секунд, чтобы попить. Один. Два. Три. Четыре. Пять.

Мили пытается выпить как можно больше воды. Потом бежит на своё место. Некоторые дети смотрят на неё с завистью. Другие с отвращением.

Доктор Уилкотт опять нажимает на пульт и её наручники защёлкиваются.

— Итак, в моём классе следующие правила, — говорит он, снимая колпачок с зелёного маркера и со скрипом пишет на доске. — Правило номер 1. Обучение всегда поощряемо. Правило номер 2. Всегда поднимайте руку, если хотите ответить.

Тут он хохочет и стирает с доски правило номер 2.

— Сорри, хочется иногда пошутить, — он прокашливается

и пишет. – Правило номер 2. Ложь причиняет боль.

Все молчат. Мили явно опять нужен носовой платок.

– Прекрасно, – говорит доктор, – давайте начнём урок со знакомства. Представьтесь, пожалуйста. Начнём с первого номера. Просто своё имя и возраст.

Номер один – мальчик, примерно моего возраста.

– Коннор, – говорит он, – одиннадцать лет.

– Очень хорошо, Коннор, у тебя есть пять секунд попить воды.

Коннор встаёт, пьёт воду.

– Меня зовут Грейлин, мне девять лет, – говорит номер 2. Грейлин тоже идёт пить воду.

Номер 3 выглядит упрямым.

– Я – Джон и мне четырнадцать.

– Ты уверен, что ты Джон? – спрашивает доктор.

– Да, – говорит Джон.

– Ну что ж, хорошо.

– Мили, мы уже знаем, как тебя зовут. Сколько тебе лет? – говорит он, отворачиваясь от Джона.

Джон не получает воды.

Мне очень хочется пить, дети, попившие воды, возвращаются на свои места такими спокойными, вытирают воду с подбородка. Номера 5 и 6 получают воду. Номера 7 и 8 – нет.

В это время Джон вдруг начинает кричать.

– Перестаньте, перестаньте, пожалуйста!

– Что случилось, Джон? – тихо и спокойно спрашивает

доктор Уилкотт.

Номера 7 и 8 явно нервничают. Джон пытается выдернуть руки из наручников.

— Горячо! Жжёт! Пожалуйста, прекратите! Остановите это! — кричит Джон, он зажмуривает изо всех сил глаза, сжимает пальцы в кулаки, всхлипывает. Потом он замирает, тяжело дышит. Смотрит на парту.

Что это сейчас было? Что происходит? Я не заметила, чтобы что-то изменилось. Номера 7 и 8 выглядят очень испуганными. Доктор обращается к номерам 9, 10 и 11. Они все получают воду. Когда он спрашивает номер 12, она должна повторить своё имя дважды, потому что начинает кричать номер 7, потом номер 8. Они изгибаются, крутятся на своих местах.

Номера 12 и 13 идут пить.

— Номер четырнадцать, как тебя зовут?

Я в замешательстве.

— Номер четырнадцать, как тебя зовут?

— Ефросинья, — говорю я наконец, — двенадцать лет.

— Какое странное имя, — говорит доктор, — номер пятнадцать, имя и возраст?

Номер 15 — десятилетний мальчик, по имени Митчелл. Он получает воду, но выглядит при этом очень грустным.

Доктор Уилкотт возвращается к своему столу, садится, включает компьютер. Я знаю, что сейчас произойдёт. Наверное, он ждёт этого, потому что время от времени поглядывает

ваёт на меня. Я сжимаю кулаки и стараюсь глубоко дышать.

Мои наручники становятся всё теплее и теплее. Потом становятся такими горячими, что я открываю рот, мне хочется только кричать, как номер 7, но я закрываю рот и ложусь головой на парту, закрываю глаза, все мои мышцы напряжены, мои руки просто горят. Это длится секунд пять, ровно столько, сколько мне было бы разрешено пить воду. Наручники остывают. Некоторое время я лежу головой на парте.

Когда я поднимаю голову, вижу, что все смотрят на меня.

– С тобой всё в порядке, Ефросинья?

Я закрываю глаза и киваю головой.

Боль возвращается.

– Ефросинья раньше была, как это называется, «православной христианкой», – говорит доктор Уилкотт.

Я почти не слышу, что он говорит, так звенит у меня в ушах.

– Кто-нибудь слышал о таких? Нет? Они считали, что некоторые христиане лучше, чем другие. Они рисовали всякие картинки людей, потом поклонялись им. Они считали, что православные лучше всех остальных и что Бог любит их больше других. Ты думаешь, что ты лучше других? – спрашивает меня доктор, – ты считаешь себя лучше Мили и Митчела?

Я прикусываю язык, чувствую вкус металла во рту. Наконец наручники остывают.

– Нет, – шепчу я.

— Ты считаешь, что ты какая-то особенная, а, Ефросинья?
Я стараюсь дышать ровно. *И я вспоминаю, как икона остановила пулю, и я видела святителя Николая, и длинноволосую девочку, и девочку с крестом, сделанным из листьев. И человек с взлохмаченными волосами и бородой дал мне яблоко.*

— Да, — говорю я.

Доктор качает головой.

— Почему ты так решила?

— Может быть, я должна что-то совершить.

— Тебе всего двенадцать лет, — говорит доктор Уилкотт, — ты думаешь, что ты спасёшь мир?

Он улыбается, глядя на меня, как смотрят взрослые на маленьких детей, когда те скажут что-то очень милое. Потом он идёт к своему столу.

— Давайте поговорим об Иисусе, — говорит доктор, — Иисус был реально существующим человеком, исторической фигурой. Но был ли Он Сыном Божиим? Номер первый, Коннор, что ты думаешь?

Коннор оглядывается на меня, потом смотрит прямо перед собой, на свою парту. Молчит.

— Коннор? — рычит доктор Уилкотт.

У Коннора дрожат губы, я не вижу его глаз, они прикрыты грязной чёлкой, волосы у него спутаны, но я уверена, что он вот-вот заплачет.

Доктор наклоняется, пристально смотрит в глаза Коннора

сквозь чёлку.

– Если Иисус был Богом, почему Он тогда умер? Он что, не мог Сам Себя спасти?

Коннор что-то бормочет.

– А, Коннор говорит, что Он умер, чтобы спасти нас! Но от чего Он нас спас?

Коннор выглядит смущённым. Как и многие бы на его месте.

– Он умер, чтобы Бог больше не посыпал людей в ад, правильно? – спрашивает доктор. – Разве любящий Бог мог поступить так? Убить Своего Собственного Сына?

В классе тишина. Я знаю, в том, что он говорит, кроется какая-то неправда. Но я не могу соображать ясно, мои руки сильно болят. Я немного качаю головой. Это видит доктор.

– Ты не согласна, номер четырнадцать? – быстро спрашивает он.

«Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, я не хочу, чтобы мне опять было больно».

– Бог не убивал Иисуса, – медленно говорю я, – Его убили люди.

– А разве это не одно и то же? – спрашивает доктор. – Бог же всесильный, да? Всё происходит по Его воле? Значит, в том, что умер Иисус, виноват Бог?

Я чувствую, как начинают нагреваться наручники. Я не могу думать. Я не могу думать, и я ничего не могу вспомнить, и все смотрят на меня. Но если я не буду сейчас сме-

лой, то и никто не сможет, может быть, для этого я оказалась здесь?

— Мы... имеем... право выбора, — говорю я, — совершать плохие поступки... или хорошие. Бог даёт нам... это право.

— А, ты веришь в свободное волеизъявление, — покачивая головой, говорит доктор.

Я не знаю, что это значит. Наручники по-прежнему только тёплые, но обожжённая кожа болит так сильно, я никогда ещё не испытывала такой боли.

— Скажи мне, Ефросинья, что же делать со всеми местами в Библии, где говорится о предопределении? И как тогда быть с выбором?

Он использует такие сложные слова, что я не могу сосредоточиться. Я не могу вспомнить. Я не могу сейчас думать.

— Иисус... любит... меня, — говорю я сквозь сжатые зубы.

Конечно, это не ответ. Это только то, что сейчас пришло мне в голову.

— Если Он любит тебя, если Он так всемогущ и любит тебя, почему ты здесь? — спрашивает он тем вкрадчивым голосом, каким разговаривал с Коннором.

Я не могу говорить, потому что наручники опять горячие, и я открываю рот, беззвучно кричу.

— Кто помог тебе бежать, Ефросинья? — спрашивает доктор. — Где они прячутся?

Мими, я представляю её у полок с книгами в библиотеке, как она приехала на машине, чтобы забрать меня от дедуш-

ки, как она спала на полу, пока я спала на её кровати. Я ложусь лбом на парту.

— Где они, Ефросинья? — продолжает спрашивать доктор. — Почему же они не позаботились о тебе? Почему же Бог не позаботится о тебе?

— Он заботится, — говорю я, мой голос ломается.

Доктор Уилкотт смеётся. Я не вижу его, моя голова на парте, но я слышу, как трещит по швам его костюм, когда он резко встаёт.

— Кто-то заботится о Ефросинье? — спрашивает он детей.

Наручники начинают остывать. Боль остаётся.

— Верить в какого-то там Бога, который позаботится о тебе, это как верить в Санта-Клауса. Но мы живём в реальном мире, дети.

В какой-то момент я теряю нить разговора и всего происходящего, всё становится неясным, потом погружается в темноту.

17 января 0001. Э. Т.

Меня вырвало в камере. Хорошо, что я смогла добраться до той дырки в полу. Всё равно немного вышло, так, одна жидкость. Меня всё ещё тошнит, но желудок совершенно пустой. Я вся в поту и дрожу. Очень жарко. Особенно моим рукам — они как в огне. Мне хочется кричать — так мне больно. Я не вижу своих рук в темноте и боюсь к ним прикасаться. Я лежу на полу, на спине, стараюсь держать их на весу,

чтобы ни к чему случайно не прикоснуться.

Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешную.

Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешную.

Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешную. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешную Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешную Господи Иисусе Христе помилуй мя грешную...

Держать руки на весу больно. Я немного плачу, потом мне стыдно, что я плачу, потом я думаю о том, что мне так хочется пить, а я трачу воду на слёзы.

Потом зажигается свет. Я не могу встать, даже когда женщина пинает меня ногой. Я просто лежу на полу с закрытыми глазами и читаю Иисусову молитву. Наконец женщина уходит.

Опять всё темнеет и куда-то уплывает. Это хорошо, потому что тогда мои руки не болят, и это мне нравится. Я слышу голоса, чувствую, что люди прикасаются ко мне, поднимают меня, но я остаюсь словно под водой.

Не знаю, сколько прошло времени, но я больше не могу лежать с закрытыми глазами. Я открываю глаза. Я лежу в кровати. Я вижу, что от моей руки идут какие-то трубочки. Два человека разговаривают.

– Он говорит, что пришёл к Хиллари Мэфьюз. Говорит,

что он её отец.

— Алекс Мэфьюз был убит в апреле.

Я узнаю второй голос — это доктор Снайд.

— Что я должна ему сказать? Чтобы он уходил?

— Нет, нет, ни в коем случае. Пригласи его... Он пришёл один, говорите? Проверьте как следует его портфель и карманы, прежде чем пропустите его сюда.

— Да, сэр.

Удаляющиеся шаги.

Внезапно лицо доктора Снайда оказывается прямо перед моими глазами. Я вскрикиваю, пытаюсь отвернуться.

— Извини, что напугал тебя, — говорит доктор извиняющимся тоном, — я просто хотел проверить, как ты себя чувствуешь.

Мои руки горят... И всё моё тело тоже. Я закрываю глаза и пытаюсь опять уйти в бессознательное состояние.

— Мне кажется, тебе это больше не понадобится, — говорит доктор Снайд, и я чувствую, как он выдёргивает трубочку из моей руки. В обычной обстановке это было бы больно, но сейчас я почти ничего не чувствую.

— Ого, да у тебя высоченная температура.

Он кладёт свою тяжёлую руку мне на лоб.

Я хочу сказать, чтобы он не трогал меня, и вообще, оставил в покое. И почему я здесь, а не в классе? Эта комната такая же, как его прежний кабинет. Хорошая мебель, какие-то высказывания в рамочках, пластиковое растение в горшке.

И икона святителя Николая на столе. Мой взгляд останавливается на ней.

— Да, я тоже хорошенько рассмотрел её, — говорит доктор, заметив, куда я смотрю, — это очень хорошая печатная копия иконы. Я также провёл анализ крови. Это не твоя группа крови. Чья кровь на иконе, Хиллари? Твоей матери? Или кого-то ещё, кто тебе помогал?

— Меня зовут Ефросинья, — говорю я.

Мои губы такие сухие, что они даже немного трескаются, когда я открываю рот.

Доктор Снид качает головой.

— Я думал, что после вчерашнего ты не будешь возражать против имени Хиллари. Доктор Уилкотт говорит, что ты была несколько несговорчива.

Я молчу. Тогда он продолжает.

— Я не знаю, — говорит он, кривляясь, нарочито писклявым голосом. — Но это совершенно не важно, — продолжает он своим обычным голосом. — Сейчас твой отец расскажет гораздо больше, чем могла бы рассказать нам ты.

Мой отец?!

Стук в дверь. Входит та самая секретарша, с мальчиковой стрижкой и пятиконечной звездой на шее. Позади неё пожилой мужчина с бородой и в чёрном подряснике. Это отец Иннокентий. Секретарша бросает на него испуганный взгляд и выбегает из кабинета. Но возвращается опять.

— Вот что было в его портфеле, — говорит она, бросая про-

зрачный полиэтиленовый пакет с застёжкой на стол, и опять быстро выбегает.

Отец Иннокентий и доктор Сnid молча стоят и смотрят друг на друга. Кажется, есть что-то неправильное в том, что они находятся в одном здании, может быть, они даже не должны быть в одном мире. Они как герои из разных книг, внезапно оказавшиеся рядом. Я видела однажды, как Хёрши чуть не подрался с другой собакой. Они стояли друг против друга, рыча, и шерсть поднималась у них на загривках.

Вот то, что я сейчас вижу, – очень похоже.

– Как ты себя чувствуешь, Ефросинья? – наконец тихо спрашивает отец Иннокентий.

Доктор Сnid радостно хрюкает, будто он выиграл в какой-то игре, садится на свой стул, скрещивает руки на груди.

– Нормально, – говорю я, хотя нет, вру.

Очевидно, что вру, потому что в таком случае, зачем же я лежу здесь, в кровати, с обожжёнными руками?

Доктор Сnid поднимает пакет и высыпает из него вещи на стол.

– «Сила и Слава»? – спрашивает он отца Иннокентия, поднимая потрёпанную книжку и переворачивая её. – По крайней мере, вы не пьяны, насколько я могу судить.

– Не пьян и не католик, – говорит отец Иннокентий, не отводя глаз от меня, – я не знал, что вы читаете христианскую литературу.

Доктор Сnid выдаёт короткий сухой смешок.

- Ну вот, как всегда, рады осуждать других.
- Да, есть за мной такой грех, – говорит отец Иннокентий, – но это мой личный грех, а не всего Православия.
- Ну, конечно, – говорит доктор Снид, показывая пальцем то на меня, то на икону, – я так понимаю, вы здесь за кем-то из них или сразу за обоими?
- За обоими.
- Тогда давайте мы с вами договоримся. Я отдаю вам только одного. Выбирайте.
- Тогда я беру Ефросинью.
- Больную сиротку вместо святой иконы? Посмотрите на неё, она даже не дойдёт до машины.
- Я вижу здесь две святые иконы, – говорит отец Иннокентий.

Доктор Снид сконфуженно моргает.

- И я уверен, что святитель Николай сможет позаботиться о себе сам. И я готов поддаться искущению и совершить тот же поступок, что и он.
- Что вы имеете в виду? – спрашивает доктор Снид.
- Очень хочется дать вам пощёчину, – очень серьёзно говорит отец Иннокентий.

Доктор Снид бледнеет. Отец Иннокентий – крупный мужчина.

- Вы находитесь в государственном учреждении, – говорит доктор, – оно охраняется, вы не посмеете. Я даже не представляю себе, как вы выйдете отсюда. Как вы это себе

представляете?

Меня опять начинает тошнить. У отца Иннокентия есть план, как можно выбраться отсюда? Неужели он не понимает, что теперь мы оба в западне.

— Вы сами выведете нас отсюда, — говорит отец Иннокентий.

Доктор Сnid хохочет.

— И почему, на каком основании, по-вашему, я это сделаю? Когда вы сами пришли к нам! Священник! Всё, что ещё осталось от Православия, всё это сосредоточено вокруг вас, все рассчитывают на вас. Если вы исчезнете — всё рассыпется. А вы нам скажете все имена, все ваши тайны. Это было ужасно глупо с вашей стороны явиться сюда!

— Я жду, что именно ты выведешь нас отсюда, Иаков. Я уверен в этом, потому что знаю тебя, — говорит отец Иннокентий.

На какое-то время я забываю о боли в руках и только перевожу взгляд с отца Иннокентия на доктора Снида и обратно. Они что, знакомы?

— Ты думаешь, я забыл того маленького алтарника, пожилые родители которого были очень строги с ним? Мальчика-алтарника, который перестал ходить в церковь, став подростком? Того, кто начал принимать наркотики вместе с другим молодым человеком? Того, кто вступил в ряды последователей радикального секуляризма? Но я помню Иакова.

Доктор Сnid побледнел ещё сильнее. Может быть, пото-

му, что он страшно зол?

Мой мозг отказывается думать. Что это значит? Доктор Снайд был православным? Если так, то это многое объясняет. Вот откуда ему известно о постах и о Пасхе и о том, во что верили мои родители.

— У всех есть какие-нибудь религиозные корни, — говорит доктор Снайд, — это никого не заинтересует.

— Ты выведешь нас отсюда вовсе не поэтуму.

— Нет? Тогда почему?

— Потому, что ты тоже помнишь, Иаков, что ты был в алтаре, и ты знаешь, что такое присутствие Святого Духа. Ты ненавидишь всё, что связано с тем миром, но ты помнишь, и ты знаешь. Ты знаешь, что за икона лежит на твоём столе, как бы ты ни отрицал это, и ты знаешь, какой это ребёнок. И ты знаешь, кто я. И ты знаешь, против какой силы ты пойдёшь, если не поможешь нам сейчас.

Доктор Снайд стоит неподвижно, замерев на месте, я только вижу, как ходят желваки на его челюстях. *Он смотрит на икону святителя Николая, и я знаю, что он думает о крови, группы которой не совпадает с моей, и о пуле, которая не смогла пробить такое тонкое дерево.*

Отец Иннокентий, не дожидаясь того момента, когда доктор примет окончательное решение, подходит к кровати, наклоняется и берёт меня на руки. Я довольно высокая для своего возраста. Я чувствую, как дрожат его руки. Он ногой открывает дверь кабинета и выходит через пустой коридор, че-

рез комнату ожидания, мимо противных картинок на стенах, в большой холл.

— Долго мы так не продержимся, — говорит он мне, тяжело дыша, почти бегом устремляясь к лифту, — нам нужно выбраться отсюда до того, как он изменит своё решение. У тебя что-нибудь ещё болит или только руки?

— Нет, — шепчу я, — но здесь ещё много детей, они будут продолжать мучить их...

— Мы что-нибудь придумаем, сначала нам нужно выйти отсюда живыми. Нажми эту кнопку, пожалуйста.

Я пинаю ногой кнопку лифта, она загорается оранжевым цветом. У меня сильно кружится голова, и та рука, которая касается подрясника, болит так сильно, что я начинаю плакать, оставляя тёмные мокрые пятна прямо у него на груди.

Двери лифта открываются, и отец Иннокентий вносит меня внутрь. В тот же момент открывается дверь в конце коридора, оттуда выбегает доктор Снайд. Кричит:

— Стойте!

Двери лифта захлопываютя прямо перед его носом, и лифт начинает двигаться вниз. Мы ждём, пока лифт опускается всё ниже и ниже, и я слышу, как отец Иннокентий читает Иисусову молитву.

— Мы не взяли икону, — говорю я сквозь слёзы.

— Я не мог взять и тебя и икону, а у тебя болят руки.

Я плачу ещё больше от мысли, что святитель Николай остался там, с доктором Снайдом и доктором Уилкоттом.

Когда двери лифта открываются, отец Иннокентий выходит и бежит в том направлении, куда указывает голубая табличка «Зал ожидания». Я слышу звуки шагов и крики у нас за спиной, но я не вижу ничего из-за плеча отца Иннокентия. Я слышу громкий щелчок, от которого у меня звенит в ушах, потом я слышу еще три выстрела, до того, как мы сворачиваем в большой зал с уродливыми картинами на стенах.

— Стойте, стойте, сэр, — кричит секретарша, — вы не можете...

Отец Иннокентий резко разворачивается и выбегает спиной через вращающиеся двери, потом еще через одни, теперь мы на улице. Он бежит к белой машине, вижу кого-то знакомого за рулём. Мими! Она выглядит испуганной, но я вижу по её губам, что она произносит моё имя.

Отец Иннокентий открывает заднюю дверь, в этот момент охранники выбегают из здания. Он поворачивается, чтобы положить меня на сиденье, и тут я вижу, как охранник целился в нас. Странный момент дежавю. Еще один выстрел разрывает воздух.

Глава седьмая

Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим. Святых лик обрете источник жизни и дверь райскую, да обрыващу и аз путь покаянием: погибшее овча аз есмъ, воззови мя, Спасе, и спаси мя. Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим. Агнца Божия проповедавшее, и заклании бывше якоже агнцы, и к жизни нестареемей святыи, и присносущней преставльшайся. Того прилежно мученицы молите, долгов разрешение нам даровати. Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим. В путь узкий ходиши прискорбный, вси в житии крест яко ярем вземииши, и Мне последовавши верою, придите, насладитесь, ихже уготовах вам почестей, и венцев небесных. Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим. Образ есмъ неизреченныея твоей славы, аще и язвы ношу прегрешений: ущедри твое создание, Владыка, и очисти Твоим благоутробием, и возжеленное отчество подаждь ми, рая паки жителя мя сотворяя.

День первый

Больно только в первые мгновения, и вот меня уже здесь нет. Я бегу мимо каких-то домов, деревьев, полей, мелькают деревья, потом – запертая дверь, которую я почти узнаю, а дальше – тёмный дом. И здесь я наконец останавливаюсь.

Полная тишина. Ни малейшего движения.

– Эй? – испуганно зову я.

Но почему-то я не могу издать ни одного звука.

– Отец Иннокентий? – пытаюсь сказать хоть что-то. – Мими?

Но кажется, все эти звуки только у меня в голове. Что происходит? Где я? Почему я не могу говорить? Я слишком устала от всего, что произошло со мной за последнее время. Я больше не могу. Я опираюсь спиной о стену, медленно сползаю на пол. Когда я пытаюсь поднять колени к груди, я совсем не вижу своих ног. Я чувствую их, но я сама как будто стала невидимкой. Я опять начинаю плакать уже, кажется, в тысячный раз.

Я не сразу замечаю, что рядом со мной появился кто-то, похожий на мальчика-подростка. Сначала он похож на небольшое свечение, потом становится больше, ярче. Я перестаю плакать и смотрю на человека, сидящего рядом со мной. Я так удивлена, что даже не могу ничего сказать. Юноша улыбается мне. Он гораздо выше меня, даже когда сидит, его кудрявые каштановые волосы собраны назад, в хвостик. Если бы я не была так удивлена, я, пожалуй, позавидовала бы его волосам. Они гуще и красивее, чем у всех моих знакомых девочек. И ещё он красивее всех людей, каких я только видела. Я не могу отвести от него глаз. Он одет во что-то похожее на джинсы и красный свитер, а на поясе у него что-то, от чего я прихожу в полное изумление.

– Это – меч, – говорит он.

— Что? — говорю я, и, хотя по-прежнему не могу издать ни звука, он понимает меня.

— Это — меч, — повторяет он.

Встаёт на ноги и чуть наклоняется, чтобы вынуть меч из кожаного мешочка. И хотя в комнате свет очень тусклый, меч светится жемчужным светом.

— Кожаный мешочек называется ножны, — говорит он, как будто он знает, о чём я подумала.

— А можно его подержать? — спрашиваю я.

— Ты можешь попробовать, но я не думаю, что ты сможешь, по крайней мере, сейчас. — Он держит меч в руках так, чтобы я могла взяться за его рукоятку.

Я поднимаю свои руки-невидимки, чтобы взять меч. На долю секунды я ощущаю холод металла, но мои руки проскальзывают сквозь него, как будто я привидение.

— Лучше, чем у большинства душ, — бормочет юноша, — наверное, из-за яблока. А ты особенная, знаешь?

— Почему я не могу прикасаться к вещам? — дрожащим голосом спрашиваю я. — Почему я не вижу свои руки?

Лицо юноши становится очень серьёзным.

— Только не пугайся, ладно?

Такое начало — плохой знак.

— Что со мной не так? — шепчу я.

Юноша погладил меня по плечу. Хотя я сама не могу прикасаться к вещам, он почему-то может прикасаться ко мне. Странно.

- Ты… знаешь, ты умерла. Вернее, только твоё тело, – быстро добавляет он, – когда охранник выстрелил в тебя.
- Я умерла? – спрашиваю я.
- Я почти начинаю плакать уже, кажется, в тысяча первый раз.
- Только твоё тело, – повторяет юноша.
- Как будто от этого мне должно стать легче.
- Я что, привидение?
- Нет, – отвечает юноша и смеётся, как будто я сказала что-то очень смешное, – ты – душа.
- Значит, я иду в рай? – Я боюсь спрашивать о другом варианте развития событий.
- Это решают не я, – говорит юноша, – но ты прожила хорошо. На твоём месте, я бы надеялся. Господь видит твоё сердце и всё, что в нём. И ты – Его дитя.
- Если я – душа, почему я чувствую какое-то невидимое тело? И кто ты?
- Юноша вкладывает меч в ножны и опять садится так, что он может опереться локтями на свои колени.
- Ты двенадцать лет прожила на Земле, – говорит он, – и твоя душа по-прежнему имеет форму твоего тела.
- Непонятным образом это объяснение всё-таки делает происходящее чуть более понятным.
- А кто ты?
- Я Геральд – твой ангел-хранитель.
- Я тут же вспоминаю икону, которая висела в нашей спаль-

не, как раз между моей кроватью и кроватью Кейт. Икона, на которой изображён кудрявый ангел в голубой рубашке с красным поясом, на котором висит меч.

– То есть ты был здесь всё это время? – спрашиваю я.

Геральд кивает.

– С того времени, как тебя крестили.

– И ты был уже достаточно взрослым, чтобы стать ангелом-хранителем?

Мне кажется, ему не может быть больше семнадцати или восемнадцати лет.

– Я гораздо старше, чем выгляжу, – говорит он с улыбкой.

– А, – говорю я.

Вообще это странно, что кто-то был рядом и наблюдал за мною всю мою жизнь. Я вспоминаю обо всех глупостях, которые совершила. Я грубила Кейт, огрызаясь на замечания папы с мамой. Очень стыдно.

Мы сидим молча какое-то время, слушаем, как поют цикады на улице. Окна заколочены, и я не очень ясно вижу комнату, только очертания – в лучах света, который пробиваеться между досок.

– А где мы? – наконец решаюсь спросить я.

– Ты не узнаёшь? Это же ваш старый дом.

Хотя у меня нет больше тела, я чувствую, как по моей спине будто пробежал холодок. Он прав, теперь я вижу, что мы сидим в гостиной. Здесь умер папа и Хёрши. Они всё ещё здесь?

Геральд сжимает мою руку, которой как бы и нет, как будто знает, о чём я думаю.

— Здесь всё убрали и дом заперли несколько месяцев назад, — тихо говорит он, — здесь ещё осталась кое-какая мебель и немного вещей. Но здесь не осталось ничего, что может причинить тебе боль. Хочешь, я сделаю так, что станет посветлее?

Я киваю в знак согласия и беру его за руку своей невидимой рукой. Я жду, что он начнёт светиться ярче или что-нибудь в этом роде. Вместо этого он нажимает на выключатель и помогает мне подняться.

Гостиная почти пуста. Наш старый диван всё так же грустит у дальней стены, и на полу лежат осколки стекла. И всё. Больше тут ничего нет. На стенах нет больше икон, а в углу нет маленького аналоя, лампада тоже исчезла. Мы с Геральдом подходим к тому месту, где я в последний раз видела лежащими на полу папу и Хёрши. Я смотрю на пол. Всю кровь вытерли.

— А папа, он сейчас в раю? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает Геральд очень серьёзно.

Я чувствую тепло внутри.

— А мама и Кейт?

— Да, и они все молились о тебе, — говорит он.

— Я тоже хочу пойти туда, — тихо говорю я, — мы уже можем идти?

— Пока нет, — говорит он, — у тебя есть три дня, которые

ты можешь провести здесь, а потом мы покинем этот мир.

– Но ты же будешь со мной всё это время?

Я сжимаю его руку, так мне спокойнее. Хотя моей руки по-прежнему нет, но я чувствую его ладонь.

Мы проходим по коридору и останавливаемся около нашей детской комнаты. Стены в ней всё ещё розовые. А вот штор больше нет. Постельное бельё и пледы тоже исчезли. Нет больше и наших игрушек. Под моей кроватью ничего нет. Под кроватью Кейт я вижу какую-то бумажку, которую, наверное, не заметили те, кто хозяйничал в нашем доме. Я пытаюсь развернуть её, но мои пальцы проскальзывают сквозь неё.

– Ты можешь помочь мне? – прошу я Геральда.

– Ты же знаешь, что ты не сможешь взять её с собой, – предупреждает он.

– Я просто хочу посмотреть.

Геральд наклоняется и поднимает бумажку, разворачивает её для меня. Это валентинка с розовым и сиреневым сердечками, которую я нарисовала для Кейт три года назад. Я даже не знала, что она хранила её всё время. Геральд опять сворачивает её и кладёт под кровать.

– Знаешь, она провела свои три дня с тобой, – говорит он.

– Да? Это когда я была в лесу?

Он кивает.

– И твои мама и папа – тоже. Они очень тебя любят.

Мы идём в спальню родителей. Здесь тоже нет постель-

ногого белья и штор. Я не хочу заглядывать под кровать, мне не хочется вспоминать, как я там пряталась. Кто-то разрисовал стены уродливыми рисунками, а в углу я вижу пару мятых банок из-под пива. Я вспоминаю, как каждую субботу утром мы с Кейт пробирались сюда и будили папу, чтобы он приготовил нам блинчики на завтрак. Он хватался за изголовье покрепче, а мы пытались вытащить его за ноги из кровати. А мама пряталась под одеялом и говорила, чтобы мы убирались подальше и что дети – это была её самая большая ошибка в жизни. Но она всегда нежно обнимала меня, когда я приносила ей кофе.

Интересно, в раю будет так же? Точно так же, конечно, не может быть, особенно после всего, что произошло с нами. А ещё они уже прожили без меня почти целый год. Они всё ещё думают обо мне?

– Они молятся о тебе каждый день, – говорит Геральд.

Это странно, но, кажется, он знает все мои мысли.

Я ложусь на кровать и обнимаю невидимыми руками своё невидимое тело. Матрас ни капли не прогнулся подо мной.

Геральд вынимает меч, снимает ножны и тоже ложится. Я прижимаюсь к нему и думаю, что вот, наверное, это и есть то самое чувство, когда у тебя есть старший брат. Только твоему брату тысяча лет, и, ко всему прочему, он ещё и ангел. А его мудрость так велика, что это просто невозможно себе представить.

– Ты бы хотела сегодня пойти ещё куда-нибудь? – спра-

шивает ангел.

Мне хочется узнать, что произошло с Мими, отцом Иннокентием и с Уэссонами. Но прямо сейчас мне просто хочется оставаться в нашем доме. Я качаю головой.

– Хорошо, – тихо говорит Геральд.

Ещё через минуту я спрашиваю:

– А души спят?

– В этом нет необходимости, но ты можешь поспать, если хочешь. Я буду охранять тебя.

Я закрываю глаза и словно уплываю куда-то вдаль.

День второй

Когда я просыпаюсь, солнце заливает комнату сквозь незанавешенное окно. В доме, должно быть, холодно, но мне тепло. И не совсем понятно почему: то ли оттого, что Геральд рядом, или оттого, что теперь у меня нет тела.

Он уже открыл глаза, а может быть, вообще не спал. Когда он чувствует, что я начинаю шевелиться, то слегка сжимает мою руку. Удивительно, но это я чувствую.

– Ты отдохнула?

– Думаю, да.

Я ещё раз бросаю взгляд на комнату: граффити на стене, голое окно. Она больше не похожа на комнату родителей. Теперь я готова уйти отсюда.

– Куда бы тебе хотелось попасть сегодня? – спрашивает ангел.

— Мне хотелось бы увидеть Мими и отца Иннокентия, — говорю я.

Я пытаюсь сесть, но понимаю, что во мне что-то изменилось. Я больше не чувствую тяжести, совсем. Словно я нахожусь в воде.

Я даже не знаю, касаюсь ли я кровати, потому что я совсем не чувствую своих ног. Я помню, где они должны быть, но там ничего нет.

— Я очень странно себя чувствую. Я всё больше становлюсь похожей на привидение.

И хотя я теперь бесплотное, только мыслящее существо, Геральд каким-то образом умудряется приобнять меня.

— Ты не привидение, ты — душа. Это немного страшно, но твой страх скоро пройдёт.

— А ты когда-нибудь умирал? — спрашиваю я.

— Нет, — с улыбкой говорит он, — но Мой Господь умирал. Боль, которую испытывала ты, испытал и Он. И Он подготовил обитель для тебя.

Я представляю себе маленький домик с мамой, папой и Кейт, ожидающими меня. Не знаю, как оно будет на самом деле, но мне становится немного легче.

— Нам долго туда добираться? — спрашиваю я.

— Это почти не займёт времени. Ты готова? — говорит ангел.

— Да.

На мгновение мне кажется, что комната вращается и слов-

но растворяется в пространстве. А мы оказываемся на опушке леса, около храма-трейлера. Геральд стоит, а я как будто плыву над землёй.

Я вижу две знакомые машины около трейлера. Белая и золотая. В белой – разбито стекло, и круглые дырочки на задней двери. На машине нет номера.

- Мими в храме? – спрашиваю я.
- Да, и отец Иннокентий тоже.
- Это значит, что и я там тоже?
- Там твоё тело, – говорит ангел, – ты сама – здесь, со мной.

Я стараюсь приблизиться к Геральду.

– И я увижу себя, если войду в храм? – Мой голос внезапно становится очень высоким.

Как и всегда, если я сильно испугана. Я пытаюсь щёлкнуть костяшками пальцев, но у меня их больше нет.

– Нет. Они положили тебя в гроб. Твоё отпевание будет завтра. Тебя похоронят с молитвой и почестями.

– Хорошо, – говорю я.

Мне всё ещё страшно, но я хочу увидеть Мими. Мне хочется убедиться, что с ней всё в порядке. Мы подходим к храму и поднимаемся по ступенькам.

Я думаю: увидят ли они Геральда? Я вижу и слышу его, как если бы он был обычным человеком. А что они подумают, увидев юношу с мечом?

Ангел проходит сквозь дверь, не открывая её. Странно,

но то же самое делаю и я. Это как если бы дверь внезапно отодвинулась в сторону. И вот мы уже в храме.

Он освещён только несколькими свечками. Кто-то поставил их на подсвечник с песком, прямо перед иконами Спасителя, Богородицы и святителя Николая. Посередине храма стоит деревянный ящик, и я вижу, как рядом с ним кто-то сидит, низко опустив голову.

– Мими? – говорю я.

– Она не слышит тебя, – говорит ангел, – но она может почувствовать тебя, если ты приблизишься к ней.

Я приближаюсь к ней. Геральд стоит позади и просто смотрит.

Мими – первый человек, которого я вижу с тех пор, как умерла. Когда я оказываюсь рядом с ней, то понимаю, что теперь я могу видеть больше. Не только то, что снаружи. Я могу видеть её душу. И это заставляет меня грустить. Её серебристая душа покрыта чёрными шрамами. Я вижу огромную рану на её сердце и рану на её правой руке, той, что она, плача, прикрывает лицо. Рана на сердце выглядит старой, а на её руке – совсем свежей. Я наклоняюсь к ней, пытаюсь обнять.

– Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй, – шепчет Мими не переставая.

Она крестится, и её пальцы оставляют на мгновение светящийся след. Рядом с ней, на полу, смятая бумажка. Это картинка, которую я нарисовала для неё на Рождество, где

она стоит в окружении героев книг.

— Господи, помилуй. Господи, помилуй, — шепчет она.

Мне так хочется обнять её и сказать, что со мной всё в порядке! Я пытаюсь подойти к ней как можно ближе. И вот она уже не плачет так горько, но продолжает молиться, и я ощущаю, как замедляется её дыхание. Мы сидим рядом какое-то время.

Входит отец Иннокентий. Я не сразу замечаю его. Только когда он подходит к нам очень близко и с трудом опускается на пол. Я вижу шрамы на его душе, большинство из них уже старые. Линия света ровно лежит от его лба до живота и от правого плеча к левому. Словно он крестился так много раз, что рисунок креста запечатлелся на нём.

Отец Иннокентий поднимает бумажку и разворачивает. Я вижу лёгкую улыбку, когда он смотрит на картинку, хотя его глаза остаются по-прежнему печальными.

Мими ещё раз крестится и замирает, глядя на гроб.

— Это она нарисовала? — спрашивает батюшка.

— На Рождество. Она сама нарисовала. Как настоящий художник.

— Она очень любила тебя, — говорит отец Иннокентий.

— Было бы лучше, если бы я не трогала её вовсе, — говорит Мими, вытирая слёзы, — если бы не я, она была бы жива!

— Нет, — очень хочется мне сказать, — ты не виновата!

— Но если бы не ты, может быть, в дальнейшем она отказалась бы от веры, — говорит отец Иннокентий, — она умерла

мученической смертью. И её тело остановило пулю, которая предназначалась мне.

Мими кивает головой.

– Но ей было всего двенадцать лет! Она была слишком маленькой, чтобы принести себя в жертву.

– Она была во многом старше и сильнее нас. Ефросинья была особенным ребёнком. Может быть, потому, что погибла её семья, может быть, святые помогли ей. Она была готова к своему уходу.

– Вы хотите сказать, что ей было суждено умереть?

– Нам всем суждено умереть, – говорит отец Иннокентий, – но Ефросинья была послана сюда, как луч света. И она была крепка в своём уповании.

– Вы говорите о ней так, словно она подобна Христу, – говорит Мими.

– Святые – во Христе, и Христос в нас, и в Духе Святом подаёт нам благодать и Свою Помощь.

– Вы думаете, что Ефросинья была святой?

– Я не имею права говорить так. Господь Сам прославляет Своих святых, а не мы, простые люди. Я могу сказать только то, что она была сильнее, чем любой другой двенадцатилетний ребёнок, которого я встречал. Ты сама видела ожоги на её руках. Немногие взрослые могут выдержать такую боль и не сломаться.

– И ещё икона.

– Да, и ещё икона.

– Почему святитель Николай спас её, если ей всё равно суждено было умереть? – спрашивает Мими, дрожа.

Отец Иннокентий какое-то время молчит. Он смотрит на гроб, в глазах его блестят слёзы.

– Я не знаю, – говорит он, – но она спасла мою жизнь. Лучше бы умер я, а не невинный ребёнок. Не хотел бы я сам делать такой выбор: я или ребёнок. Здесь мы стоим перед какой-то тайной, которая заставляет меня предполагать, что всё так и должно было случиться. И случилось это именно для Ефросиньи, не для меня.

– Что?

– Святитель Николай.

– Вы говорите об иконе?

– Об иконах.

Мими не понимает.

– Разве там было две иконы?

– Две иконы, – задумчиво говорит отец Иннокентий, – два стрелка, две пули, две иконы. Мы все сотворены по образу Божию, мы все являемся образами – иконами Господа. Ефросинья рассказывала тебе о чудесном спасении, когда был убит чтец Марк? Она держала перед собой икону...

Я пытаюсь понять, о чём говорит батюшка, но Геральд зовёт меня. Я возвращаюсь к двери, где он ждал меня всё это время.

– Нам пора идти, ты очень нужна своей бабушке.

Очертания храма словно тают, подобно тому, как это было

с нашим старым домом. Но в этот раз реальность вокруг нас восстанавливается чуть дольше.

Мы с ангелом в знакомом дворике, перед знакомым домом, кусты перед ним идеально подстрижены. Перед домом стоят бабушкина машина, дедушкин грузовичок, и даже дорогая голубая машина дяди Роберта. Я знаю, что дует ветер, потому что я вижу, как шевелятся листья на кустах и кудри Геральда. Но сама я больше не чувствую движения воздуха.

— Я не хочу идти туда, — шепчу я.

Ангел молчит.

Я смотрю в гостиную через окно. Я вижу мигающие блики от включённого телевизора. Знают ли они, что я умерла? Сейчас они, скорее всего, уже знают.

Я вспоминаю, как бабушка читала мне книгу, когда я заболела, и как она пекла печенье для меня. Ангел сказал, что я нужна ей.

— Ты пойдёшь со мной? — наконец говорю я.

Геральд кивает.

— Я буду рядом с тобой, и помни: они не увидят тебя.

— Да, хорошо.

Мы медленно подходим к входной двери. Венок с Зимних Праздников всё ещё висит на двери. Видимо, его забыли снять.

Внутри всё так же, как и раньше. Никто не убрал ёлку. По телевизору показывают футбол, а дедушка, дядя Роберт и тётя Синди сидят перед экраном. Дедушкины глаза —

словно остекленели, взгляд устремлён в никуда. Рядом с его креслом – куча пустых банок.

Геральд, мерцающий ангельским, чуть желтоватым светом, выглядит здесь странно. Он принадлежит иному миру. Его резкий профиль, длинные пальцы на рукояти меча совсем не подходят к этой гостиной с тёмными шторами, с недоеденной пиццей в коробке на журнальном столике. Я чувствую себя настоящим привидением, как бы невидимкой, наблюдающей за чужой жизнью. Дядя Роберт берёт ещё один кусок пиццы и возвращается к телевизору.

А где же бабушка? На кухне выключен свет. Я в последний раз бросаю взгляд на гостиную и двигаюсь по лестнице, наверх. Ангел следует за мной.

Сначала мне кажется, что в верхних этажах никого нет. Я оказываюсь в бабушкиной спальне, но её там нет, только на полу – гора одежды и стопки романов. Это очень странно, бабушка – большой любитель порядка. В её ванной темно. Гостевая комната тоже тёмная. Значит, осталась только одна комната, где она может быть, – моя.

Ангел ждёт меня. Он ободряюще приобнимает меня. Уж не знаю, как можно обнять кого-то, у кого больше нет тела. Мы оказываемся в моей комнате.

Здесь ничего не изменилось с тех пор, как я убежала. Вот на полу лежат мои учебники и тетради, которые я высыпала из рюкзака. И ещё некоторые ящики выдвинуты наполовину – когда я искала нужную мне одежду в темноте. Мои часы

умиротворяюще тикают. Бабушка лежит на моей незаправленной кровати, свернувшись, поджав ноги. Она выглядит меньше и старее, чем я её помню. На ней совсем нет косметики.

– С ней всё в порядке? – спрашиваю я Геральда.

– Нет, – говорит он, – может быть, потом она найдёт в себе силы. Но я не знаю, как дальше сложится её жизнь.

На душе у бабушки не так много шрамов, как у Мими, но её душа выглядит какой-то мутной. Как если бы кто-то поставил свечу в стеклянную банку, и на стенках банки образовалась бы копоть. Может быть, это потому, что она старше? А может быть, и нет. Я приближаюсь к ней, мне хочется обнять её, так же как Мими. Как только я оказываюсь рядом, она начинает плакать. Её сотрясают тихие рыдания, и она закрывает себе рот, чтобы не побеспокоить тех, кто внизу.

– А я правда не могу поговорить с ней? – спрашиваю я ангела.

Мне очень больно видеть бабушку в таком состоянии. Она не была моей мамой, но она была очень добра ко мне. Она была особенной.

– Ты можешь помолиться за неё, – говорит Геральд.

И я начинаю читать Иисусову молитву. Повторяю слова молитвы снова и снова. Ангел подходит к нам и кладёт руку ей на плечо. Почувствовала ли она это? Я вижу, как она вот-вот снова зарыдает. Она берёт мою подушку, зарывается в неё лицом. Под подушкой лежит какой-то предмет.

Бабушка поднимает голову, нащупывает книжку. Она вытирает глаза, берёт книгу в руки – это «Излом времени»! Последняя книга, которую я читала. Она открывает её, прикасается пальцами к строчкам, касается моего имени, которое я написала на обложке. Не Хиллари. Ефросинья. Наверное, я опять не думала, что делаю.

Новая слезинка катится по щеке.

– Ефросинья, – шепчет бабушка.

Я замираю на миг, не дочитав до конца молитву. Она разговаривает со мной или просто прочитала моё имя?

– Прости меня, пожалуйста, милая, – шепчет она, прижимая книгу к груди, – прости, пожалуйста.

Бабушка опускает голову и закрывает глаза.

«Я прощаю тебя», – думаю я.

Бабушка делает глубокий вздох, её дыхание выравнивается. Я читаю Иисусову молитву. Через какое-то время я слышу, что она заснула.

– Ты хотела бы сходить ещё куда-нибудь? – спрашивает ангел, когда я заканчиваю молиться.

– Пока нет, я хочу побывать с бабушкой.

– Хорошо.

И мы остаёмся здесь надолго. Я слышу, как отъезжает машина дяди Роберта, вижу, как садится солнце и как ярко светит луна в моё окно, освещая разбитые фарфоровые фигуры на полу. Телевизор работает всю ночь, я не слышу, чтобы дедушка поднимался наверх, в спальню.

Утром бабушка просыпается, оглядывает комнату в недоумении. Когда она всё вспоминает, я вижу, как тень страдания пробегает по её лицу. И я думаю, что она сейчас опять заплачет. Она садится, трёт лоб.

«Господи, Иисусе Христе, помилуй мою бабушку», – думаю я.

Бабушка медленно встаёт с кровати и смотрит на часы. Прихрамывая, она идёт к двери, но тут что-то привлекает её внимание. Солнечный луч падает прямо на обломки фарфоровых фигурок Христа и Богородицы. Она наклоняется и поднимает эти кусочки.

Это лицо, шея и плечи Младенца Иисуса. Он, улыбаясь, смотрит на неё. Бабушка сжимает его в руке и выходит из комнаты. Снизу доносятся только звуки включённого телевизора.

Очень медленно она поднимает руку ко лбу, потом опускает её к животу, потом – к правому и левому плечам. Она выглядит удивлённой, как будто сама не может поверить в то, что она сейчас сделала. Она не может видеть сияющие линии креста. Но сейчас её душа словно начинает проясняться.

День третий

Осталось последнее дело, которое я должна сделать, прежде чем уйду из этого мира навсегда.

Я чувствую, что я меняюсь. Я чувствую, что повзросла. Я больше не маленький ребёнок. Может быть, это по-

следствие смерти, а может быть, когда твоя душа становится только душой и уже не связана с телом, возраст больше не имеет значения? Я не стала другой личностью.

Я по-прежнему Ефросинья. Но словно весь мой эгоизм и неуверенность двенадцатилетней девочки исчезают. Геральд, напротив, не выглядит таким уж взрослым, хотя он уже существовал за тысячу лет до моего рождения. Мне интересно, мама и папа в раю стали моложе? И как сейчас выглядит Кейт?

Ангел ведёт меня сквозь стерильные коридоры Департамента Тolerантности и зала ожидания с нелепыми картинками безносых детей. Мы проходим мимо охранников, служащих и медсестёр. Никто не видит нас. Души некоторых из них похожи на тени. Они все выглядят ужасно взволнованными, я никогда не видела взрослых в таком состоянии. Или я только сейчас стала замечать такие подробности?

Я на минуту замираю перед дверью, которая ведёт в тёмную комнату с камерами, где томятся дети.

- Мы можем им чем-то помочь? – спрашиваю я.
- Это не то задание, которое мы должны будем выполнить, – отвечает он.

Его слова звучат как-то холодно, отстранённо.

- Но мы ведь не можем просто так оставить их здесь?
- О них есть замысел, – уже мягче говорит Геральд. – И у них теперь есть надежда. О тебе позаботились, о них тоже есть кому позаботиться.

– Ты хочешь сказать, что они все умрут?
– Рано или поздно все люди умирают. Не бойся тех, кто убивает тело, душу же убить не могут.

Он не понимает. Он сам никогда не умирал.

– Я не умирал, но мой Господь умирал, – говорит ангел.

Мне не хотелось бы, чтобы он читал мои мысли с такой лёгкостью.

– У них есть надежда, – повторяет Геральд, – ты принесла им свет. Они не будут покинуты. Другие, такие же как я, позаботятся о них.

Очень трудно проходить мимо этой двери. Но я верю ангелу. И он улыбается мне и нажимает на выключатель.

– В следующий раз им будет чуть легче, – шепчет он.

Доктора Снида нет в его кабинете. Я даже не знаю, разочарована я этим или, наоборот, рада. Возможно, я больше никогда его не увижу.

Икона святителя Николая лежит на столе между моим файлом и какими-то юридическими документами.

– Ты можешь взять её? – спрашиваю я у Геральда.

– Я думаю, сейчас ты сама сможешь это сделать, – говорит он.

– Но у меня нет тела, я больше ничего не чувствую.

Ангел берёт икону и подаёт её мне.

– Возьми, она спасла тебе жизнь.

У меня нет рук, как я смогу взять её? Но когда ангел отпускает её, икона остаётся со мной, словно она соединена с

моей душой.

– Но ты не сможешь взять её с собой, – говорит он, как и в тот раз, когда я хотела поднять с пола валентинку для Кейт.

– Что же делать?

– Оставь её в том месте, которое тебе кажется безопасным.

Пусть она остаётся там до тех пор, пока не понадобится кому-то.

– Где же я найду такое место?

Я ненадолго задумалась.

– Библиотека. Секция нон-фикшен и исторической литературы. Если что-то потеряется там, это невозможно будет отыскать до поры до времени.

Кабинет доктора Снида исчезает.

Я слышу голос Мими и голос Дэниела, и голос отца Иннокентия. И голоса многих других. Так, словно они доносятся издалека.

...Господи, помилуй...

– Нам пора, – говорит мой ангел-хранитель.

На нём больше нет одежды, похожей на джинсы и свитер, теперь на нём голубое одеяние и красный широкий пояс. Его меч вынут из ножен. И он стал меньше похож на человека, а больше на великан...

...Господи, помилуй...

– Будь как можно ближе ко мне, – говорит Геральд.

– Хорошо, – отвечаю я.

Одновременно я чувствую страх и восторг.

... Во блаженном успении вечный покой... Подаждь, Господи, новопреставленной рабе Божией Ефросинье...

Слова тают...

www.vsbook.ru